

16+

ISSN 2618-8775

ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1

2023

Журнал включен
Высшей аттестационной комиссией
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

АРМАВИР

ISSN 2618-8775

BULLETIN
OF ARMAVIR STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY

№ 1

2023

**The magazine is inscribed
by the Higher Certifying Commission
on the index of leading reviewing
scientific periodicals for publications
of main dissertation research results
for competition of academic degree
of Doctor and Candidate of Science**

ARMAVIR

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 1

2023

Главный редактор

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской, инновационной и международной деятельности ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, член Русского географического общества

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Зеленко Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Изропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

**«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

2023 г.

№ 1

*Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский
край*

**УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО
«Армави́рский
государственный
педагогический
университет»**

Web site:
<http://vestnik.agpu.net/>
E-mail:
vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК 378
ББК 74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Понарина Наталья Николаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Родионова Валентина Ивановна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Стирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракельянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Международные члены редакционной коллегии

Согоян Спартак Серсезаевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информационных технологий Ширакского государственного университета имени М. Налбандяна, Армения

Ответственные редакторы

Гладченко Виктория Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Лоба Всеволод Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Технические редакторы

Зданевич Лилия Владиславовна, редактор редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Рубцов Игорь Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ардинцева М.В., Тупичкина Е.А.

Компьютерные технологии как средство обогащения
сюжетно-ролевой игры дошкольников в области
здоровьесбережения 9

Голодов Е.А., Дорофеева О.А., Спирина О.Н.

Результаты апробации комплексной технологии, направленной
на совершенствование профессиональных компетенций педагогов
в условиях цифровизации образования 18

Гордиенко С.А., Маркелов В.И., Третьяченко Д.С., Захаренко С.Г.

Эффективность технологий обучения специальным дисциплинам
в летном вузе 30

Доброва В.В.

Роль концепта «педагогическая ситуация» в терминологическом
строении наук об образовании: междисциплинарный анализ 39

Кирсанова А.М., Вакуленко Е.Г.

О развитии текстовой компетентности будущих режиссеров театра
на занятиях по сценической речи 51

Лобанов И.А.

Содержание процесса педагогического саморазвития офицера ВКС
в историко-культурной ретроспективе становления российского
офицерского корпуса 63

Лобко Р.А., Зеленко Н.В., Пономарева В.В.

Состояние проблемы формирования готовности к саморазвитию
будущих юристов в вузе 73

Рябцев Д.Г.

Модель проектирования лингво-профессиональной подготовки
в военном вузе военнослужащих из зарубежных стран 81

Сотиева М.Р.

Роль методологической компетентности в профессиональной
деятельности учителя физкультуры 88

Третьяченко Д.С., Проказин Е.С., Собко В.В., Сытников Н.Г.

Социально-коммуникативная адаптация иностранных студентов
в университетах России 96

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Грицких И.В., Ктиторов С.Н., Пелих А.Л.	
Исторические объекты округа Армавира: модель просветительского экскурсионного маршрута	105
Дударев С.Л.	
Еще раз о колхидо-кобанских бронзах в Восточной Европе	119
Матвеев В.А.	
Субъектность северокавказской окраины в составе Российской империи: дифференцирующие особенности	127
Пуневский Я.В.	
Зарубежная англоязычная историография городского самоуправления в России 1871–1914 годов	139
Стулов А.Н.	
Проблемы развития торговли на Кубани в условиях перехода к нэпу в начале 1920-х гг.	145
Ян Шангронг	
Освоение водных ресурсов в контексте управления в Средней Азии во времена Российской империи	154

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Кулик С.В.	
Геополитическое бытие российской цивилизации: историософский ракурс	163
Похилько А.Д., Губанова М.А., Лоба В.Е., Абдулаева И.А.	
Диалогизмы социально-исторического сознания	173
Равочкин Н.Н.	
Когнитивные основания социального развития	184
Руденко А.М.	
Социокультурные и психологические аспекты решения проблемы коррекции веса тела человека в современном российском обществе	195
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	207
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала «Вестник Армавирского государственного педагогического университета»	
	214

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

Ardintceva M.V., Tupichkina E.A.

Computer Technologies as a Means of Enriching Preschool Children's
Plot-role-playing Game in the Field of Healthcare 9

Golodov E.A., Dorofeeva O.A., Spirina O.N.

The Results of Testing an Integrated Technology Aimed
at Improving the Professional Competencies of Teachers
in the Context of Digitalization of Education 18

Gordienko S.A., Markelov V.I., Tretyachenko D.S., Zakharenko S.G.

Effectiveness of Technologies of Training Special Disciplines
in Higher Flight School 30

Dobrova V.V.

The Role of the Concept "Pedagogical Situation" in the Terminology
of Education Sciences: an Interdisciplinary Analysis 39

Kirsanova A.M., Vakulenko E.G.

On the Development of the Text Competence of Future Theater Directors
in Stage Speech Lessons 51

Lobanov I.A.

The Content of the Process of Pedagogical Self-development
of a VKS Officer in the Historical and Cultural Retrospective
of the Formation of the Russian Officer Corps 63

Lobko R.A., Zelenko N.V., Ponomareva V.V.

The State of the Problem of Forming the Readiness for Self-development
of Future Lawyers at the University 73

Ryabtsev D.G.

A Model for Designing Linguistic and Vocational Training
in a Military University for Military Personnel From Foreign Countries 81

Sotieva M.R.

The Role of Methodological Competence in the Professional Activity
of a Physical Education Teacher 88

Tretyachenko D.S., Prokazin E.S., Sobko V.V., Sytnikov N.G.

Social and Communicative Adaptation of Foreign Students
in Russian Universities 96

HISTORICAL SCIENCES

<i>Gritskikh I.V., Ktitorov S.N., Pelikh A.L.</i> Historical Objects of the Armavir City District: a Model of an Educational Excursion Route	105
<i>Dudarev S.L.</i> Once Again About the Colchid-Koban Bronzes in Eastern Europe	119
<i>Matveev V.A.</i> North Caucasian Periphery as a Constituent Territory Within the Russian Empire: Differentiating Features	127
<i>Punevsky Ya.V.</i> Foreign English-Language Historiography of Urban Self-government in Russia 1871–1914	139
<i>Stulov A.N.</i> Problems of Trade Development in Kuban in the Context of the Transition to Nep in the Early 1920s	145
<i>Yang Shangrong</i> Development of Water Resources in the Context of Management in Central Asia During the Russian Empire	154

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Kulik S.V.</i> Geopolitical Existence of Russian Civilization: Historiosophical Perspective	163
<i>Pokhilko A.D., Gubanova M.A., Loba V.E., Abdulaeva I.A.</i> Dialogisms of Social and Historical Consciousness	173
<i>Ravochkin N.N.</i> Cognitive Bases of Social Development	184
<i>Rudenko A.M.</i> Socio-cultural and Psychological Aspects of Solving the Problem of Correction of Human Body Weight in Modern Russian Society	195
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	207
NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	214

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 373.2

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ СЮЖЕТНО-РОЛЕВОЙ ИГРЫ ДОШКОЛЬНИКОВ В ОБЛАСТИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ

М.В. Ардинцева, Е.А. Тупичкина

COMPUTER TECHNOLOGIES AS A MEANS OF ENRICHING PRESCHOOL CHILDREN'S PLOT-ROLE-PLAYING GAME IN THE FIELD OF HEALTHCARE

M.V. Ardintceva, E.A. Tupichkina

Аннотация. В статье авторы раскрывают возможности обогащения сюжетно-ролевой игры дошкольников в области здоровьесформирования и здоровьесбережения. Авторы отмечают, что одним из эффективных средств формирования у детей здорового образа жизни выступают сюжетно-ролевые игры, в том числе на медицинскую тематику. В статье обращается внимание на детские игры с медицинской тематикой, которые не получают в детской среде должного распространения в связи с трудностью их реализации, но могут давать большой познавательный и воспитательный эффект в решении педагогических задач в области здоровьесбережения. В качестве средства привлекательности данного вида игр с медицинской тематикой для детей предлагается обогащение игровой деятельности при помощи использования средств мультимедиа на различных этапах развития игры – мультфильмов и развивающих компьютерных игр. В завершении статьи делается вывод о том, что мультфильмы, компьютерные игры в стоматолога знакомят детей с профессиональной деятельностью зубного врача, с правилами общей гигиены полости рта и чистки зубов, расширяют кругозор в области профессиональных действий стоматолога, отдельных манипуляций, производимых им, способствуют снижению тревоги и предупреждению страхов перед посещением стоматологического кабинета.

Abstract. In the article, the authors reveal the possibilities of enriching the role-playing game of preschoolers in the field of health formation and health protection. The authors note that one of the effective means of forming a healthy lifestyle in children is role-playing games, including those on medical topics. The article draws attention to the children's games games with a medical theme, which do not receive proper distribution in the children's environment due to the difficulty of their implementation, but can give a great cognitive and educational effect in solving pedagogical tasks in the field of health saving. As a means of attractiveness of this type of games on this subject for children, it is proposed to enrich the gaming activity through the use of multimedia tools at various stages of the development of the game – cartoons and educational computer games. At the end of the article, it is concluded that cartoons, computer games

in the dentist introduce children to the professional activities of a dentist, to the rules of general oral hygiene and brushing of teeth, broaden their horizons in the field of professional actions of a dentist, individual manipulations performed by him, help reduce anxiety and prevent fears before visiting the dental office.

Ключевые слова: компьютерные средства, сюжетно-ролевые игры, компьютерные игры, здоровьесформирование, здоровьесбережение, дошкольники.

Keywords: computer tools, role-playing games, computer games, health formation, health protection, preschoolers.

Улучшение здоровья детей является одним из самых перспективных направлений оздоровления всего общества. Проблема сохранения здоровья ребенка не теряет актуальности в современном мире, если не сказать, что приобретает особую значимость в ситуации, когда количество детей с проблемами в здоровье растет. Анализ показателей здоровья, физического и двигательного развития детей дошкольного возраста свидетельствует о тревожных тенденциях, которые продолжают усугубляться в настоящее время. Поэтому забота о сохранении здоровья дошкольников – важнейшая обязанность дошкольных образовательных учреждений, отдельного педагога и самого ребенка.

Дошкольный возраст является решающим в формировании фундамента физического и психического здоровья. Важно в данный период сформировать у детей базовые знания и практические навыки здорового образа жизни, осознанную потребность в систематических занятиях физической культурой. Решению данной проблемы отводится значительное внимание в программах дошкольного образования, в практике работы воспитателей в детском саду. В педагогическом процессе используются различные педагогические средства и технологии.

Одним из эффективных средств формирования у детей здорового образа жизни выступает сюжетно-ролевая игра. Именно через данный вид игр ребенок может эффективно осваивать элементарные правила гигиены, формировать у себя первоначальные умения ухода за своим телом, начинает осмысленно относиться к своему здоровью и здоровью своих близких. Это достигается за счет проживания конкретных игровых сюжетов, проигрывания в игре ролей больных людей или людей, которые лечат, помогают восстановить здоровье [7].

Игра «В больницу», как показывает анализ педагогической практики, не потеряла актуальность у современных детей. Как правило, содержание игр в больницу связано с опытом дошкольников. В связи с этим дети чаще всего берут на себя роль врача общей врачебной практики – терапевта, действия которого дошкольникам понятны и легко выполнимы: поставить градусник, «прослушать» грудную клетку, сделать укол и пр. Однако, несмотря на то, что буквально каждый ребенок уже в дошкольном возрасте сталкивается с зубным врачом, игры «В зубного врача» у детей не получают такого распространения, как выше названные. Нас заинтересовал данный факт, и в ходе анализа игровой деятельности детей, бесед с дошкольниками и воспитателями, мы выяснили, что для этого есть определенные основания.

Причиной такого положения вещей, как мы полагаем, выступают два обстоятельства – это слабая информированность о действиях, манипуляциях стоматолога (это и понятно, ребенку самому не видно, какие манипуляции осуществляет зубной врач), с одной стороны, трудность осуществления игровых манипуляций в роли врача (у игрушек, как известно рот закрыт, а действия такого рода друг на друге осуществлять по понятным причинам нельзя). Также, как мы выяснили, дети не понимают, что зубной врач не только должен лечить пациента, но и предупреждать заболевания зубов, вести профилактическую работу, рассказывая, как необходимо ухаживать за полостью рта. Все эти факты вместе взятые объясняют отсутствие популярности игр в зубного врача у детей.

В то же время рассматриваемый вид игр может выступить в качестве эффективного воспитательного и образовательного средства. Посредством игр в зубного врача (стоматолога) можно решить ряд познавательных задач, включающих представление детям интересной информации о зубах, их роли в жизни человека и влиянии их состояния на здоровье человека в целом (воспитательных задач, связанных с выработкой понимания необходимости соблюдения правил ухода за полостью рта, заботы о состоянии полости рта и др.); практических задач, предполагающих формирование умений и навыков ухода за полостью рта.

Для популяризации данного вида игр и решения вышеотмеченных педагогических задач мы решили сделать данный вид сюжетно-ролевых игр более интересным для современных детей и разрешить проблемы, связанные как с информированностью детей о специфике деятельности зубного врача, так и созданием среды, для осуществления игровых действий. С этой целью мы решили обогатить сюжетно-ролевые игры в зубного врача современными компьютерными средствами – компьютерными технологиями.

Известно, что дети проявляют неподдельный интерес к компьютеру, цифровым гаджетам (смартфону, планшету), которые изначально является для ребенка игрушкой, и у современного ребенка с раннего возраста становятся одним из атрибутов игровой деятельности [3]. Необходимо подчеркнуть, что мы предприняли попытку не заменить реальные сюжетно-ролевые игры компьютерными аналогами, а обогатить их, сделать более привлекательными для детей: в занимательной форме познакомить со спецификой деятельности зубного врача, предоставить для игры возможности, которые были не доступны ребенку в обычной игровой деятельности, например, доступ к зубам и манипуляции, производимые во рту (понятно, что проведение манипуляций во рту ребенка – это недопустимый факт, с позиции соблюдения санитарных норм).

Кроме того, игры в зубного врача (многие их называют стоматологическими играми) являются также полезными в плане освоения игровых действий ребенком и понимания того, что происходит у него во рту во время посещения клиники, и тем самым будет способствовать снятию беспокойства детей в стоматологическом кресле при посещении зубного врача.

Возможность использования компьютерных технологий с целью обогащения игр в зубного врача мы рассматриваем на различных этапах организации игровой деятельности [1]:

1. Этап подготовки к игре.
2. Этап процесса проведения игры.
3. Этап подведения итогов игровой деятельности.

Рассмотрим возможности включения компьютерных технологий на каждом этапе организации сюжетно-ролевых игр.

1. Этап подготовки к игре. Основная задача данного этапа – актуализация представлений детей о деятельности специалистов, работающих в медицинской клинике (медицинской сестры, стоматолога и стоматолога-хирурга), ими осуществляемыми профессиональными действиями, проводимых манипуляциями. В качестве важной задачей данного этапа также является мотивация детей на включение в данную игру.

На данном этапе может быть успешно использован просмотр с детьми следующих мультфильмов: «Добрый доктор Стоматолог», «Легенда о зубном королевстве», «Королева Зубная Щётка», «Почему у меня выпал зуб», «Фиксики. Зубная щётка», «Лунтик. Зуб» и другие.

Так, например, в результате просмотра мультфильма «Добрый доктор Стоматолог» дети узнают причины возникновения кариеса, правила чистки зубов, название тех продуктов, которые способствуют здоровью зубов. В мультфильме «Легенда о зубном королевстве» дошкольники попадают в волшебное Зубное Королевство, где вступают в неравную схватку со злым колдуном Кариесом и его солдатами – кариозными монстрами и узнают средства, которые позволяют иметь счастливую улыбку. Понимание причины выпадения зубов, их строения приходит к детям после просмотра мультфильма «Почему у меня выпал зуб», в ходе которого герои путешествуют внутри ротовой полости в поисках своего друга; мотивацию на необходимость соблюдения правил гигиены формирует содержание мультфильма «Фиксики. Зубная щётка». Мультфильм «Кролик-стоматолог» расскажет детям о том, почему зубной щеткой нельзя делиться с друзьями, откуда берется кариес и что делать, чтобы прогнать микробы вон. Также к просмотру могут быть рекомендованы такие мультфильмы, как «Лёлик и Болик: Большой Зуб», «Новые зубы Кроша», «Легенда о зубном королевстве», «Сказка про большой зуб», «Мультфильмы про зубки», «Три кота. Молочный зуб».

Специальная целенаправленная работа с каждым из мультфильмов заставляет детей задуматься о том, как важно следить за здоровьем своих зубов с детства; способствует расширению представлений детей о деятельности врача-стоматолога.

2. Этап процесса проведения игры. На данном этапе игры, когда реализуются игровые роли, осуществляются детьми игровые действия на помощь приходят интерактивные компьютерные развивающие онлайн-игры. Такие игры под общим заголовком «Игры. «Лечить зубы» можно найти

в изобилии на просторах интернета [2], но, к сожалению, они в основном на английском языке. Но, мы полагаем, что это не будет препятствием для игры, т. к. игры связаны с осуществлением медицинских и стоматологических манипуляций, алгоритм которых достаточно понятно представлен символически и предлагаемый интерфейс помогает играющим разобраться, как в последовательности манипуляций, так и в характере конкретных действий в роли стоматолога. Речь персонажей игры сведена к минимуму, что облегчает использование англоязычных версий игр с детьми.

В онлайн-играх ребенку предоставляется роль стоматолога, который всегда готов помочь своим пациентам, страдающим зубной болью, возможно, в образе животного, например, бегемотика или сказочных персонажей, таких как Маша из мультфильма «Маша и Медведь». В играх создается возможность ребенку лечить зубы не только девочкам, мальчикам, но и животным. Также пациентами в игре могут быть знаменитости и известные мультипликационные герои, такие как Барби, Миньон, Даша-следопыт, Губка Боб и др.

В роли стоматолога ребенок может производить различные манипуляции: отбеливать зубы, убирать зубной камень, лечить кариес, удалять больные зубы, санировать рот, ставить пломбы, брекететы и др. В ходе игры ребенку необходимо выбрать соответствующий медицинский инструментарий и осуществить необходимые манипуляции. Это будет сделать не сложно, так как на экране появляются всплывающие подсказки действий. Все медицинские манипуляции сопровождаются музыкой, что стимулирует ребенка к действию и создает определенный ритм в осуществлении манипуляций врача.

Анализ онлайн-игр в стоматолога свидетельствует о возможности выделения двух типов игр. Первый вид игр – это стоматологические **компьютерные игры-манипуляции**, предусматривающие выполнение каких-то действий во рту пациента (открытый рот пациента представлен на весь экран, на зубах визуализированы проблемы: кариес, налет на зубах и пр. (рисунком, цветом). В такого рода играх ребенок, принимая на себя роль стоматолога, продвигается по алгоритму действий, заложенных в игре (переходы от одного действия к другому четко определяется сценарием игры). Данный вид игр может быть использован в качестве фрагмента сюжетно-ролевой игры. Действия, связанные с приходом в поликлинику, взаимодействие с работниками регистратуры, получение медицинской карточки, ожидание своей очереди перед кабинетом и получение рекомендаций от стоматолога, прощение с ним – все это может быть проиграно в режиме реального времени. В качестве примера таких игр можно назвать: «Зубной врач – стоматолог», «Доктор стоматолог для животных», «Зубная фея», «Лечение зубов девочки», «Лечить зубы детям», «Барби лечит зубы» и др.

Другой вид игр – это **сюжетные стоматологические компьютерные игры**. Их отличительной особенностью является то, что игровые действия стоматолога вплетены в определенный сюжет. Так, например, игре «Бегемот-дантист» бегемот решил открыть стоматологическую клинику, в которой собирается

помогать животным справляться с различными проблемами полости рта. Ребенок принимает роль ассистента Бегемота и помогает ему в его добрых делах. По сюжету играющий вместе с Бегемотом по телефону ведет запись больных, в качестве которых являются поросенок, львенок и щенок, осуществляет вызов больных в кабинет, производит необходимое лечение (этот фрагмент игры напоминает первый вид игр-симуляторов), дает рекомендации по уходу за полостью рта. В игре «Маша и медведь: лечить зубы» любимый мультипликационный герой Маша отправляется к своим друзьям лечить зубы, преодолевая по дороге препятствия. В игре «Стоматологическая больница для животных» ("Animal Dental Hospital") играющий становится стоматологом и займется лечением зубов животных. Сюжет игры заключается в том, что в приемной больницы играющего ждет 3 пациента: бегемотик, кошка и зайчик. Бегемотику нужно поставить брекеты, котике вырвать больной зуб, а зайцу поставить пломбу. Играющий сам выбирает пациентов и выполняет необходимые ему стоматологические манипуляции, очищает полость рта животного от налета и микробов, делает рентген челюсти, устанавливает при необходимости брекеты.

Поскольку данный вид игр имеет свой сюжет, то в реальном игровом пространстве можно, например, оформить кабинет больницы (сделать вывеску), приготовить стол с компьютером, предложить ребенку облачиться в белый халат, подготовить «медицинские карты» с изображением пациентов-животных, в которых согласно игровой задаче отметить предстоящие стоматологические манипуляции (чистка зубов, постановка пломбы и т. д.).

Необходимо отметить, что в каждой игре ребенок-стоматолог будет манипулировать определенными медицинскими инструментами, которые, скорее всего, мало ему знакомы. Поэтому в качестве подготовки к восприятию данного вида игр рекомендуется познакомить дошкольников со стоматологическими инструментами и их назначением. Осуществить эту задачу можно в различных формах. Это может быть встреча со стоматологом, это может быть беседа с медицинской сестрой, которая продемонстрирует инструменты зубного врача, это может быть показ воспитателя изображений инструментов с объяснением их назначения. Если проведение такой подготовительной работы не удалось осуществить, то воспитатель знакомство с медицинскими инструментами может осуществить в ходе игры. Практика показывает, что этот вариант в некотором смысле может быть и лучшим, по сравнению с предыдущим, поскольку во многих играх изображение медицинских инструментов отдаленно напоминает реальные медицинские приспособления.

И первый, и второй вид игр помимо имеющего в играх музыкального сопровождения действий героев можно сопровождать шумовыми эффектами, например, звуком работающей бормашины, визуальными эффектами – включение дополнительного света при работе световой лампой. Важно в рассматриваемых играх предусмотрены определенные поощрения (звуковые и визуальные эффекта на экране, медали, карточки за эффективное выполнение поставленной задачи. Все это стимулирует игровые действия ребенка и последующую предстоящую деятельность, связанную с уходом за зубами.

3. Этап подведения итогов игровой деятельности. На данном этапе игры может осуществляться анализ участия в компьютерной игре, самой деятельности ребенка в роли стоматолога с помощью проведения беседы. Так, у ребенка можно поинтересоваться о содержании выполняемых медицинских процедур, обратить внимание на поведение пациентов, узнать у ребенка его чувства, которые он испытывал при выполнении тех или иных манипуляций, поинтересоваться о том, что могло привести болезням зубов, с которыми столкнулся стоматолог. Следует выяснить у ребенка его дальнейшее поведение, связанное с уходом за полостью рта, то, как он себя будет вести на месте пациента в стоматологическом кресле. Важно на последнем этапе помочь ребенку преодолеть страхи стоматологических манипуляций, если таковые имелись. Можно предложить ребенку дать рекомендации своему пациенту по уходу за полостью рта, не употребления вредных для зубов продуктов.

В целях фиксации результатов деятельности можно предложить ребенку заполнить «медицинскую карту» пациентов, на которой схематично отметить произведенные виды медицинских манипуляций (в качестве такой «медицинской карты» может выступить скриншот изображения открытого рта «пациента» – зубная формула).

Обогащая сюжетно-ролевые игры детей интерактивными компьютерными играми необходимо помнить, что цифровая образовательная среда не должна полностью подменять сюжетно-ролевые игры, а лишь являться дополнительным педагогическим инструментом, обогащающим последние. Практика проведения сюжетно-ролевых игр в рамках данного исследования показала, что дети активно включаются в игровую деятельность, что использование игровых приложений-симуляторов и шумовых эффектов позволяют, по мнению педагогов-практиков, сделать игры мультисценарными. Что в свою очередь облегчает расширение игрового опыта и выведение его за рамки сугубо игровой деятельности в сегмент неигровой активности [4].

Таким образом, дети, включаясь в увлекательные онлайн-игры в стоматолога, знакомятся с профессиональной деятельностью зубного врача, с правилами общей гигиены полости рта и чистки зубов, расширяют кругозор в области профессиональных действий стоматолога, отдельных манипуляций, производимых им. Данные игры учат детей внимательности, развивают логическое мышление, память, поскольку ребенку необходимо согласно диагнозу, представленному зрительно подобрать медицинский инструмент и использовать его в дальнейшем в аналогичных ситуациях. Важно, что игры в стоматолога помогут каждому ребенку не только весело проводить время у компьютера, но и дадут понимание, что нужно следить за своими зубами, чтобы в реальной жизни не оказаться на месте пациента, а не доктора; игры будут способствовать снижению тревоги и предупреждению страхов перед посещением стоматологического кабинета. Этому, на наш взгляд особенно будут способствовать игры, в содержание которых входят те процедуры, которые предстоят ребенку.

В целом интеграция реальных сюжетно-ролевых игр и виртуальных (онлайн) компьютерных игр со стоматологической тематикой и с грамотно выстроенным педагогическим руководством могут оказать положительный психолого-педагогический эффект на поведение и осознание себя ребенком в рамках неигровых форм деятельности. Данные игры с погружением в реалистичность становятся социальной практикой: сценарий дает возможность ребенку определить особенности своего поведения в роли пациента и апробировать эту модель поведения в будущем. Сказанное происходит благодаря механизму принятия роли в игре, о котором писал Д.Б. Эльконин: опыт игрового взаимодействия ребенок выводит за пределы игры в область неигрового поведения в повседневной жизни [5].

Таким образом, обогащение сюжетно-ролевых игр дошкольников компьютерными технологиями может способствовать решению задач здоровьесформирования и здоровьесбережения детей, которые стоят перед воспитателями [8]. Интеграция реальных и виртуальных сюжетно-ролевых игр эффективно подготавливает ребенка к деятельности в реальной жизни, не нанося при этом деструктивного воздействия на детскую психику и поведение вне игры [6]. Поэтому мы рекомендуем педагогически-обоснованное, грамотно продуманное обогащение сюжетно-ролевых игр дошкольников с медицинской, здоровьесформирующей тематикой. Данный подход может стать основой работы педагога при реализации здоровьесформирующих образовательных технологий с целью выработки осознанного стремления к здоровому образу жизни и полезных устойчивых привычек у детей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дроговцова, Н. О. Познавательный диалог в компьютерной игровой среде. / Н. О. Дроговцова, Е. А. Тупичкина. – Текст : непосредственный // Детский сад от А до Я. – 2010. – № 2. – С. 49–56.
2. Игры зубной врач. – URL: <https://flash4play.com/tag/zubnoi-vrach> (дата обращения: 17.01.2023). – Текст: электронный.
3. Сайт «Преемственность в образовании». – URL: <https://youtu.be/3ztxBiIM3sc> (дата обращения: 17.01.2023). – Текст : электронный.
4. Килби, Э. Гаджетомания: как не потерять ребенка в виртуальном мире / Э. Килби. – СПб. : Питер, 2017. – 256 с. – Текст : непосредственный.
5. Эльконин, Д. Психология игры / Д. Эльконин. – 2-е изд. – М. : ВЛАДОС, 1999. – 360 с. – Текст : непосредственный.
6. Тупичкина, Е. А. Обеспечение информационной безопасности ребенка как проблема информационной экологии и педагогики детства / Е. А. Тупичкина. – Текст : непосредственный // Детский сад от А до Я. – 2010. – № 2. – С. 4–12.
7. Berne, E. Games People Play: The Basic Handbook of Transactional Analysis / E. Berne. – New York : Ballantine Books, 1996. – 216 p.
8. Goldsmith, Ed. The ecology of health / Ed. Goldsmith // Ecologist. – 1980. – Vol. 10, No. 6/7. – P. 235–245.

REFERENCES

1. Drogovtsova N. O., Tupichkina E. A. Poznavatelnyi dialog v kompiuternoi igrovoi srede [Cognitive dialogue in a computer game environment]. Detskiy sad ot A do Ya. [Kindergarten from A to Z]. No. 2, 2010. P. 49–56. (In Russian).
2. Iгры zubnoj vrach [Dentist Games]. URL: <https://flash4play.com/tag/zubnoi-vrach>. (In Russian).
3. Site "Preemstvennost' v obrazovanii" [Website "Continuity in Education"]. URL: <https://youtu.be/3ztxBiIM3sc>. (In Russian).
4. Kilby E. Gadzhetomania: kak ne poteryat' rebenka v virtualnom mire. [Gadgetomania: how not to lose a child in the virtual world] E. Kilby. SPb.: Peter, 2017. 256 p. (In Russian).
5. Psihologiya igrы [Psychology of the game]. 2nd ed. M.: VLADOS, 1999. 360 p. (In Russian).
6. Tupichkina E. A. Obespechenie informacionnoi bezopasnosti rebenka kak problema informacionnoi ekologii i pedagogiki detstva [Ensuring the information security of the child as a problem of information ecology and pedagogy of childhood]. Detskiy sad ot A do Ya [Kindergarten from A to Z]. No. 2. 2010. P. 4–12. (In Russian).
7. Berne, E. Games People Play: The Basic Handbook of Transactional Analysis. New York: Ballantine Books, 1996. 216 p.
8. Goldsmith, Ed. The ecology of health. Ecologist. 1980. Vol. 10, No. 6/7. P. 235–245.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ардинцева, М. В. Компьютерные технологии как средство обогащения сюжетно-ролевой игры дошкольников в области здоровьесбережения / М. В. Ардинцева, Е. А. Тупичкина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 9–17.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ardintceva M. V., Tupichkina E. A. Computer Technologies as a Means of Enriching Preschool Children's Plot-role-playing Game in the Field of Healthcare / M. V. Ardintceva, E. A. Tupichkina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 9–17. (In Russian).

УДК 371.3

**РЕЗУЛЬТАТЫ АПРОБАЦИИ КОМПЛЕКСНОЙ ТЕХНОЛОГИИ,
НАПРАВЛЕННОЙ НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГОВ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ**

Е.А. Голодов, О.А. Дорофеева, О.Н. Спирина

**THE RESULTS OF TESTING AN INTEGRATED TECHNOLOGY
AIMED AT IMPROVING
THE PROFESSIONAL COMPETENCIES OF TEACHERS
IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF EDUCATION**

E.A. Golodov, O.A. Dorofeeva, O.N. Spirina

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № 073-03-2022-107 Исследование феномена непрерывного педагогического образования в условиях его цифровой трансформации: содержание, технологии, управление качеством, мониторинг рисков)

Аннотация. Исследование посвящено апробации комплексной педагогической технологии, направленной на развитие профессиональных компетенций педагогов, устранение наиболее выраженных дефицитов, связанных с владением цифровыми инструментами, метапредметными навыками самоорганизации, самообразования, проектирования профессиональной деятельности в условиях цифровизации образования. В статье сделаны выводы о потребности педагогов в совершенствовании профессиональных компетенций, связанных с мотивационной составляющей по овладению цифровыми инструментами, а также навыками самоорганизации и самообразования, в условиях цифровизации образования и эффективности комплексного формирования данных навыков.

Abstract. The study is aimed at eliminating the approbation of the complex pedagogical orientation of technologies for the development of professional competencies of teachers, the most pronounced deficits associated with the possession of digital tools, metasubject skills of self-organization, self-education, designing professional activities in the context of digitalization of education. The article draws conclusions about the need for teachers to improve professional competencies related to the motivational component of mastering digital tools, as well as the skills of self-organization and self-education, in the context of digitalization of education and the effectiveness of the integrated formation of these skills.

Ключевые слова: цифровая трансформация, профессиональные компетенции, комплексная педагогическая технология, мотивация, самоорганизация, самообразование, цифровые инструменты, видеоконтент, психолого-педагогическое сопровождение, рефлексия.

Keywords: digital transformation, professional competencies, integrated pedagogical technology, motivation, self-organization, self-education, digital tools, video content, psychological and pedagogical support, reflection.

Современные образовательные реалии, тесно связанные с процессами цифровизации, неизбежно вносят коррективы в педагогическую науку и практику, в поиск решения актуальных проблем. Среди таких проблем авторы доклада «Измерение перехода школы к цифровой трансформации образования: опыт, трудности, результаты и возможности» отмечают, во-первых, намечающийся разрыв «между цифровыми компетенциями школьников и педагогов», который растет не в пользу последних. Во-вторых, увеличение доли личных цифровых гаджетов, которые используются в личных и в учебных целях». В-третьих, значимый разрыв в уровне цифровизации и цифровых компетенций педагогов и обучающихся в городских и в сельских школах. В-четвертых, «осуществление планирования развития цифровых технологий на уровне образовательных организаций зачастую без привлечения педагогов» [4, с. 34–35].

Формирование и совершенствование компетенций педагога должно осуществляться в рамках непрерывного образования. Однако не всегда данный процесс согласован при реализации основных и дополнительных программ. Не всегда учитываются интересы и потребности самих педагогов. Причем эта проблема характерна для разных образовательных систем [9, с. 12–13].

Профессия учителя признается одной из важнейших во многих странах, поэтому вопрос о качестве подготовки и профессионализме педагога широко обсуждается, при этом нет консенсуса в вопросе об источниках и причинах снижения качества образования, а также о стратегиях преодоления данной проблемы [10, с. 3].

Инновационные педагогические практики и разработки являются примерами адаптации системы образования к стремительным переменам, происходящим в обществе. Они «создаются для решения актуальных проблем образования «здесь и сейчас», при этом эти инновации «зачастую обезличены, педагогами подхватываются дидактические идеи, которые «витают в воздухе», в том числе в рамках онлайн-обучения [3, с. 10–11].

Вместе с тем в реализации любой педагогической технологии в первую очередь должны учитываться интересы участников образовательного процесса, их личностные особенности, потребности. В условиях цифровой трансформации важнейшей задачей является не только обновление оборудования, но и изменение сознания. Как отмечает В.В. Пионтковский, «педагогические технологии гуманитарны по своей природе. Важной особенностью гуманитарной технологии является диалогичность. Также им свойственна открытость целей работы с человеком, коллегиальность, возможность коррекции, изначально заложенная в алгоритм технологии» [7, с. 33].

Взаимодействие педагога и обучающихся является одной из ключевых составляющих образовательного процесса, независимо от того, какие педагогические технологии преобладают на текущий момент. По мнению А.С. Грязнова, «ключом к применению любой технологии в классе всегда будут отношения учитель – ученик, потому что именно между ними происходит образовательный процесс» [1, с. 51].

Безусловно, цифровая трансформация вносит свои коррективы в форматы взаимоотношений между участниками образовательного процесса, которые сегодня могут осуществляться как синхронно, так и асинхронно, с применением дистанционных образовательных технологий и электронного обучения. Поэтому современный педагог должен эффективно сочетать формы «контактного (прямого) и дистанционного обучения, формировать продуктивную образовательную среду в соответствии с требованиями времени, нередко выступать в роли тьютора, но при этом сохранять лучшие педагогические традиции» [6, с. 126]. Именно такие качества будут способствовать повышению авторитета педагогической профессии, позиционированию ее как современной и передовой.

Что же должна включать в себя подготовка современного педагога, какие компетенции необходимы для эффективного осуществления им своих трудовых функций? В ходе мониторинговых мероприятий регулярно осуществляется диагностика профессиональной квалификации педагогических работников. В широком смысле квалификация включает в себя «профессиональный опыт, мотивацию, личностные качества и другие профессиональные характеристики, что непосредственно влияет на качество и результативность деятельности педагога, обеспечивает готовность и способность выполнения различных профессиональных задач» [8, с. 58–59].

Сложная структура профессиональных качеств педагога включает в себя не только предметные, методические, психолого-педагогические и коммуникативные компетенции, но и личностные характеристики, такие как способность к эмпатии, рефлексии, самообразованию, самоорганизации.

Причем роль надпредметных навыков, связанных с коммуникацией, саморегуляцией и самоорганизацией, умением адаптироваться и гибко реагировать на постоянно меняющиеся задачи, увеличивается в условиях цифровой трансформации образования. Как отмечают Л.А. Долинская и В.В. Горшенева, «завышенные требования к педагогу, постоянный стресс, частая смена задач и не всегда успешный опыт инновационной деятельности способствует появлению у педагога эмоционального выгорания, способного привести к истощению педагога и изменению его личности» [2, с. 109].

Процесс приобретения профессиональных и надпрофессиональных навыков должен сопровождаться непрерывной рефлексией. И.А. Стеценко дает понятию «педагогическая рефлексия» следующую трактовку: «Вид деятельности учителя, направленный на самопознание и осознание им того, как он воспринимается другими; на анализ и корректировку педагогических технологий и собственной научной деятельности». Соответственно, «целью педагогической рефлексии является самопознание, но самопознание опосредованное – познание себя посредством «другого» [5, с. 47].

А.А. Бизяева видит педагогическую рефлексию как «процесс мысленного (предваряющего или ретроспективного) анализа какой-либо профессиональной проблемы, в результате которого возникает личностно окрашенное осмысление

сущности проблемы и новые перспективы ее решения», то есть процесс анализа профессиональной проблемы, импульсом которого является профессиональное затруднение, а результатом – «новые перспективы решения проблемы, что указывает на связь педагогической рефлексии с профессиональным ростом педагога» [5, с. 48].

Учитывая все обозначенные факторы, мы разработали комплексную педагогическую технологию, направленную на развитие профессиональных компетенций педагогов, устранение наиболее выраженных дефицитов, связанных с владением цифровыми инструментами, метапредметными навыками самоорганизации, самообразования, проектирования профессиональной деятельности в условиях цифровизации образования. Апробация данной технологии является предметом исследования, результаты которого представлены в статье.

Для достижения цели исследования необходимо решение следующих задач:

1) создание продуктивной образовательной среды, способствующей формированию мотивационной составляющей, направленной на освоение нового знания;

2) обеспечение метапредметного подхода в ходе реализации модулей комплексной технологии, направленной на совершенствование профессиональных компетенций педагогов в условиях цифровизации образования;

3) формирование положительной коннотации понятия «цифровая трансформация».

Изучение проблемы влияния современных digital-технологий на систему образования основывалось на базовых методах научного исследования: абстрактно-логическом, причинно-следственных связей, монографическом, экономико-статистическом, дедукции, системного анализа и экспертных оценок. Проводился комплексный анализ фактологической базы, нормативных, методологических и стратегических документов (в частности национальных проектов); осуществлялись прогнозные оценки и выявлялись тенденции развития образования в условиях цифровизации.

В ходе апробации педагогической технологии, направленной на совершенствование профессиональных компетенций педагогов, была создана фокус-группа из 30 педагогов общеобразовательных организаций г. Армавира. Участники фокус-группы прошли обучение по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации «Комплексная технология совершенствования профессиональных компетенций педагогов в условиях цифровизации образования».

Перед началом обучения и после его завершения были проведены опросы, которые позволили дать общую характеристику группы, оценить уровень сформированности у педагогов информационно-коммуникационных компетенций и динамику их развития по итогам обучения.

В составе группы представлены учителя-предметники, работающие по основным образовательным программам основного общего и среднего общего

образования. При этом большинство учителей ведут такие предметы, как математика, русский язык, литература, история, английский язык. Стаж большей части педагогов составляет 20 и более лет, остальные категории (до 5 лет, от 5 до 10 лет, от 10 до 20 лет) распределились поровну (23,3 %).

Опрос показал достаточно высокую загруженность педагогов: 53,3 % респондентов работают более чем на одну ставку, 40 % – на полную ставку.

Из данных диаграммы видно, что большинство педагогов имеют опыт работы с базовыми офисными программами, при этом в текстовом редакторе MS Word работает 100 % опрошенных, в редакторе презентаций MS PowerPoint – 86,7 %, в табличном редакторе MS Excel – 73,3 % (Рис. 1).

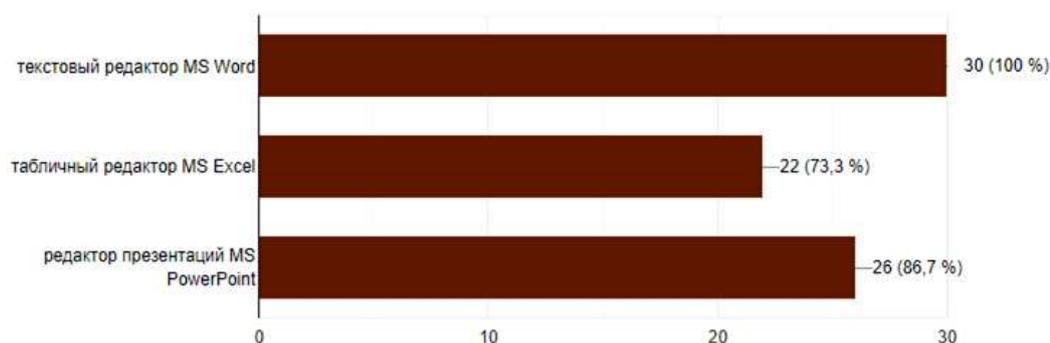

Рис. 1 – Результаты опроса респондентов по вопросу «Какими офисными программами Вы владеете?»

Данные диаграммы отражают, что большинство педагогов освоили некоторые цифровые инструменты для создания тестовых заданий: 93,3 % работают в Google Forms или аналогичных ресурсах, 23,3 % знакомы с такими инструментами, как Quizizz (или аналогичными), 3,3 % имеют опыт работы в Plickers (Рис. 2).

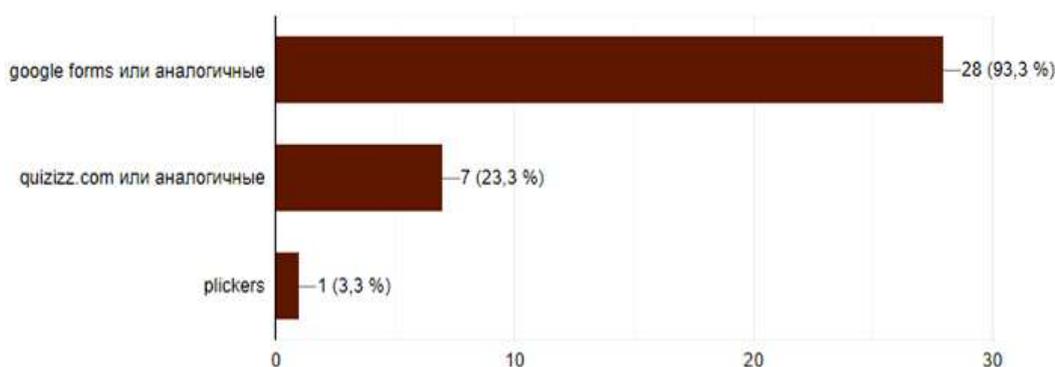

Рис. 2 – Результаты опроса респондентов по вопросу «Какими цифровыми инструментами для создания тестовых заданий, опросов, викторин, кроссвордов Вы владеете?»

Также многие респонденты владеют навыками использования облачных технологий для организации и проведения учебных занятий, при этом 70 % владеют основными инструментами, а 10 % ответили, что владеют «в совершенстве».

Как видно на диаграмме, опыт создания видеоконтента есть только у 20 % педагогов, 53,3 % знают о технологии создания видеоконтента в общих чертах, но сами не разрабатывали учебные видеоматериалы, 23,3 % не знакомы с данной технологией. При этом только 3,4 % опрошенных не проявили интереса к освоению соответствующих компетенций (Рис. 3).

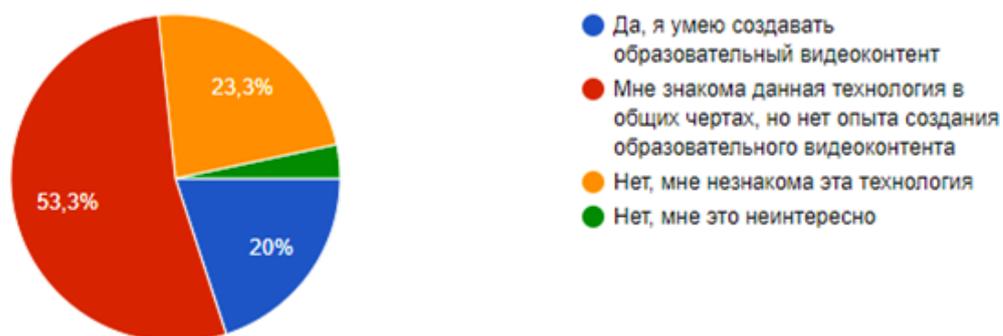

Рис. 3 – Результаты опроса респондентов по вопросу «Владеете ли Вы технологией создания образовательного видеоконтента?»

Современные педагоги активно используют электронные образовательные ресурсы (ЭОР): в фокус-группе только 3,3 % слушателей отметили, что не используют ЭОР. Среди наиболее популярных платформ «Российская электронная школа» (РЭШ) – используют 80 % респондентов, «Решу ЕГЭ» – 60 %, «ЯКласс» – 56,7 %, 30 % педагогов также отметили «другие ресурсы».

Все опрошенные используют те или иные ресурсы онлайн-коммуникации для обмена информацией с другими участниками образовательного процесса. Наиболее популярными являются WhatsApp – 93,3 % педагогов, Telegram – 90 %, «ВКонтакте» – 53,3 %. Аккаунт на YouTube есть у 16,7 % педагогов, 6,7 % пользуются мобильными приложениями для управления классом, 3,3 % отметили, что пользуются другими ресурсами.

Оценивая свой уровень владений ИКТ-компетенциями, 60 % опрошенных отметили, что владеют данными компетенциями в той степени, которая им необходима в профессиональной деятельности. Высоко свой уровень владения ИКТ-компетенциями оценили 13,3 % педагогов, на начальном уровне ИКТ-компетенциями владеют 23,3 %, не владеют – 3,4 %. Результаты опроса респондентов по этому вопросу отражены на диаграмме (Рис. 4).

Рис. 4 – Результаты опроса респондентов по вопросу «Считаете ли Вы достаточным свой уровень владения ИКТ-компетенциями?»

Как свидетельствуют данные опроса, отраженные на диаграмме, 76,7 % участников фокус-группы посчитали необходимым обучение в области ИКТ-компетенций для повышения своего уровня владения информационно-коммуникационными и цифровыми инструментами, при этом 10 % готовы учиться, хотя оценивают свой уровень владения ИКТ-компетенциями как высокий. 23,3 % педагогов ответили, что обучение им не нужно, так как достаточно имеющихся знаний и умений (Рис. 5).

Рис. 5 – Результаты опроса респондентов по вопросу «Необходимо ли Вам обучение в области ИКТ-компетенций?»

Опрос, результаты которого видны на диаграмме, показал готовность педагогов к обучению не только системе формального образования, но и в рамках самообразования (данные отражены в диаграмме): 63,3 % опрошенных ответили, что осваивают самостоятельно новые ИКТ-компетенции, так как считают необходимым повышать свой уровень владения ИКТ-компетенциями, 36,7 % педагогов считают, что им достаточно имеющихся знаний и умений (Рис. 6).

Рис. 6 – Результаты опроса респондентов по вопросу «Осваиваете ли Вы самостоятельно новые ИКТ-компетенции в рамках самообразования?»

На вопрос «Помогает ли Вам владение ИКТ-компетенциями при планировании и организации своей профессиональной деятельности» 80 % педагогов ответили утвердительно, 13,3 % считают, что планирование и организация их профессиональной деятельности не связано с ИКТ-компетенциями, 6,7 % затруднились ответить.

При ответе на вопрос «Экономит ли Ваше время владение в рамках профессиональной деятельности ИКТ-компетенциями» 60 % педагогов подтвердили, что это позволяет быстрее выполнять различные виды работ, 26,7 % считают, что владение ИКТ-компетенциями лишь иногда позволяет экономить время, 6,7 % не связывают количество затраченного времени с владением ИКТ-компетенциями, 6,7 % затруднились ответить.

В ходе итогового опроса, проведенного после завершения обучения по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации «Комплексная технология совершенствования профессиональных компетенций педагогов в условиях цифровизации образования», педагоги отметили, что они повысили уровень владения офисными программами, цифровыми инструментами, использования облачных технологий. Так, согласно данным диаграммы, 83,3 % опрошенных повысили уровень владения текстовым редактором MS Word, 86,7 % узнали новые возможности редактора презентаций MS Power Point, 63,3 % – табличного редактора MS Excel, 90 % больше узнали о возможностях Google Forms и аналогичных ресурсов, 40 % – о таких инструментах, как Quizizz (или аналогичных), 20 % познакомились с работой в Plickers (Рис. 7).

Таким образом, несмотря на достаточно высокую загруженность педагогов, они находят время на освоение и совершенствование своих ИКТ-компетенций. Большинство участников фокус-группы имеют опыт работы с базовыми офисными программами, цифровыми инструментами для создания тестовых заданий, использования облачных технологий, электронных образовательных ресурсов, сервисов онлайн-коммуникации.

Рис. 7 – Результаты опроса респондентов по вопросу «Уровень владения какими офисными программами Вы повысили в ходе обучения?»

Опрошенные педагоги в целом признают, что использование компьютерных программ, цифровых инструментов помогает в организации профессиональной деятельности и экономит время. Однако уровень владения данными компетенциями респонденты оценивают преимущественно как средний, но считают, что данного уровня достаточно для выполнения своих профессиональных функций. Несмотря на высокую оценку обучения по программе, отраженный на диаграмме (Рис. 8), уровень мотивации к дальнейшему совершенствованию ИКТ-компетенций в рамках самообразования можно оценить как средний, как видно на диаграмме (Рис. 9).

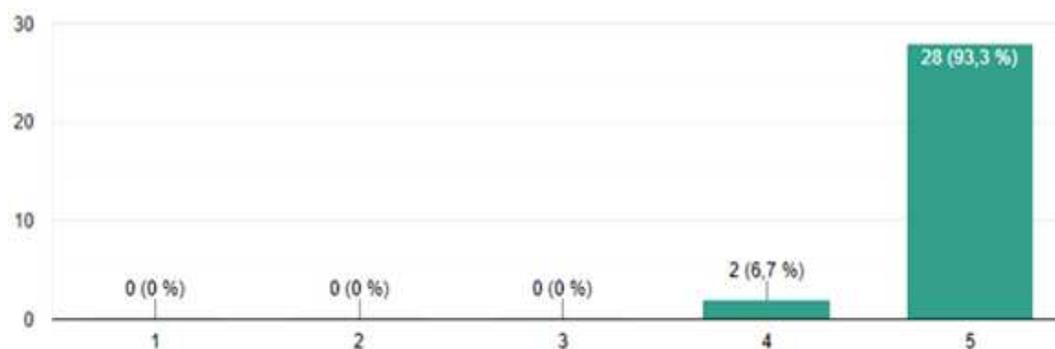

Рис. 8 – Результаты опроса респондентов по вопросу «Как Вы можете оценить обучение по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации по 5-балльной шкале?»

Рис. 9 – Результаты опроса респондентов по вопросу «Готовы ли Вы в дальнейшем осваивать новые ИКТ-компетенции?»

Соответственно, необходимы дальнейшие исследования и методические разработки, которые помогут педагогам успешно адаптироваться к условиям цифровой трансформации образования, сохранив при этом навыки и знания, которыми не могут овладеть машины: эмпатию и эмоциональный интеллект, креативность и нестандартное мышление.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грязнов, С. А. Цифровизация как вектор реформирования образования / С. А. Грязнов. – Текст : непосредственный // Основы экономики, управления и права. – 2020. – № 3. – С. 50–52.
2. Долинская, Л. А. Стратегия регулирования эмоционального выгорания педагогов в инновационной деятельности / Л. А. Долинская, В. В. Горшенева. – Текст : непосредственный // Проблемы современного образования. – 2021. – № 6. – С. 107–119.
3. Иванова, О. Е. О проектировании инновационных образовательных практик / О. Е. Иванова, И. М. Осмоловская. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 1 (106). – С. 8–15.
4. Измерение перехода школы к цифровой трансформации образования: опыт, трудности, результаты и возможности : доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / И. В. Дворецкая, И. А. Карлов, Э. Кочак, К. Л. Савицкий ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. – 44 с. – Текст : непосредственный.
5. Лимич, Ю. Б. К дефиниции понятия «педагогическая рефлексия» / Ю. Б. Лимич. – Текст : непосредственный // Международная научно-практическая конференция «Образовательное пространство в информационную эпоху» : сборник научных трудов / под редакцией С. В. Ивановой, И. М. Елкиной. – М. : Институт стратегии развития образования РАО, 2022. – С. 46–49.
6. Милованов К. Ю. Трансформация образовательных форматов: старые проблемы и новые вызовы / К. Ю. Милованов. – Текст : непосредственный // Проблемы современного образования. – 2021. – № 6. – С. 120–130.
7. Пионтковский, В. В. Педагогические технологии в системе научной классификации / В. В. Пионтковский. – Текст : непосредственный // Вестник ЯГУ. – 2005. – Том 2. – № 4. – С. 32–37.

8. Шадриков, В. Д. Профессиональные компетенции педагогической деятельности / В. Д. Шадриков, И. В. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Справочник заместителя директора школы. – 2012. – № 8. – С. 59–69.

9. Initial teacher education and continuing training policies in a comparative perspective. Current practices in OECD countries and a literature review on potential effects Directorate for Education working paper № 48 by Pauline Musset October 2009. DOI: 10.1787/5kmbpjh7s47h-en.

10. Ingersoll M. R. A Comparative Study of Teacher Preparation and Qualifications in Six Nations. University of Pennsylvania, February 2007. – URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED498318.pdf>.

REFERENCES

1. Gryaznov S. A. Cifrovizaciya kak vektor reformirovaniya obrazovaniya [Digitalization as a vector of education reform]. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava = Fundamentals of Economics, Management and Law*, 2020, no. 3, pp. 50–52. (In Russian).

2. Dolinskaya L. A., Gorsheneva V. V. Strategiya regulirovaniya emocional'nogo vygoraniya pedagogov v innovacionnoj deyatel'nosti [The strategy for regulating the emotional burnout of teachers in innovative activities]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of modern education*, 2021, no. 6, pp. 107–119. (In Russian).

3. Ivanova O. E., Osmolovskaya I. M. O proektirovanii innovacionnyh obrazovatel'nyh praktik [On the design of innovative educational practices]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2019, no. 1 (106), pp. 8–15. (In Russian).

4. Izmerenie perekhoda shkoly k cifrovoj transformacii obrazovaniya: opyt, trudnosti, rezul'taty i vozmozhnosti: dokl. k XXIII Yasinskoj (Aprel'skoj) mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [Measuring the transition of the school to the digital transformation of education: experience, difficulties, results and opportunities: report. to the XXIII Yasinsk (April) int. scientific conf. on problems of economic and social development], Moscow, 2022. Moscow, Ed. house of the Higher School of Economics, 2022. 44 p. (In Russian).

5. Limich Yu. B. K definicii ponyatiya "pedagogicheskaya refleksiya" [On the definition of the concept of "pedagogical reflection"]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya "Obrazovatel'noe prostranstvo v informacionnuyu epohu": sbornik nauchnyh trudov. Pod red. S. V. Ivanovoj, I. M. Elkinov. Moscow, Institute for Education Development Strategy of the Russian Academy of Education*, 2022, pp. 46–49. (In Russian).

6. Milovanov K. Yu. Transformaciya obrazovatel'nyh formatov: starye problemy i novye vyzovy [Transformation of educational formats: old problems and new challenges]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of modern education*, 2021, no. 6, pp. 120–130. (In Russian).

7. Piontkovskij V. V. Pedagogicheskie tekhnologii v sisteme nauchnoj klassifikacii [Pedagogical technologies in the system of scientific classification]. *Vestnik YAGU = Vestnik YSU*, 2005, vol. 2, no. 4, pp. 32–37. (In Russian).

8. Shadrikov V. D., Kuznecova I. V. Professional'nye kompetencii pedagogicheskoy deyatel'nosti [Professional competencies of pedagogical activity]. *Spravochnik zamestitelya direktora shkoly = Handbook of the Deputy Director of the School*, 2012, no. 8, pp. 59–69. (In Russian).

9. Initial teacher education and continuing training policies in a comparative perspective. Current practices in OECD countries and a literature review on potential effects Directorate for Education working paper No. 48 by Pauline Musset October 2009. DOI: 10.1787/5kmbpjh7s47h-en.

10. Ingersoll M. R. A Comparative Study of Teacher Preparation and Qualifications in Six Nations. University of Pennsylvania, February 2007. – URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED498318.pdf>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Голодов, Е. А. Результаты апробации комплексной технологии, направленной на совершенствование профессиональных компетенций педагогов в условиях цифровизации образования / Е. А. Голодов, О. А. Дорофеева, О. Н. Спирина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 18–29.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Golodov E. A., Dorofeeva O. A., Spirina O. N. The Results of Testing an Integrated Technology Aimed at Improving the Professional Competencies of Teachers in the Context of Digitalization of Education / E. A. Golodov, O. A. Dorofeeva, O. N. Spirina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 18–29. (In Russian).

УДК 378

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ
СПЕЦИАЛЬНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ В ЛЕТНОМ ВУЗЕ**

С.А. Гордиенко, В.И. Маркелов, Д.С. Третьяченко, С.Г. Захаренко

**EFFECTIVENESS OF TECHNOLOGIES OF TRAINING
SPECIAL DISCIPLINES IN HIGHER FLIGHT SCHOOL**

S.A. Gordienko, V.I. Markelov, D.S. Tretyachenko, S.G. Zakharenko

Аннотация. В предлагаемой статье атрибутами проведенных исследований применяемых в вузе технологий обучения специальным дисциплинам являются: объект – процесс обучения авиационных специалистов; предмет – эффективность применяемых технологий обучения специальным дисциплинам в летном вузе; цель – увеличение эффективности технологий обучения для повышения или сохранения на заданном уровне обученности авиационных специалистов. Для оценки эффективности применяемых технологий обучения использованы операционная и вероятностно-статистическая модели процесса обучения. Приведены результаты эффективности применяемых технологий на самоподготовке и восстановления успеваемости на уровне начала обучения специальным дисциплинам. Рассмотрены факторы, влияющие на эффективность образовательных технологий в процессе освоения специальных дисциплин на профессиональном уровне иностранными специалистами, обучающимися на неродном языке. Приведены предложения по внедрению в процесс инженерно-технической подготовки интегрированной технологии обучения для повышения успеваемости обучающихся по специальным дисциплинам. Предложено учитывать результаты мониторинга динамики качества обучения специальным дисциплинам при формировании блока профессиональных компетенций в процессе проектирования образовательных стандартов новых поколений. Статья предназначена для преподавательского состава вузов.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive research of applied technologies of training special disciplines. The authors focused on the object as a process of training of aviation specialists; the subject as effectiveness of applied technologies in training special disciplines at higher flight school; the leaning objective as an increasing of effectiveness of training technologies to improve or retain the knowledge of aviation specialists on the given level. To assess the effectiveness of applied technologies were used operational and probabilistic-statistical models of the learning process. Attempts are made to analyse the effectiveness of applied technologies on self-preparation and restoring academic performance at the primary level of training. It is examined the impact of factors that influence the effectiveness of educational technologies in process of mastering special disciplines at professional level for foreign specialists who are taught in a non-native language. It is proposed to introduce the integrated studying technology into engineering and technical training to improve performance of students. It is suggested to take into account the results of monitoring the dynamics of learning when forming a block of professional competencies in designing educational standards of new generations. The article is intended for university teachers.

Ключевые слова: технология обучения, специальные дисциплины иностранные военные специалисты.

Keywords: technology of training, special disciplines, foreign military specialists.

В настоящее время инженерно-техническая подготовка обучающихся специальным дисциплинам в вузе проводится по специальности «Летная эксплуатация воздушных судов» и специализациям в области применения различных авиационных подразделений в зависимости от их предназначения и решаемых задач. Парадигма образования диктует необходимость конечной целью базовой подготовки обучающихся считать их успешную деятельность в области летной эксплуатации воздушных судов и авиационных силовых установок.

Профессиональная компетентность обучающегося в принятии ответственных решений на летной практике формируется в процессе его инженерно-технической подготовки по специальным дисциплинам. Главным ориентиром обучающегося является допуск к полетам для своевременного освоения учебного воздушного судна по результатам собеседования с профильными специалистами летного подразделения.

Для получения допуска к эксплуатации воздушного судна на летной практике обучающийся должен быть способен и готов к эффективному разрешению проблемных ситуаций в полете в соответствии с требованиями нормативных документов.

В настоящее время на инженерно-техническую подготовку по специальным дисциплинам в летном вузе отводится примерно одна пятая часть от всего лимита времени, выделяемого на учебные занятия по расписанию, а доля летной практики составляет треть лимита бюджетного времени. Таким образом, на подготовку летчика в профессиональной области выделена половина от общего лимита учебного времени. Данные приводятся усредненные с учетом введения в действие изменяющихся ГОС ВП различных поколений.

Для определения путей повышения уровня обученности без изменения интенсивности проведения учебных занятий при заданной продолжительности обучения использовался метод ретроспективы, который позволяет объективно анализировать процесс обучения, выявлять «слабые места» и вовремя их устранять.

Так, например, в рамках компетентного подхода к определению качества образования успешность профессиональной деятельности выпускников летного вуза проводилась путем корреляции результатов по аттестационным тестам с оценками качества профессиональной деятельности выпускников, собранными на протяжении первых 2–3 лет их профессиональной деятельности. При этом компетентность выпускников определялась по уровню владения и применения совокупности компетенций в профессиональной деятельности, и примерно в одной трети от всего количества полученных отзывов была признана недостаточной в области инженерно-технической подготовки по специальным дисциплинам. Поэтому актуальным стал поиск путей повышения эффективности технологий обучения специальным дисциплинам в процессе инженерно-технической подготовки на профильных кафедрах вуза.

Эффективность работы по анализу динамики изменения качества инженерно-технической подготовки во многом зависит от того, насколько правильно структурирована компетентность выпускника для успешной деятельности в профессиональной области.

Личностными, этическими и метакомпетенциями в летном вузе занимается группа профессионально-психологического отбора. Результатом работы группы является распределение обучающихся по категориям, которые в дальнейшем определяют специализацию по авиационным подразделениям в зависимости от их предназначения и решаемых задач. Необходимость распределения обучающихся по категориям связана с особенностями профессиональной деятельности выпускников летного вуза. По сути, выпускник летного вуза является оператором, который управляет воздушным судном. Ключевой особенностью является то, что оператор сам находится на борту воздушного судна, что существенно влияет на качество диагностирования текущей ситуации, прогноз развития событий и эффективность практических действий экипажа. Находясь на борту воздушного судна, выпускник внешнюю информацию воспринимает посредством визуального канала, который дает максимальную информативность по сравнению с аудиальным и кинестетическим каналами. Переработку и хранение информации выпускник летного вуза также должен выполнять именно с визуальным контентом. Конкретные действия экипажа осуществляются кинестетически, в отличие, например, от диспетчерской службы, которые финальные действия осуществляют с помощью аудиального контента. Поэтому при распределении по категориям, в частности, для диагностики стратегии мышления обучающегося применяются методы нейролингвистического программирования.

Когнитивные и функциональные компетенции выпускников и в предметно-профессиональной области формируются на кафедрах вуза в процессе инженерно-технической подготовки обучающихся. В процессе обучения стратегия мышления обучающихся корректируется с помощью таких технологий как объектно-ориентированное обучение. Так, например, обучающимся прививается умение максимально осваивать и анализировать визуальную информацию при проведении практических и лабораторных работ, на которых по результатам задания строятся и анализируются графики различных процессов.

Инженерно-техническая подготовка в летном вузе является основой для формирования компетенций выпускника.

Количественная оценка каждой из компетенций зависит от возможности ее операционализации и формирования системы показателей. Уровень подготовленности обучающихся оценивается объемными и временными показателями с помощью аттестационных тестов. Операционализация достигнута путем применения в вузе операционной и вероятно-статистической моделей обучения разработанных в ведомственной академии [1]. Для эффективного управления учебным процессом необходимо вести его постоянный мониторинг, по результатам которого определяются статистические вероятности успешного усвоения

обучающимися различных тем и разделов курса. При этом необходимо учитывать, что согласно руководящим документам продолжительность индивидуальных консультаций ограничена, а групповые консультации в рассматриваемом случае допускаются только при подготовке к зачету.

При анализе динамики изменения качества инженерно-технической подготовки по специальным дисциплинам проводится текущий тестовый контроль после каждой пройденной темы. По окончании изучения курса проводится итоговый контроль полноты и качества его освоения в форме зачета. Результатом этого контроля является выставление обучающемуся балльной оценки в некоторой шкале (пяти-, десяти- или 100-балльной шкале), которая соответствует полноте и глубине освоения учебного курса. При этом принято, что оценка «удовлетворительно» выставляется, если обучающийся усвоил не менее 60 % учебного курса; оценка «хорошо» при полноте освоения не менее 80 %, а оценка «отлично» при полноте освоения курса не менее 90 %. В противном случае выставляется оценка «неудовлетворительно». Результат контроля считается положительным, если не менее 75 % обучающихся получили зачет. Тесты, например, могут представлять собой слайд-шоу, где каждый слайд представляет собой выборку объекта из прошедшего занятия с вопросом. Общее количество слайдов в тесте – 10, время показа одного слайда – 20–30 с., после чего он автоматически сменяется на другой. Весь тест занимает 200–300 с. Эти цифры были подобраны опытным путем и доказали свою оптимальность. Тестирование, согласно руководящим документам, может проводиться на каждом занятии по материалам предыдущего. При подготовке материалов для тестового контроля на кафедрах базовой подготовки придерживаются основных правил, принятых в педагогической практике.

Для оценки эффективности технологий обучения в вузе были проведены полевые исследования успеваемости обучающихся по одной из специальных дисциплин. Полученные результаты сравнивались с прогнозом освоения курса, который основан на вероятностно-статистической модели процесса обучения. Анализ полученных результатов показал, что теоретически учебный курс полностью должны были освоить 94 % обучающихся, в то время как требуемая полнота и надежность освоения курса должна составлять не менее 0,65. На практике курс полностью освоила только половина обучающихся, что подтолкнуло творческую группу преподавательского состава продолжить исследования эффективности используемой технологии обучения выбранной специальной дисциплины. Было выдвинуто предположение, что применяемая технология обучения подтверждают свою эффективность только в сетке расписания, а в часы самоподготовки она работает ограничено, так как применяется не в полной мере. На первый взгляд, успеваемость за курс выглядела хаотично. Картина прояснилась после построения графика успеваемости не в хронологическом порядке, а в порядке прохождения тестов после усвоения учебного материала на занятиях и после освоения учебного курса в часы самостоятельной подготовки. Так, тесты за пройденную тему сдавались обучающимися

на следующем же занятии, а промежуточная аттестация содержала в себе вопросы за весь пройденный материал.

Таким образом, проведенный анализ успеваемости позволил сделать вывод, что использование применяемой технологии обучения специальной дисциплине в часы аудиторных занятий дает возможность вывести успеваемость в диапазон среднего балла (3–4). В то время как самостоятельная работа обучающихся характеризуется средним баллом в диапазоне (2–3), что подтверждается в отзывах на выпускников.

Для проверки эффективности применяемой технологии обучения на самоподготовке и восстановления успеваемости на уровне начала обучения в соответствии с исходной индивидуальной подготовкой было определено необходимое время дополнительных занятий на основе операционной и вероятностатистической моделей обучения. При этом интенсивность усвоения курса считалась постоянной, то есть число усвоенных дидактических единиц на расчетном промежутке времени оставалось постоянным в течение всего срока обучения. На основании выборочных данных, полученных в ходе анализа успеваемости 3 учебных групп, не меняя интенсивности самих занятий, был проведен расчет длительности дополнительных учебных занятий.

При этом необходимо признать, что самостоятельная работа обучающихся подменялась дополнительными аудиторными часами. В результате на промежуточной аттестации по исследуемой специальной дисциплине искомый уровень среднего балла был достигнут. Промежуточные итоги мониторинга учебного процесса преподавания специальных дисциплин на примере одной из специальных дисциплин можно сформулировать в виде следующих предложений:

- при формировании бюджета новых учебных программ и учебных планов в летном вузе необходимо отдать приоритет специальным дисциплинам и летной практике, которые непосредственно формируют функциональные компетенции;

- качество освоения специальных дисциплин необходимо оценивать по общему баллу, состоящему из трех компонентов (аудиторная активность, эффективность самостоятельной работы по промежуточным аттестациям и практике и зачет или экзамен);

- качественная оценка работы обучающегося заносится в его учебную карточку;

- положительной считать аттестацию в случае получения обучающимся 80 % баллов из 100 возможных, а границу полноты освоения курса с 0,75 необходимо повысить до 0,85;

- преподавание специальных дисциплин на основе применяемой технологии без изменения интенсивности обучения только в часы расписания не позволяет достичь требуемого уровня подготовки и реализации компетентности обучающегося в профессиональной области при выходе на летнюю практику;

- определение необходимой длительности занятий в часы самоподготовки с применением электронных ресурсов, включающих в себя электронные обучающие курсы, и время промежуточного контроля может быть эффективно определено на основе операционной и вероятно-статистической моделях обучения.

Таким образом, был сделан вывод о необходимости учитывать результаты мониторинга динамики качества обучения специальным дисциплинам при формировании блока профессиональных компетенций в процессе проектирования образовательных стандартов новых поколений.

Активное освоение международного рынка авиационной техники непосредственно связано с необходимостью подготовки иностранных авиационных специалистов в российских вузах.

Для иностранных специалистов основными трудностями освоения специальных дисциплин на профессиональном уровне, как правило, являются:

- слабая речевая подготовка;
- различный уровень мотивации и общей подготовки;
- сжатые сроки обучения;
- недостаточное использование математических моделей процесса обучения, позволяющих эффективно осуществлять планирование и управление образовательным процессом, адекватно оценивать и прогнозировать его результаты.

В этих условиях для реализации учебной программы преподавательскому составу приходится решать задачи повышения успеваемости иностранных специалистов по специальным дисциплинам и наращивать количество дополнительных занятий.

В начальном периоде подготовки определяющей является роль преподавателя русского языка. Лексика бытового уровня обучаемыми легко усваивается, так как они находятся в среде носителей этого языка. В настоящее время назрела необходимость отбора основных технических понятий и профессиональных терминов для подготовки иностранных военных специалистов по специальным дисциплинам летного вуза. Поэтому в настоящий момент преподаватели русского языка вуза посещают занятия по специальным дисциплинам, проводимым на специализированных кафедрах с целью составления специализированного словаря. В тоже время творческой группой преподавательского состава ведется активная работа по формированию микротерминосистем в области преподаваемых специальных дисциплин.

Подбор, анализ и внедрение инновационных технологий являются насущной задачей в процессе подготовки иностранных специалистов в летном вузе, так как на их основе можно создать комфортные условия для самостоятельного изучения учебного материала. Высокий уровень исследований в предметной области подготовки иностранных специалистов обеспечивается научным потенциалом специализированных кафедр. Результатом проводимой работы является издание печатных учебных пособий и электронных обучающих ресурсов, в том числе и с переводом на иностранные языки по каждой дисциплине кафедры,

и создание адаптированного к потребностям летного вуза учебно-методического материала. В вузе на профильной кафедре разработаны два мультязычных электронных обучающих курса, а также электронные и печатные учебные пособия по трем специальным дисциплинам. Ведется работа по уточнению и согласованию терминов, используемых в странах дальнего зарубежья в области специальных дисциплин.

Преподавательский состав кафедр, на которых преподаются специальные дисциплины, считает целесообразным использовать лично ориентированный подход для повышения эффективности подготовки иностранных специалистов на базе современных информационных технологий. Трансформация аудиальной языковой информации в визуальную форму позволяет создать у обучающихся из категории иностранных специалистов необходимые ассоциативные связи. Визуализация учебного материала позволяет обучающимся с любой модальностью восприятия успешно освоить основные понятия и термины за выделенный для подготовки квалифицированных специалистов период [2]. В связи с этим на кафедре широко используются интерактивные обучающие компьютерные программы, требующие от обучающегося параллельного общения с печатными учебными пособиями и электронными обучающими ресурсами. Такой подход позволяет повысить эффективность работы иностранных специалистов в часы самостоятельной подготовки.

Анализ существующих учебно-методических материалов показал необходимость их переработки с целью адаптации к потребностям наземной подготовки иностранных специалистов по летным специальностям. Информация в учебных пособиях и материалах должна быть максимально дискретизирована так, чтобы при этом были использованы необходимые изображения, слова, понятия, фразы, имеющие максимальную для данной аудитории ассоциативную глубину.

Эффективность подготовки иностранных специалистов по специальным дисциплинам в летном вузе может оцениваться на основе методики базирующейся на операционной и вероятностно-статистической модели учебного процесса. Эта методика является тем инструментом, который позволяет определить эффективность применяемых технологий обучения иностранных специалистов специальным дисциплинам. Результатом применения предлагаемой методики стала оценка возможности реализации заложенных в учебной программе квалификационных требований в заданном поле предлагаемых дидактических единиц. Такая методика может быть использована в задаче планирования учебного процесса с учетом операционной характеристики обучающихся и позволит осуществлять прогноз состояния и коррекцию учебного процесса в реальном времени по известным его статистическим характеристикам.

Текущий и итоговый контроль по специальным дисциплинам обученности иностранных специалистов проводится в форме теста в специализированных компьютерных классах профильной кафедры. Результатом этого контроля

является выставление обучающемуся оценки по 5-балльной шкале, которая соответствует полноте и глубине освоения учебного курса. По результатам итогового контроля проводится анализ успеваемости двух или нескольких групп иностранных военных специалистов с различной языковой направленностью. На основе такого подхода определяется эффективность и качество выбранной технологии обучения иностранных специалистов специальным дисциплинам.

Внедрение технологии проблемного обучения позволяет приблизить групповые занятия с иностранными специалистами по форме к семинару, что позволяет:

- избежать значительных непродуктивных трат времени для записи на слух необходимого материала;
- углубить степень освоения дисциплины и закрепить знания по ней;
- формировать и развивать речевые навыки специального стиля изложения;
- формировать особенности эксплуатационного мышления;
- развить умение использования профессиональной терминологии;
- развить навыки практического применения профессиональных знаний;
- обучать иностранных военных специалистов приемам эффективной самостоятельной работы при изучении новой техники.

Итоговый контроль в форме теста с использованием информационных технологий позволяет повысить качество усвоения иностранными специалистами учебного материала по специальным дисциплинам.

При проведении практических занятий широко применяется кейс-технология для решения ситуационных задач связанных с профессиональной деятельностью выпускников в процессе летной эксплуатации воздушных судов.

Поиск путей повышения успеваемости иностранных специалистов по специальным дисциплинам привел к внедрению в образовательный процесс летного вуза интегрированной технологии обучения, в которую входят такие составные части, как:

- замена бытовой лексики на профессиональную терминологию во время предварительной языковой подготовки;
- создание учебно-методических материалов с иллюстрациями и профессиональными терминами, сопровождающимися переводом на национальный язык учебной группы;
- активная языковая практика обучающихся непосредственно во время аудиторных занятий по специальным дисциплинам;
- создание информационных интерактивных электронных обучающих курсов, требующих от обучающегося параллельного общения с электронными обучающими ресурсами и печатными учебными изданиями;
- использование переносных электронных средств обучения во время проведения практики.

Анализ успеваемости трех учебных групп иностранных специалистов с различной языковой направленностью показал, что по истечении контрольного периода:

- количество хороших и отличных оценок увеличилось на четверть от исходного количества;

- для изучения учебного материала не требуется проведение дополнительных аудиторных занятий.

Полученные результаты позволяют сделать вывод об эффективности применения предложенной интегрированной технологии обучения для качественной подготовки в сжатые сроки и необходимости продолжения исследований особенностей обучения иностранных авиационных специалистов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буравлев, А. И. Вероятностно-статистическая модель обучения / А. И. Буравлев, Ю. В. Шабуров. – Текст : непосредственный // Информационно-измерительные и управляющие системы. – 2008. – № 7. – С. 8–13.

2. World declaration on higher education for the twenty-first century: Vision and action. – Paris, 1988. – URL: <http://www.un-documents.net/wdhe21c.htm>.

REFERENCES

1. Buravlev A. I., Shaburov Yu. V. Probabilistic-statistical model of learning. *Informacionno-izmeritel'nye i upravlyayushchie sistemy = Information-measuring and control systems*, 2008, no. 7, pp. 8–13. (In Russian).

2. World declaration on higher education for the twenty-first century: Vision and action, Paris, 1988. URL: <http://www.un-documents.net/wdhe21c.htm>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гордиенко, С. А. Эффективность технологий обучения специальным дисциплинам в летном вузе / С. А. Гордиенко, В. И. Маркелов, Д. С. Третьяченко, С. Г. Захаренко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 31–38.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gordienko S. A., Markelov V. I., Tretyachenko D. S., Zakharenko S. G. Effectiveness of Technologies of Training Special Disciplines in Higher Flight School / S. A. Gordienko, V. I. Markelov, D. S. Tretyachenko, S. G. Zakharenko // *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2023, No. 1, pp. 31–38. (In Russian).

УДК 37.011

**РОЛЬ КОНЦЕПТА «ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ»
В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СТРОЕ НАУК ОБ ОБРАЗОВАНИИ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ**

В.В. Добрава

**THE ROLE OF THE CONCEPT "PEDAGOGICAL SITUATION"
IN THE TERMINOLOGY OF EDUCATION SCIENCES:
AN INTERDISCIPLINARY ANALYSIS**

V.V. Dobrova

Аннотация. В статье представлен междисциплинарный анализ подходов социально-гуманитарных наук к такому понятию как «ситуация», а также выделяются общенаучные интегральные признаки «ситуации». Рассматривается существование концепта «педагогическая ситуация» в педагогическом дискурсе, раскрывается проблема неоднозначности его дефиниции, и на основе выделенных интегральных признаков данная педагогическая категория определяется и анализируется. С целью прояснения терминологического аппарата современной педагогики и принимая во внимание междисциплинарный подход, предлагается определение концепта «педагогическая ситуация».

Abstract. The paper presents the interdisciplinary analysis of the approaches of social-humanitarian sciences to such a notion as "situation". The general scientific integral characteristics of "situation" are singled out. The existence of the concept "pedagogical situation" in pedagogical discourse is considered, the problem of ambiguity of its definition is revealed, and based on the highlighted integral characteristics of the given pedagogical category are defined and analysed. In order to clarify the terminological apparatus of modern pedagogy and taking into account the interdisciplinary approach, the definition of the concept "pedagogical situation" is proposed.

Ключевые слова: педагогическая ситуация, ситуация, терминологический аппарат, педагогическая задача.

Keywords: pedagogical situation, situation, terminology, pedagogical task.

Процесс развития современного образования непосредственно отражается в его сложной понятийной системе. Педагогика к настоящему моменту имеет в значительной мере устоявшийся понятийный и терминологический аппарат, представляющий собой накопленный педагогический опыт. Однако понятийно-терминологическая система динамична: возникают новые термины, новые значения, изменяются содержание и объем категорий, утрачиваются отдельные категории и понятия. Многие ученые отмечают проблему методологической амбивалентности (неоднозначности) понятийно-терминологического аппарата современной педагогики [8; 15; 19], связывая ее, с одной стороны, с широким использованием понятий, не получивших четкого и ясного смыслового наполнения в педагогике. С другой стороны, непрерывная трансформация смыслов

ключевых понятий в соответствии с модными тенденциями и появление новых категорий с условными названиями, без определений и пояснений, тоже порождает неоднозначность терминологии и постоянную коррекцию педагогического дискурса. Б.Т. Лихачев, отмечая субъективизм и произвол в толковании основных педагогических категорий, связывает такое положение дел со сложностью самих педагогических категорий, отсутствием аналитических, методологических и междисциплинарных исследований, в которых раскрывалась бы сущность педагогических понятий [19].

Однако терминологическая точность, исключение неопределенности и путаницы в терминах и понятиях является одним из важнейших условий продуктивного поиска и взаимного понимания теоретиков и практиков [11]. В связи с этим дефинирование и уточнение понятийного аппарата педагогики, совершенствование ее языка крайне актуальны в настоящее время. Разработка педагогических понятий, а также вопросов сопрягаемости понятий в научно-педагогической литературе, их объединения, дробления, производности от терминов, представляется давно ожидаемым результатом исследовательской деятельности в области педагогического терминоведения [21].

Научный анализ педагогической действительности обрабатывает материал в виде научно-педагогических фактов, педагогических терминов, понятий и концептов. Поэтому актуальной задачей является совершенствование, развитие и систематизация понятийно-терминологического аппарата. Единицей смыслового представления той или иной формы научного рассуждения является концепт. Если понятие представить как мыслительную структуру, отражающую предметы, явления и связи между ними в форме обобщения или абстракции, фиксирующую общие и отличительные признаки, то концепт выступает как явление того же порядка, но более широкое. Концепты как составляющие ментального лексикона выполняют в сознании человека функцию языковой замены различным, связанным друг с другом предметам [21].

Использование термина «концепт» в социально-гуманитарных работах позволяет представить те смыслы, которыми «оперирует человек в процессе мышления, отражающие содержание результатов человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» [17, с. 90]. Концепт есть логическое структурирование научных представлений о педагогическом объекте, и поэтому мы предпочитаем термину «понятие» термин «концепт». Предметом статьи выступают не единичные понятия индивидуальных сознаний, а концепты как некое коллективное достояние педагогической деятельности, смысловое ядро культуры.

Учитывая необходимость прояснения терминологического аппарата современной педагогики, актуальным и необходимым представляется рассмотрение такого концепта как «педагогическая ситуация».

Понятие «ситуация» сегодня приобретает общеметодологическое значение, так как является одной из основных категорий в педагогике, философии, лингвистике, психологии, культурологии, логике и других науках о человеке

и обществе. Для педагогики на современном этапе необходима, с одной стороны, интеграция со смежными дисциплинами в категориальном плане, а с другой стороны, дифференциация привносимых в нее понятий, которые определяют сущность педагогики как науки, и являются ее смыслообразующими категориями. Такое интегральное изучение концептуальных оснований категории «педагогическая ситуация», на наш взгляд, позволяет определить, проанализировать и дифференцировать данную категорию как собственно педагогическую, раскрыть ее системный характер.

Теоретический и методологический анализ разработки концепции «педагогическая ситуация» в отечественных и зарубежных трудах показал, что родовым понятием для видового понятия «педагогической ситуации» следует считать «ситуацию».

В настоящее время понятие «ситуация» представляется одним из самых популярных в ряде дисциплин, изучающих процессы отражения действительности: философии, когнитивистике, лингвистике, педагогике, психологии, психолингвистике, филологии, теории искусственного интеллекта, логике и других отраслях науки.

Интерес к изучению и широкому использованию ситуаций связан с представлением о том, что деятельность и поведение человека не могут быть поняты и объяснены без ситуационного контекста. Однако понятие «ситуация» употребляется разными авторами как описательный конструкт, фиксирующий факты о поведении и деятельности человека в разных обстоятельствах жизнедеятельности. При этом важно определиться в том, что такое ситуация и как она должна описываться. Фактически однозначного решения данного вопроса пока нет: использование термина «ситуация» в разных контекстах свидетельствует, что ни ученые, ни практики до сих пор не имеют единого мнения о том, что следует считать ситуацией.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова ситуация определяется как совокупность обстоятельств, положение, обстановка [25]. В «Энциклопедическом словаре» ситуацию характеризуют как сочетание условий и обстоятельств, создающих определенное положение, обстановку [36].

В философии категорию «ситуация» определяют как одноактную и неповторимую часть бытия, открывающую для человека пространство активной деятельности и переживания [35].

В лингвистике термин «ситуация» трактуется неоднозначно и употребляется в разных контекстах. Его относят к семантике языка, внеязыковой реальности, к способам ее ментального отражения. По Ю.Д. Апресяну, ситуация это «кусочек действительности, реальной или мыслимой, в котором некоторые объекты в некий момент времени и в каком-то месте вступают друг с другом в определенные отношения» [2, с. 19]. И.М. Кобозева под ситуацией понимает некоторое множество объектов, обладающих определенными свойствами и связанных определенными отношениями [13]. По мнению Е.В. Падучевой, изложенному в трудах по семантике высказывания, «ситуация» отождествляется

с понятием «пропозиции» [26]. Дж. Барвайс и Дж. Перри, описывая ситуацию, говорят о ней как об основной и вездесущей: «Мы всегда находимся в тех или иных ситуациях... Познавательная деятельность выделяет в ситуациях категории объектов, имеющих атрибуты и находящихся в... своих локусах – связанных областях пространства-времени» [6, с. 264]. При этом ситуация определяется «локусом и типом, которые говорят, какие объекты и в каких отношениях присутствуют в данном локусе» [6, с. 265], а к числу ее структурных компонентов относят: множество действий, множество объектов, множество отношений между ними, множество свойств и состояний, множество локусов рассматриваемых объектов. Многие лингвисты считают основными содержательными признаками ситуаций состав участников (актантов), а также их роли во взаимодействии, проявляющимся в определенной ситуации [1; 3; 4]. В работах по ситуационной семантике [37; 38; 39] в структуру ситуации включаются не только актанты, но и локус (хронотоп), пространственный (положение актанта / место совершения ситуации) и темпоральный (момент / период происхождения ситуации).

Таким образом, в рамках лингвистических исследований в качестве характеристик ситуации выделяются взаимодействующие субъекты, наличие каузальных отношений и действий, хронотоп.

В психологических исследованиях понятие «ситуация» связано, в первую очередь, с разработкой аспектов изучения личности, хотя само понятие «ситуация» в психологии определено неоднозначно и имеет разные смыслы. Б.Ф. Ломов считает важной задачей разработку способов и средств представления и описания ситуаций [20].

В психологии выделяется три подхода к определению понятия «ситуация». Поведенческий подход рассматривает ситуацию как совокупность элементов объективной действительности, внешних по отношению к субъекту и независимых от индивида условий, «оказывающих разные виды воздействия на субъект (определяющее, стимулирующее, корректирующее), обуславливающее его активность и определяющее пространственно-временные границы ее осуществления» [32, с. 14]. В рамках психодинамической теории ситуацию характеризуют как конструкт индивидуального сознания, ее связывают с индивидом, поскольку источники определения поведения заложены в относительно стабильных и долговременных свойствах личности и представляют собой каузальные структуры, обуславливая межситуационность поведения [9]. Интеракционистский подход представляет ситуацию не как состоящую из отдельных элементов (окружающая среда, личность), но как взаимодействие этих элементов, включая такие компоненты как субъект, окружающая среда и взаимодействие между ними [27].

Подчеркивая важность ситуации и влияния человеческой деятельности на нее, В.В. Сериков считает, что сознание человека поддается изменению только через изменение его жизненной ситуации. А смысл явлений возможно изменить только через изменение их места и значения в конкретной жизненной ситуации, поскольку именно ситуация создает определенный контекстный фон.

«Понятием «ситуация» мы обозначаем ... цепочку коллизий, возникающих в сфере отношений ученика с окружающим его миром. Ситуацией для личности становится то, что затрагивает его ценностную сферу, статусные характеристики ее бытия. Ситуация развивает личность, потому что побуждает ее функционировать, ставит воспитанника перед необходимостью проявлять себя как личность» [29, с. 56]. Рассуждая о процессе развития и формирования в какой-либо ситуации, необходимо учитывать, что ситуация – это «не момент времени, а длящаяся совокупность детерминант жизнедеятельности индивида» [29, с. 57].

Приведенные выше значения «ситуации» предполагают наличие субъекта, находящегося в определенной позиции, а также понимание специфики и характера взаимоотношений человека и реального мира. Если говорить о ситуации как об объекте научного анализа, то ее сущность можно определить как совокупность элементов среды, детерминирующей активность человека и определяющей пространственно-временные границы его поведения [7].

Проведенный анализ определений и пониманий «ситуации» в рамках разных наук не дает четкого представления о сущности ситуации. Большое количество определений ведет к неоднозначности употребления терминологии, смешению понятий, размытости категорий. В связи с этим, прежде чем рассматривать концепт «педагогическая ситуация», определим границы «ситуации» в общенаучном смысле с выделением ее интегральных признаков.

Очевидно, что понятие «ситуация» имеет следующие характеристики:

- 1) «ситуация» не может существовать вне субъекта: они не просто происходят в жизни людей, но в ситуациях обязательно принимают участие люди;
- 2) «ситуация» характеризуется динамикой, изменениями;
- 3) «ситуация» обладает пространственно-временной локализацией: она происходит в некоторой человеческой системе отношений, в некоторое время и в некотором пространстве.

Таким образом, мы говорим о ситуации как о пространственно-временном континууме, поскольку только в ситуации может что-то произойти. Вне конкретной ситуации ничего произойти не может. Тогда ситуация – это те обстоятельства, в которых может произойти событие. Т. е. ситуацию можно по существу описать как потенциальное измерение события.

Следующий этап исследования предполагает проведение анализа концепта «педагогическая ситуация» в педагогическом дискурсе.

В педагогике единицей как учебного, так и воспитательного процесса традиционно считается педагогическая ситуация. Будучи составной частью педагогического процесса, она выступает как педагогическая реалья, как концентрированное выражение педагогического процесса и педагогической системы в их временном пространстве [24]. Из педагогических ситуаций складывается педагогический процесс. Поэтому можно сказать, что динамичность процесса обучения, его самодвижение и саморазвитие обеспечиваются и обуславливаются педагогическими ситуациями. Тогда непрерывная цепь взаимопродолжающихся и взаимосвязанных педагогических ситуаций и есть педагогический процесс.

В педагогических исследованиях педагогическая ситуация изучается в качестве средства и условия педагогического процесса, рассматривается ее функциональность и актуальность в образовательном процессе, проводится анализ с целью ее проектирования и организации. Однако, несмотря на значимость самой категории, определения педагогической ситуации, встречающиеся в педагогической литературе, разнятся, не имея под собой четких оснований. Анализ понятия «педагогическая ситуация» в педагогических исследованиях убедил нас в отсутствии единого понимания этого термина. Так, педагогическую ситуацию определяют:

- как момент взаимодействия воспитателя и воспитанника в условиях учебно-воспитательного процесса, который обостряет противоречия воспитательного процесса» [12, с. 89];

- как единицу образовательного процесса, осознаваемая участниками как значимая, актуализирующая перестройку сложившихся норм и ценностей, стереотипов поведения и деятельности, перестраивающая систему взаимоотношений в лучшую или худшую сторону [34];

- как совокупность условий и обстоятельств, задаваемых педагогом направленно или возникающих в педагогическом процессе спонтанно, которые заставляют ученика, вовлеченного в них, демонстрировать и изменять собственное поведение [28];

- как кратковременное взаимодействие между педагогом и учениками на основании противоположных норм, ценностей и интересов, сопровождающееся эмоциональными проявлениями и совершающееся с целью перестройки устойчивых взаимоотношений [23];

- как определенный фрагмент практической деятельности преподавателей, реально наблюдаемое явление или событие, реальная обстановка в учебной группе, сложная система отношений и взаимоотношений учащихся [10];

- как «особый педагогический механизм, который ставит воспитанника в новые условия, трансформирующие ход его жизнедеятельности, востребующие от него новую модель поведения, чему предшествует рефлексия, осмысление, переосмысление сложившейся ситуации» [16, с. 61];

- как объективное состояние конкретной педагогической системы в определенном промежутке времени [31];

- как задачу, задание, сущность которого состоит в разрешении противоречия между имеющимися у ученика знаниями и новыми фактами, для объяснения которых прежних знаний недостаточно [33];

- как конкретное явление, событие, факт в рамках педагогического процесса, направленный на конструирование межсубъектного взаимодействия между учителем и учеником через придание ему определенного вида деятельности: воспитательной, познавательной, коммуникативной, игровой и т. д. [5].

Из приведенного выше списка становится очевидным, что в имеющихся определениях нет единого толкования педагогической ситуации. Любая педагогическая категория, по мнению И.А. Соловцовой, может определяться и анализироваться в трех аспектах: как явление, как процесс и как деятельность [30].

Наличие этих трех аспектов само по себе порождает большое количество определений педагогических категорий. Нам представляется важным определять педагогические категории в динамическом аспекте, исходя из понимания образовательной деятельности как динамического процесса, видеть не просто объекты и предметы, а происходящие с ними процессы, изменения, события, ситуации.

В педагогической литературе понятие педагогической задачи зачастую приравнивается к понятию педагогической ситуации [14; 22]. Однако, на наш взгляд, ситуация и задача не являются эквивалентными понятиями, и не могут определять друг друга.

В трудах по психологии о единстве сознания и деятельности, о проблемном характере мышления встречается широкое понимание «задачи». Так, А.Н. Леонтьев считает, что «...осуществляющееся действие отвечает задаче, задача – это и есть цель, данная в определенных условиях» [18, с. 112]. Задача понимается нами в широком смысле как цель, заданная в конкретной ситуации, соотношенная с условиями ее достижения и решаемая в условиях педагогического процесса.

По мере решения задач происходит переход к новой задаче, и возникает новая педагогическая ситуация. Это означает, что единицей реального педагогического процесса является педагогическая ситуация, в рамках которой решается единичная педагогическая задача. Если содержание изучаемого строится как логическая последовательность педагогических задач, а образовательный процесс – как цепь педагогических ситуаций, познавательным ядром которых и являются эти учебно-познавательные задачи, то при переходе от решения одной задачи к другой возникает «движение» педагогического процесса, его динамика. Именно решение педагогических задач обуславливает и определяет педагогический процесс. Педагогическая задача связана с осмыслением педагогической ситуации в аспекте ее преобразования, перевода на новый уровень, что приближает ее к цели педагогической деятельности.

Проведенный в работе анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. В педагогических исследованиях отсутствует однозначное толкование педагогической ситуации, при этом большинство исследователей признают их актуальность и функциональность в образовательном процессе, занимаются разработкой и проектированием педагогических ситуаций, их анализом и моделированием. В качестве основных недостатков разработок определения понятия «педагогическая ситуация» выступают смещение оснований определения педагогических категорий, отсутствие единого понимания «ситуации» в междисциплинарном аспекте, недостаточность разработки существенных характеристик «педагогической ситуации».

2. Концепт «педагогическая ситуация», по нашему мнению, указывает на предметную деятельность, в рамках которой анализируется ситуация, и может быть определен на основании выделенного нами ранее понятия «ситуация». Ситуация становится педагогической, если в ней ставятся задачи обучения,

воспитания и развития ученика. Педагогическую ситуацию можно понимать, как потенциальную возможность состояться событию в педагогическом отношении. Т. е. педагогическая ситуация – это потенциальное измерение события, а само педагогическое событие – это актуальное осуществление того или иного педагогического замысла, педагогической задачи, достижение педагогической цели. В этом случае педагогическая ситуация рассматривается нами как составная часть педагогического события.

Функцию приобщения каждого нового поколения к культуре выполняет образование. Если понимать образование как процесс культурного развития личности, а его цель как передачу, воспроизводство и порождение культуры [14], то педагогическое событие (которое зачастую смешивают с понятием «педагогической ситуации») как значимое для человека изменение можно определить как изменение через адаптацию культурного опыта человечества в культурный опыт ученика, как трансляцию культуры от одного человека другому. Составная часть образовательного процесса – педагогические события. Тогда, по нашему мнению, педагогическую ситуацию как часть педагогического события можно рассматривать как потенциальное событие, в контексте которого потенциально может произойти трансляция культуры. Т. е. педагогическая ситуация – это потенциальное измерение события, представляющее собой процесс педагогического взаимодействия субъектов педагогической деятельности (образовательного процесса), в рамках которого решается единичная педагогическая задача по трансляции единицы, кванта культуры, в специально организованных педагогических условиях и пространственно-временном континууме.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Том 1: Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян ; Школа «Языки русской культуры». – М. : Восточная литература, 1995. – 472 с. – Текст : непосредственный.
2. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова [и др.]. – Выпуск 2. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 215 с. – Текст : непосредственный.
3. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : URSS, 2019. – 384 с. – Текст : непосредственный.
4. Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж : РИТМ, 2018. – 229 с. – Текст : непосредственный.
5. Баликочева, М. И. Реализация педагогических ситуаций в процессе взаимодействия «учитель – ученик» на основе проблемного обучения / М. И. Баликочева. – Текст : непосредственный // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения : сборник материалов XV Международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2010. – С. 207–211.
6. Барвайс, Дж. Ситуации и установки / Дж. Барвайс, Дж. Перри. – Текст : непосредственный // Философия. Логика. Язык : сборник научных трудов. – М. : Прогресс, 1987. – С. 264–292.
7. Бордовская, Н. В. Педагогика / Н. В. Бордовская, А. А. Реан. – Текст : непосредственный. – СПб. : Питер, 2009. – 304 с.

8. Вейдт, В. П. Педагогический тезаурус : учебное пособие для вузов / В. П. Вейдт. – М. : Юрайт, 2019. – 227 с. – Текст : непосредственный.
9. Гришина, Н. В. Психология социальных ситуаций / Н. В. Гришина. – СПб. : Питер, 2001. – 416 с. – Текст : непосредственный.
10. Елисеев, В. К. Когнитивные механизмы понимания педагогической ситуации / В. К. Елисеев, М. В. Елисеева, М. В. Коробова. – Текст : непосредственный // Дизайн и архитектура: синтез теории и практики : сборник научных трудов. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2017. – С. 197–205.
11. Загвязинский, В. И. Общая педагогика / В. И. Загвязинский, И. Н. Емельянова. – Текст : непосредственный. – М. : Высшая школа, 2008. – 391 с.
12. Загвязинский, В. И. Педагогический словарь / В. И. Загвязинский, А. Ф. Закирова. – Текст : непосредственный. – М. : Академия, 2008. – 343 с.
13. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : URSS, 2021. – 352 с. – Текст : непосредственный.
14. Коджаспирова, Г. М. Словарь по педагогике / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – М. : МарТ ; Ростов н/Д. : МарТ, 2005. – Текст : непосредственный.
15. Краевский, В. В. Методология педагогики. Новый этап / В. В. Краевский, Е. В. Бережнова. – М. : Академия, 2006. – 400 с. – Текст : непосредственный.
16. Крюкова, Е. А. Введение в социально-педагогическое проектирование / Е. А. Крюкова. – Волгоград : Логос, 1998. – Текст : непосредственный.
17. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М. : Издательство Московского государственного университета, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.
18. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1977. – 150 с. – Текст : непосредственный.
19. Лихачев, Б. Т. Педагогика : курс лекций / Б. Т. Лихачев. – М. : ВЛАДОС, 2010. – 647 с. – Текст : непосредственный.
20. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М. : Наука, 1984. – 226 с. – Текст : непосредственный.
21. Лукацкий, М. А. Педагогика в поисках себя : сборник научных статей / М. А. Лукацкий. – М. : Маска, 2020. – 500 с. – Текст : непосредственный.
22. Лукьянец, А. Н. Педагогические технологии в эпоху цифровизации высшего образования. / А. Н. Лукьянец, М. А. Ельмендеева. – Текст : непосредственный // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Том 9. – № 4 (33).
23. Мандель, Б. Р. Педагогика высшей школы: история, проблематика, принципы / Б. Р. Мандель. – М.–Берлин : Директ-Медиа, 2017. – 618 с. – Текст : непосредственный.
24. Наумова, Т. А. Сборник ситуационных педагогических задач / Т. А. Наумова, Е. В. Мухачёва, А. Е. Причинин. – Текст : непосредственный. – Ижевск : Удмуртский университет, 2020. – 68 с.
25. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Мир и образование, 2018. – 1376 с. – Текст : непосредственный.
26. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с. – Текст : непосредственный.
27. Попова, Р. Р. Проблема определения понятия «событие» в психологии / Р. Р. Попова. – Текст : непосредственный // Вестник ТГГПУ. – 2011. – № 3 (25).
28. Селиванова, Н. Л. Воспитательное пространство как объект педагогического исследования / Н. Л. Селиванова. – Калуга, 2000. – Текст : непосредственный.

29. Сериков, В. В. Обучение как вид педагогической деятельности / В. В. Сериков. – М. : Академия, 2008. – 254 с. – Текст : непосредственный.
30. Соловцова, И. А. Общие основы педагогики / И. А. Соловцова, Н. М. Борытко. – Волгоград, 2006. – Текст : непосредственный.
31. Спирин, Л. Ф. Анализ воспитательных ситуаций и решение педагогических задач / Л. Ф. Спирин, М. А. Степинский, М. Л. Фрулекин. – Ярославль, 1974. – 129 с. – Текст : непосредственный.
32. Филиппов, А. В. Ситуация как элемент психологического тезауруса / А. В. Филиппов, С. В. Ковалев. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 1986. – № 1. – С. 14–21.
33. Чистякова, Т. А. Педагогический конфликт и способы его преодоления / Т. А. Чистякова. – М. : ВЛАДОС, 2004. – 84 с. – Текст : непосредственный.
34. Шустова, И. Ю. Что такое «живая ситуация» и как с ней работать / И. Ю. Шустова, В. В. Вишенина. – Текст : непосредственный // Воспитание школьников. – 2014. – № 2. – С. 18–25.
35. Щербакова, Е. Е. Событийная ситуация и ее отображение в речи русских старожиллов Байкальской Сибири : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Щербакова Екатерина Евгеньевна. – Абакан, 2013. – Текст : непосредственный.
36. Энциклопедический словарь : в 3 томах. Том 3 / главный редактор Б. А. Введенский. – Текст : непосредственный. – М. : Большая советская энциклопедия, 1955. – 744 с.
37. Chafe W. L. Meaning and the structure of language. – Chicago–London : University of Chicago Press, 1970. – 360 p.
38. Färber M., Svetashova Y., Harth A. Theories of Meaning for the Internet of Things. In: Bechberger L., Kühnberger K., Liu M. (eds.) Concepts in Action. Language, Cognition, and Mind. – 2021 – Vol 9. – Springer, Cham. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-69823-2_3.
39. Fillmore Ch. Frame semantics // Linguistics in the Morning Calm. – Seoul : Hanshin Publishing Co., 1982. – Pp. 111–137.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. Izbranniye trudy [Selected works]. Vol. 1. Moscow : Yazyki russkoy kultury, 1995. 472 p. (In Russian).
2. Apresyan Yu. D. Noviy obyasnitelniy slovar' sinonimov russkogo yazyka [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms]. Moscow : Yazyli russkoy kultury, 2000. (In Russian).
3. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the world of human]. Moscow : URSS, 2019. 384 p. (In Russian).
4. Babushkin A. P., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya [Cognitive linguistics and semasiology]. Voronezh : Ritm, 2018. 229 p. (In Russian).
5. Balikoeva M. I. Realizatsiya pedagogicheskikh situatsiy v processe vzaimodeystviya "uchitel – uchenik" na osnove problemnogo obucheniya [Implementation of pedagogical situations in the teacher-student interaction based on problem-based learning]. Psihologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya = Psychology and Pedagogy: Methodology and Problems of Practical Application. Novosibirsk, 2010. P. 207–211. (In Russian).
6. Barwise J., Perry M. Situatsii i ustanovki [Situations and Attitudes]. Filosofiya. Logika. Yazyk = Philosophy. Logics. Language. M. : Progress, 1987. P. 264–292. (In Russian).

7. Bordovskaya N. V., Rean A. A. *Pedagogika* [Pedagogics]. SPb. : Piter, 2009. 304 p. (In Russian).
8. Veydt V. P. *Pedagogicheskiy tezaurus* [Pedagogical thesaurus]. M. : Yurait, 2019. 227 p. (In Russian).
9. Grishina N. V. *Psihologiya socialnyh situatsiy* [Psychology of social situations]. SPb. : Piter, 2001. 416 p. (In Russian).
10. Yeliseev V. K., Yeliseeva M. V., Korobova M. V. *Kognitivniye mehanizmy ponimaniya pedagogicheskoy situatsii* [Cognitive mechanisms of understanding of pedagogical situation]. *Dizain i arhitektura: sintez teorii i praktiki = Design and architecture: synthesis of theory and practice*. Krasnodar : Kubanskiy gosudarstvenniy universitet, 2017. P. 197–205. (In Russian).
11. Zagvyazinsky V. I., Yemelianova I. N. *Obschaya pedagogika* [General pedagogy]. Moscow : Vysshaya shkola, 2008. 391 p. (In Russian).
12. Zagvyazinsky V. I., Zakirova A. F. *Pedagogicheskiy slovar'* [Pedagogical dictionary]. Moscow : Akademiya, 2008. 343 p. (In Russian).
13. Kobozeva I. M. *Linvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow : URSS, 2021. 352 p. (In Russian).
14. Kodzhaspirova G. M., Kodzhaspirov A. Yu. *Slovar' po pedagogike* [Dictionary of pedagogy]. Moscow : MarT, 2005. (In Russian).
15. Krayevsky V. V., Berexhnova E. V. *Metodologiya pedagogiki. Noviy etap* [Methodology of pedagogy. New stage]. Moscow : Akademiya, 2006. 400 p. (In Russian).
16. Kryukova E. A. *Vvedeniye v socialno-pedagogicheskoye proektirovaniye* [Introduction to social-pedagogical projecting]. Volgograd : Logos, 1998. (In Russian).
17. Kubriakova E. S., Demiankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. *Kratkiy slovar' kognitivnyh terminov* [Short dictionary of cognitive terms]. Moscow : Moskovskiy Gosudarstvenniy Universitet, 1996. 245 p. (In Russian).
18. Leontiev A. N. *Deyatelnost'. Soznaniye. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Individuality]. Moscow : Politizdat, 1977. 150 p. (In Russian).
19. Likhaches B. T. *Pedagogika. Kurs lekcii* [Pedagogy. Lecture course]. Moscow : VLADOS, 2010. 647 p. (In Russian).
20. Lomov B. F. *Metodologicheskiye i teoreticheskiye problemy psihologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow : Nauka, 1984. 226 p. (In Russian).
21. Lukatsky M. A. *Pedagogika v poiskah sebja* [Pedagogy in search of itself]. Moscow : Maska, 2020. 500 p. (In Russian).
22. Luk'yanets A. N., Elmendeeva M. A. *Pedagogicheskiye tehnologii v epohu cifrovizatsii vysshego obrazovaniya* [Pedagogical technologies in time of higher education digitalization]. *Azimut nauchnih issledovaniy: pedagogiks i psihologiya = Research azimuth: Pedagogy and psychology*. Vol. 9, No. 4 (33). 2020. (In Russian).
23. Mandel B. R. *Pedagogika vysshey shkoly: istoriya, problematika, principy* [Higher education pedagogy: history, issues, principles]. Moscow–Berlin : Direkt-Media, 2017. 618 p. (In Russian).
24. Naumova T. A., Mukhacheva E. V., Prichinin A. E. *Sbornik situatsionnyh pedagogicheskikh zadach* [A collection of situational pedagogical tasks]. Izhevsk : Udmurtskiy universitet, 2020. 68 p. (In Russian).
25. Ozhegov S. I. *Tolkoviy slovar russkogo yazyka* [Thesaurus of the Russian Language]. Moscow : Mir i obrazovaniye, 2018. 1376 p. (In Russian).
26. Paducheva E. V. *Dinamicheskiye modely v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow : Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. 608 p. (In Russian).

27. Popova R. R. Problema opredeleniya ponyatiya "sobytiye" v psikhologii [Problem of definition of the term "event" in psychology]. Vestnik TGGPU. No. 3 (25). 2011. P. 287–293. (In Russian).
28. Selivanova N. L. Vospitatel'noye prostranstvo kak ob'ekt pedagogicheskogo issledovaniya [Educational space as an object of pedagogical research]. Kaluga, 2000. (In Russian).
29. Serikov V. V. Obucheniye kak vid pedagogicheskoy deyatel'nosti [Teaching as a pedagogical activity]. Moscow : Akademiya, 2008. 254 p. (In Russian).
30. Solovtsova I. A., Borytko N. M. Obschiye osnovy pedagogiki [General basics of pedagogy]. Volgograd, 2006. (In Russian).
31. Spirin L. F., Stepinskiy M. A., Frulekin M. L. Analiz vospitatel'nykh situatsiy i resheniya pedagogicheskikh zadach [Analysis of educational situations and solving pedagogical problems]. Yaroslavl, 1974. 129 p. (In Russian).
32. Filippov A. V., Kovalev S. V. Situatsii kak element psichologicheskogo tezaurusa [Situation as an element of psychological thesaurus]. Psihologicheskii zhurnal = Journal of Psychology. No. 1. 1986. P. 14–21. (In Russian).
33. Chistyakova T. A. Pedagogicheskii konflikt i sposoby ego preodoleniya [Pedagogical conflict and how to deal with it]. Moscow : VLADOS, 2004. 84 p. (In Russian).
34. Shustova I. Y., Vishenina V. V. Chto takoe "zhivaya situatsiya" i kak s ney rabotat' [What is a "living situation" and how to work with it]. Vospitaniye shkolnikov = School Education. 2014. No. 2. P. 18–25. (In Russian).
35. Scherbakova E. E. Sobytiynaya situatsiya i eye otobrazheniye v rechi russkikh starozhilov Baykalskoy Sibiri [The Event Situation and Its Reflection in the Speech of Russian Old-timers of Baikal Siberia]. Extended Abstract of Cand. Sci. Diss. Abakan, 2013. (In Russian).
36. Enciklopedicheskiy slovar [Encyclopedic dictionary]. In 3 vol. Vol. 3. Moscow : Bolshaya sovetskaya enciklopediya, 1955. 744 p. (In Russian).
37. Chafe W. L. Meaning and the structure of language. Chicago–London : University of Chicago Press, 1970. 360 p.
38. Färber M., Svetashova Y., Harth A. Theories of Meaning for the Internet of Things. In: Bechberger L., Kühnberger K., Liu M. (eds.) Concepts in Action. Language, Cognition, and Mind, 2021, vol 9. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-69823-2_3.
39. Fillmore Ch. Frame semantics. Linguistics in the Morning Calm. Seoul : Hanshin Publishing Co., 1982. Pp. 111–137.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Доброва, В. В. Роль концепта «педагогическая ситуация» в терминологическом строе наук об образовании: междисциплинарный анализ / В. В. Доброва. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 39–50.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dobrova V. V. The Role of the Concept "Pedagogical Situation" in the Terminology of Education Sciences: an Interdisciplinary Analysis / V. V. Dobrova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 39–50. (In Russian).

УДК 378.14

**О РАЗВИТИИ ТЕКСТОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
БУДУЩИХ РЕЖИССЕРОВ ТЕАТРА
НА ЗАНЯТИЯХ ПО СЦЕНИЧЕСКОЙ РЕЧИ**

А.М. Курсанова, Е.Г. Вакуленко

**ON THE DEVELOPMENT OF THE TEXT COMPETENCE
OF FUTURE THEATER DIRECTORS
IN STAGE SPEECH LESSONS**

A.M. Kirsanova, E.G. Vakulenko

Аннотация. В статье на основе структурно-содержательного анализа текстовой компетентности рассматриваются пути совершенствования учебного курса «Сценическая речь» для будущих театральных режиссеров. Рассматривая профессию театрального режиссера сквозь призму данных герменевтики, драмогерменевтики, педагогической герменевтики и сложившегося к настоящему времени опыта театрального образования, авторы приходят к выводу, что внимание педагогов и студентов в процессе обучения должно быть сосредоточено на понимании и интерпретации художественных текстов, развитии речевого (фонематического), эмоционального (интонационного) видов слуха, а также умениях и навыках речевых профессиональных коммуникаций по поводу смысла.

Abstract. Based on a structural-content analysis of textual competence, the article discusses ways to improve the training course "Stage speech" for future theater directors. Considering the profession of a theater director through the prism of hermeneutics, drama hermeneutics, pedagogical hermeneutics and the current experience of theater education, the authors come to the conclusion that the attention of teachers and students in the learning process should be focused on understanding and interpreting literary texts, developing speech (phonemic), emotional (intonation) types of hearing, as well as the skills and abilities of speech professional communications about the sense.

Ключевые слова: режиссер театра, герменевтический анализ художественного текста, текстовая компетентность режиссера, слух режиссера, профессиональные коммуникации режиссера, смысл.

Keywords: theater director, hermeneutical analysis of a literary text, director's textual competence, director's ear, director's professional communications, sense.

Театральный режиссер – это творческий и социальный лидер театральной труппы, реализующий свой художественный замысел средствами театральной драматургии и сценического действия. Кристаллизация профессии как относительно самостоятельного вида творческой деятельности во второй половине XIX века связана с осознанием членами профессионального сообщества необходимости установления единой творческой воли, объединяющей на основе интерпретации режиссером литературной первоосновы все структурные элементы спектакля в неразрывное целое [6].

В круг важнейших функций театрального режиссера входят: разработка концептов (сверхзадач) художественных текстов, анализ авторских намерений и их творческое переосмысление в горизонте собственной личности, раскрытие интенций персонажей и ситуаций их непосредственных или опосредованных взаимодействий, отыскание эффективных вербальных и невербальных средств, обеспечивающих достижение «смыслового фокуса» (Т.М. Дридзе [8]) с участниками театрального действия и его зрителями и т. п. Сказанное дает основания утверждать, что формирование текстовой компетентности составляет одну из важнейших целей профессионального обучения будущих театральных режиссеров. При этом под термином «текст» в русле воззрений современной лингвистики понимается любая последовательность связанных общим смыслом элементов (знаков, символов, образов и др.), нацеленных на коммуникационные процессы и передающих некоторое сообщение, в котором смысл целого не сводится к сумме входящих в него частей [2].

Под компетентностью понимается совокупность знаний и опыта, обеспечивающих эффективность выполнения определенных видов деятельности. Термин «текстовая компетентность» детально проработан в трудах Н.С. Болотновой, где она трактуется как способность к адекватному пониманию, интерпретации и трансляции мысли в разнообразных видах дискурса в соответствии со сферами, жанрами и ситуациями коммуникации [5]. В структуре текстовой компетентности режиссера театра можно выделить три компонента: компетенцию понимания художественного текста, компетенцию интерпретации художественного текста и коммуникативную компетенцию (см. Рис. 1).

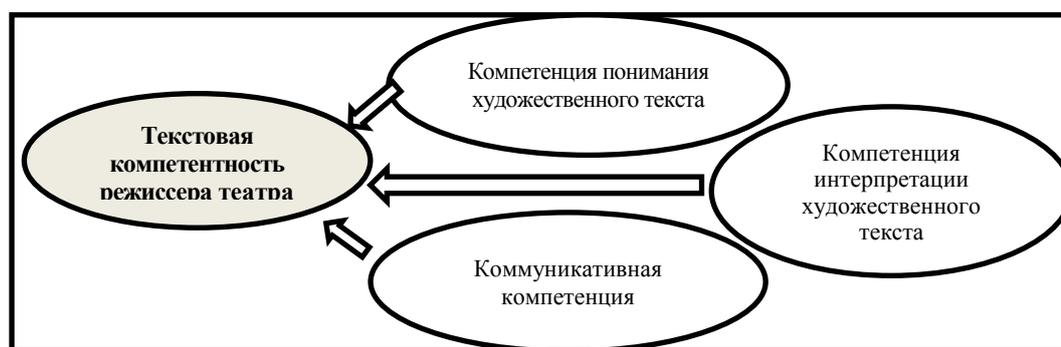

Рис. 1 – Структура текстовой компетентности театрального режиссера

Экспериментами Т.З. Адамьянц, Г.И. Богина, Т.М. Дридзе установлено, что указанные компетенции могут быть развиты в условиях целенаправленного обучения, а также при самообразовании [2; 4; 8]. Наш опыт работы в театральном образовании показывает, что учебный курс «Сценическая речь» способен обеспечить более эффективное приращение текстовой компетентности будущих режиссеров любительского театра, если будет опираться на достижения

философской герменевтики (Г.-Г. Гадамер, Ф.Д.Э. Шлейермахер, П. Рикёр, М.М. Бахтин и др.) педагогической герменевтики (Е.П. Александров, А.Ф. Закирова и др.) и драмогерменевтики (В.М. Букатов, А.П. Ершова и др.) и включать в себя: *а)* рефлексивно-аналитические практики, направленные на понимание и интерпретацию художественных текстов, *б)* практики слухового анализа звучащего текста и аудиотренинги и *в)* социоигровые речевые тренинги по поводу понимания и трансляции художественных смыслов (диалогические речевые взаимодействия).

Под термином «понимание» мы имеем в виду процесс и результат познания смыслов текста, автора и персонажей в опоре на воспринимаемые органами чувств внешние знаки (символы, сигналы и др.). Глубина понимания режиссером художественного текста определяется актуальным объемом знаний, уровнем развития интеллектуальных операций с ними, а также психологической наблюдательностью и наличием опыта переживаний смыслов.

Раскроем наше понимание содержания компонентов текстовой компетентности режиссеров любительского театра (см. Рис. 2).

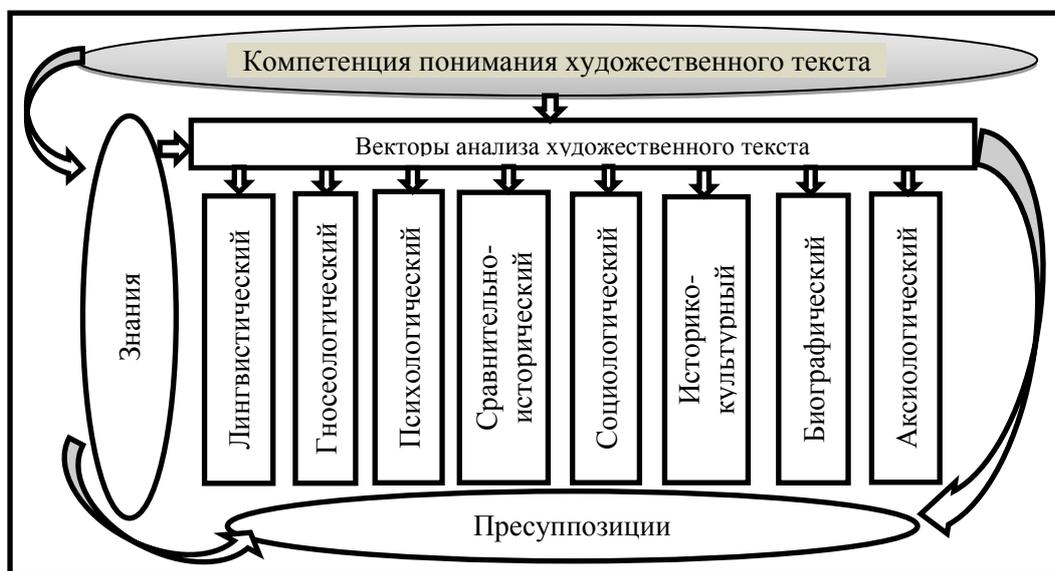

Рис. 2 – Структура компетенции понимания художественного текста

В герменевтике выделяются несколько векторов рефлексивно-аналитических действий с текстом. Лингвистический вектор анализа связан с фиксацией лексических, орфоэпических, акцентологических особенностей художественного текста в их сопоставлении с правилами и нормами языка, существующими в конкретный период времени и в конкретной социокультурной среде. Очевидно, что как соблюдение, так и нарушения языковых канонов выступают как важные социально-демографические, социокультурные, профессиональные, психологические и др. «маркеры» персонажей и ситуаций взаимодействия.

Гносеологический вектор анализа направлен на поиск «точек сопряжения» смыслов художественного текста с объективной реальностью, с известными субъекту фактами, а также с накопленными в ходе предшествующих познавательных практик информацией, представлениями, образами, моделями и др. Рефлексивно-аналитические практики, реализующие герменевтический подход в рамках учебного курса «Сценическая речь», основываются на положении, что понимание связано не только с дешифровкой отдельно взятых семиотических единиц художественного текста, но и выявлением их взаимосвязей. Тогда отдельное слово осмысливается сквозь призму фразы, в которую оно включено, фраза – более масштабных структурных единиц текста и, наконец, текст как целое – в общем контексте культуры на определенном витке ее социально-исторического развития. Вместе с тем смысл каждого структурного элемента опосредуется смыслом целого и, наоборот, смысл целого – смыслом структурных элементов (герменевтический круг). Устанавливаемые в ходе гносеологического исследования текстов авторские смыслы, подтексты и контексты затем «материализуются» в экспериментах студентов с фонационными и интонационными компонентами сценической речи в масштабных величинах возгласа, слова, словосочетания, фразы (реплики), предложения, текста как целого, а также ситуаций взаимодействия (диалога).

Психологический вектор анализа опосредуется установкой выдающегося представителя философской герменевтики Г.-Г. Гадамера, что смысловое взаимодействие с текстом носит принципиально диалогический характер и создает предпосылки не только для понимания автора и персонажей текста, но и для расширения горизонтов самопонимания, развития навыков интроспекции. В ходе взаимодействия будущих режиссеров с текстом необходимо добиваться «живого» переживания, психологического сопряжения с воплощаемым художественным образом.

Предметом сравнительно-исторического вектора исследования художественных текстов выступает смысловая динамика исторически сложившихся традиций употребления символических систем – социальных институтов религии, права, искусства, воспитания и др. При этом в практике сценического воплощения результатов сравнительно-исторического анализа возможны различные подходы, на крайних полюсах которых находятся: *а)* неукоснительное следование даже мельчайшим нюансам «исторической правды»; *б)* переосмысление авторского замысла сквозь призму актуальных проблем и ценностей текущего периода исторического времени.

Художественные тексты содержат социологически значимую информацию, например, о ценностях, потребностях, духовно-нравственных установках, особенностях повседневной жизни социальных страт (слоев), общностей, субкультур (больших и малых социальных групп). Реализуя социологический вектор анализа, будущие театральные режиссеры осмысливают позиции автора, художественного текста и его персонажей как представителей определенной социальной общности.

В ходе историко-культурного анализа текст сопоставляется с другими текстами, в том числе с произведениями других авторов. При этом реализуется принцип интертекстуальности, согласно которому в структуре любых текстов (даже самых новаторских) обязательно представлены элементы ранее созданных текстов в формах прямых или косвенных цитат, фрагментов культурных кодов, идей, идиом, художественных и архетипических образов и др., исследование которых позволяет открыть дополнительные грани смыслов.

Биографический вектор анализа позволяет осмыслить художественный текст под углом зрения личностной и творческой эволюции его автора. Ещё Ф.Д.Э. Шлейермахер утверждал, что личность автора, «узловые» факты его жизненного пути, этапы развития ценностно-смысловой системы и Я-концепции, особенности социального, политического и художественного окружения обнаруживают внутреннюю связь с его произведениями [16].

Наконец, аксиологический вектор анализа художественного текста концентрирует внимание режиссеров на духовно-нравственных, эстетических идеях и ценностях, которые автор стремится интегрировать в общественное и индивидуальное сознания. А.Ф. Закирова в исследовании, посвященном педагогической герменевтике, убедительно доказала, что «встреча с текстом» и его осмысление способствуют развитию механизмов «встречного» смыслопорождения. Результаты такой внутренней смысловой работы переносятся в жизненную практику и корректируют поведение и отношения личности [9]. Оценки ценностей со стороны автора и персонажей художественного текста задают ориентиры пониманию характеров, мотивов действий, ситуаций и конфликтов.

На основе имеющихся знаний, опыта и связанных с ними лексических единиц, образов восприятия, знаков, символов, идиом, метафор и др. у воспринимающего текст субъекта формируются пресуппозиции, то есть установки на определенное понимание текста (Г. Фреге, П. Стросон и др. [9]).

Под термином «интерпретация» в герменевтике имеется в виду процесс и результат опосредования авторских смыслов смыслами воспринимающего текст субъекта, их встраивание в горизонты его личности, мышления и переживаний. П. Рикёр писал: «Интерпретировать – значит развернуть новые связи, устанавливаемые дискурсом между человеком и миром» [13, с. 69]. Художественные тексты допускают множественность толкований, что связано с амбивалентностью языка искусства и индивидуальными особенностями творческого мышления. Очевидно, что в интерпретации художественных произведений необходим определенный баланс между смысловыми системами автора и толкователя. Нарушения этого баланса приводит к произволу, когда текст выступает лишь как «стартовый импульс» для «свободного полета» фантазий интерпретатора. Наше понимание структуры компетенции интерпретации художественного текста представлено на Рисунке 3.

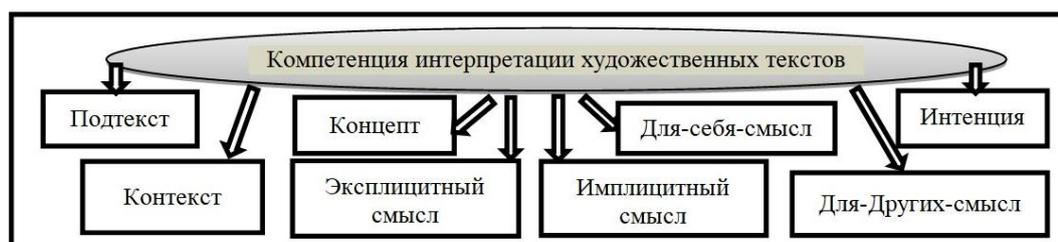

Рис. 3 – Структура компетенции интерпретации художественного текста

С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова в «Толковом словаре русского языка» говорили о смысле, как постигаемом разумом содержании, значении, цели или разумном основании чего-либо [12]. Философский словарь определяет смысл как идеальное содержание, идею, сущность, предназначение, конечную цель (ценность) чего-либо, а также как контекст какого-либо высказывания, несводимый к значениям составляющих его частей и элементов, но определяющий эти значения [15]. Можно говорить, по крайней мере, о нескольких типах смыслов художественного текста.

Так, подтекст представляет собой скрытый смысл высказывания (или молчания – М. Метерлинк «Сокровище смиренных», 1896 г.), прямо не совпадающий со значениями составляющих его слов и, прежде всего отражающий намерения и переживания персонажей и автора текста. В театральной практике подтекст чаще всего находит воплощение в речевых элементах: паузах, интонациях, темпоритме, звуковысотной и тембровой характеристиках голоса и др. Важную роль здесь играют смысловые оппозиции, например, знания / незнания. В частности, у А.П. Чехова в «Трех сестрах» зритель в курсе предстоящей дуэли и на этом фоне реплики и паузы прощального диалога Тузенбаха с ничего не подозревающей Ириной обретают глубокое психологическое содержание.

Еще Ф.Д.Э. Шлейермахер заметил, что одни и те же слова с устоявшимися значениями в разных окружениях – контекстах – порождают существенно, а нередко и принципиально различающиеся смыслы. Однако понятие «контекст» относится не только к единицам языка, но и к социокультурной среде, реалиям социально-исторической, политической, экономической и культурной жизни человека и общества, персонажам и сюжетам мифологии, религии, национальным традициям и др.

Концепт текста как «спрессованный» смысл (сверхзадача – К.С. Станиславский) несводим к сумме смыслов составляющих его структурных элементов. В концепте сливаются в целостный «гештальт» чувственный образ, информационное содержание и мотивационно-смысловые структуры сознания воспринимающего. Концепт в ходе объяснения может быть выражен средствами языка, но, как правило, существенная его часть остается невербализованной, сохраняя формат психологического переживания (Д.А. Леонтьев [10] и др.).

Эксплицитные смыслы – это непосредственно выраженные вербальными, паралингвистическими (вокализация, тембр и диапазон голоса, акцентуация и др.), экстралингвистическими (паузы, внеречевые вкрапления – смех, плач, покашливания и др.), кинесическими (жестикация, мимика, пространственное положение тела, взгляд, походка) средствами смыслы, не нуждающиеся в глубоком переосмыслении и интерпретации.

Имплицитными называются не обнаруживаемые при первичном и поверхностном наблюдении, подразумеваемые, не выраженные явно, скрытые смыслы, которые воспринимающий текст субъект сможет понять не только благодаря интуиции, но и определенным интеллектуальным и духовным усилиям. Тогда смыслы языковых единиц – риторических вопросов, высказываний, фразеологизмов, пословиц и поговорок, образов, ситуаций взаимодействия персонажей открываются ему в форме догадок, версий, гипотез, прозрений, откровений и др.

Сложность восприятия имплицитных смыслов опосредуется тем, что они нередко вуалируются «для-Других-смыслами»: например, с целью манипуляций одни персонажи текста маскируют обманными смыслами свои истинные намерения и тем побуждают других к реакциям в пользу манипулятора. Однако Е.П. Александров при этом отмечает, что и «для-себя-смыслы» могут иногда «прятать» истинные побудительные мотивы даже от самого субъекта, позволяя ему сохранять высокую самооценку в ситуациях, когда его действия вступают в противоречия с внутренним «голосом совести» [2].

Для детализации этих смысловых конструкций личности целесообразно дополнить рассмотренный понятийный ряд термином «интенция». Он имеет многотлетнюю историю и использовался еще теологами Средних веков (А. Августин, П. Абеляр, Ф. Аквинский, И.Д. Скотт, У. Оккам и др.), представителями феноменологической философской школы Э. Гуссерля и экзистенциальной философии Нового и Новейшего времени (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр и др.) [15]. В нашей работе в русле экзистенциальной философии и феноменологии под интенцией мы понимаем истинный смысл, побуждающий личность (автора, персонажа, режиссера и др.) к определенным оценкам, поступкам и взаимодействиям.

Раскроем структуру коммуникативной компетенции режиссера театра (см. Рис. 4).

Одной из важнейших способностей будущих театральных режиссеров является речевой (фонематический) и эмоциональный (интонационный) виды слуха. Первый – это способность воспринимать, дифференцировать и воспроизводить звуки (фонемы), слова, фразы, паузы, акцентуацию как носителей определенной информации. Наш опыт показывает, что труднопреодолимые дефекты произношения и голосообразования связаны не столько с тем, что студенты иначе артикулируют речь, сколько с тем, что они иначе слышат.

Рис. 4 – Структура коммуникативной компетенции режиссера

Термин «эмоциональный слух» введен В.П. Морозовым (1985 г.) и относится к способности субъекта к тонкой дифференциации и пониманию текущих эмоциональных переживаний участников речевого взаимодействия, ориентируясь на звучание их голоса и интонации [11]. Посредством эмоционального слуха воспринимаются и осмысливаются несколько компонентов звукового состава речи, опосредованных ее смысловой нагрузкой: тембродинамика, темпоритм, интонации (как средства отражения в речи различных эмоциональных состояний человека – И.А. Автушенко [1]). Эти характеристики голоса и речи, которые в повседневных взаимодействиях, нередко оставаясь в сфере бессознательного, часто даже не фиксируются сознанием сколько-нибудь отчетливо, способны выступать как носители более важных, более тонко дифференцированных, чем значения слов, смыслов и оказывать определяющее влияние на общий рисунок коммуникации, ее эффективность и особенности ответных реакций партнеров. Более того, в ситуациях, когда семантический состав речи противоречит интонации, смысловая система партнера «резонирует» именно на интонацию, а не на словарные значения слов. Поэтому недостаточное развитие эмоционального слуха приводит к экспрессивной обедненности речи и, соответственно, к нарушениям в эмпатической связи партнеров.

Наконец, будущим режиссерам любительского театра необходимо сформировать способность доносить интенцию до других. А.А. Тарковский подчеркивал, что создание собственной концепции текста при отсутствии у режиссера умения разъяснить свой замысел членам творческого коллектива

«стоит» немного [14]. Режиссеру необходимо не только самому понимать, но и быть понятным другим участникам творческого процесса, то есть обладать коммуникативными умениями и способностью к оформлению продуктов интеллектуальной активности и переживаний в речевые акты и речевые взаимодействия на основе существующих норм языка и исторически сложившейся культуры общения (в том числе и профессионального общения).

Сказанное позволяет прийти к выводу, что программа профессионального обучения будущих театральных режиссеров в курсе «Сценическая речь» должна обеспечивать:

- формирование текстовой компетентности студентов, то есть рефлексивно-аналитических способностей понимания и интерпретации художественных текстов через создание различных видов «встречного» смыслового дискурса в соответствии со сферами, жанрами и ситуациями творческой активности и профессионального общения режиссера;

- формирование фонда научных (лингвистических, исторических, социологических, культурологических, эстетических, искусствоведческих, психолого-педагогических и др.) знаний и понятий, опосредующих логику, алгоритмы и содержание познавательных действий в ходе режиссерского анализа и интерпретации художественных текстов;

- развертывание рефлексивно-аналитических и интерпретационных практик студентов как феноменов «творения искусства», стимулирующих развитие смысловой чуткости, способности к смысловому сопереживанию, активизацию механизмов смыслопорождения, а вместе с тем – процессов личностного и профессионального саморазвития;

- обогащение рефлексивно-аналитического опыта студентов через:
 - а)* критический анализ рефлексивно-аналитического опыта других в целях дополнения, совершенствования или коррекции собственного понимания и интерпретации текста; *б)* диалогические взаимодействия по поводу смыслов и поиск вариантов их воплощения в звучащей сценической речи, формирование опыта сотрудничества и кооперации в разрешении творческих задач; *в)* становление полемического опыта, участия в профессиональных дискуссиях; *г)* последовательное продвижение «от простого – к сложному», создание «ситуаций успеха» в преодолении студентами смысловых «сопротивлений» художественного текста и др.;

- единство и баланс рационально-логического (интеллектуального) и психологического (мотивационно-смыслового) начал в познавательной и интерпретационной практиках, что проявляется в умениях: *а)* вычленять в тексте смыслонесущие элементы прямого и опосредованного (фонового) планов; *б)* формулировать проблему и отыскивать необходимую для ее разрешения информацию; *в)* актуализировать в режиссерском анализе текста имеющийся социокультурный, психологический и художественный опыт; *г)* активного слушания, вслушивания, слышания (толерантного понимания) и эффективных профессиональных взаимодействий по поводу смыслов;

- развитие способностей дифференцированного слухового восприятия фонематических и интонационных компонентов сценической речи, в том числе в контексте соблюдения и нарушений правил применения общепринятых в конкретной социокультурной среде слов, оборотов речи, языковых конструкций, создания речевых маркеров персонажей в ситуации и развитии;

- использование палитры средств вербальной и невербальной профессиональной речи для воплощения в звучащем слове эксплицитных и имплицитных смыслов художественных текстов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автушенко, И. А. Развитие эмоционального слуха на уроках сценической речи / И. А. Автушенко. – Текст : непосредственный // Сценическая речь в театральной школе. – 2007. – № 2. – С. 36–50.

2. Адамьянц, Т. З. В поисках эмоционального и смыслового контекста (по материалам инновационных семинаров, посвященных отработке коммуникативных навыков) / Т. З. Адамьянц. – Текст : непосредственный // Мир психологии. – 2002. – № 4 (32). – С. 178–186.

3. Александров, Е. П. Категория «смысл» в современном гуманитарном знании / Е. П. Александров, М. Н. Гусева. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2011. – № 2. – С. 69–74.

4. Богин, Г. И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику / Г. И. Богин. – Тверь, 2001. – 731 с. – Текст : непосредственный.

5. Болотнова, Н. С. Текстовая деятельность на уроках русской словесности: методики лингвистического анализа художественного текста : методическое пособие / Н. С. Болотнова. – Томск : UFO-Press, 2002. – 64 с. – Текст : непосредственный.

6. Букатов, В. М. Драмогерменевтика как инновационное звено в современном развитии отечественной дидактики / В. М. Букатов. – Текст : непосредственный // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». – 2015. – № 3. – С. 128–139.

7. Гадамер, Г. Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с. – Текст : непосредственный.

8. Дридзе, Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 145–152.

9. Закирова, А. Ф. Теоретические основы педагогической герменевтики и варианты ее реализации в научно-образовательной практике / А. Ф. Закирова. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2021. – № 6 (95). – С. 19–42.

10. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2003. – 487 с. – Текст : непосредственный.

11. Морозов, В. П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация / В. П. Морозов ; под редакцией В. И. Медведева. – М. : Институт психологии РАН, 1998. – 164 с. – Текст : непосредственный.

12. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – URL: <http://ozhegov.info/> (дата обращения: 13.01.2023). – Текст : электронный.

13. Рикер, П. Герменевтика и метод социальных наук / П. Рикер. – Омск, 2014. – URL: <https://studfile.net/preview/1365176/> (дата обращения: 17.01.2023). – Текст : электронный.

14. Тарковский, А. Лекции по кинорежиссуре / А. Тарковский. – URL: <http://www.tarkovskiy.su/texty/uroki/oglavlenie.html> (дата обращения: 11.01.2023). – Текст : электронный.
15. Философский энциклопедический словарь. – URL: <https://rus-philosophy-enc.slovaronline.com/?ysclid=ld1me3swyp411932120> (дата обращения: 24.01.2023). – Текст : электронный.
16. Шлейермахер, Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер. – СПб. : Европейский дом, 2004. – 242 с. – Текст : непосредственный.
17. Pilkigton R. Analising Educational Dialogue Interaction: Towards Model that Support Learning / R. Pilkigton // International Journal of Intelligence in Education. – 2001. – No. 12. – P. 1-17.
18. Shells J. Communication in the Modern Languages Classroom / J. Shells // Learning and Teaching Modern Languages for Communication: Project No. 12 of the Council of Europe. – Strasbourg : Council of Europe, Publishing and Documentation Service, 1993. – 178 p.

REFERENCES

1. Avtushenko I. A. Development of emotional hearing at the lessons of stage speech. *Scenicheskaya rech' v teatral'noj shkole* = Stage speech at the theater school, 2007, no. 2, pp. 36–50. (In Russian).
2. Adamyants T. Z. In search of emotional and semantic context (based on the materials of innovative seminars dedicated to the development of communication skills). *Mir psihologii* = The world of psychology, 2002, no. 4 (32), pp. 178–186. (In Russian).
3. Alexandrov E. P. Category "meaning" in modern humanitarian knowledge. *Vestnik Taganrogskego instituta upravleniya i ekonomiki* = Bulletin of the Taganrog Institute of management and economics, 2011, no. 2, pp. 69–74. (In Russian).
4. Bogin G. I. *Obretnenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v germenевtiku* [Gaining the ability to understand: An introduction to hermeneutics]. Tver, 2001. 731 p. (In Russian).
5. Bolotnova N. S. *Tekstovaya deyatel'nost' na urokah russkoj slovesnosti: metodiki lingvisticheskogo analiza hudozhestvennogo teksta: metodicheskoe posobie* [Textual activity at the lessons of Russian literature: methods of linguistic analysis of a literary text: a methodological guide]. Tomsk, UFO-Press, 2002. 64 p. (In Russian).
6. Bukatov V. M. Dramogermeneutics as an innovative link in the modern development of domestic didactics. *Vestnik TvGU. Seriya "Pedagogika i psihologiya"* = Bulletin of TVGU. Series "Pedagogy and Psychology", 2015, no. 3, pp. 128–139. (In Russian).
7. Gadamer G. G. *Istina i metod: osnovy filosofskoj germenевtiki* [Truth and method: fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow, Progress, 1988. 704 p. (In Russian).
8. Dridze T. M. Social communication as textual activity in semiosociopsychology. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* = Social Sciences and Modernity, 1996, no. 3, pp. 145–152. (In Russian).
9. Zakirova A. F. Theoretical foundations of pedagogical hermeneutics and options for its implementation in scientific and educational practice. *Obrazovanie i nauka* = Education and science, 2021, no. 6 (95), pp. 19–42. (In Russian).
10. Leontiev D. A. *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow, Sense, 2003. 487 p. (In Russian).
11. Morozov V. P. *Iskusstvo i nauka obshcheniya: neverbal'naya kommunikaciya* [Art and science of communication: nonverbal communication]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 1998. 164 p. (In Russian).

12. Ozhegov S. I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. URL: <http://ozhegov.info>. (In Russian).

13. Riker P. *Germenevtika i metod social'nyh nauk* [Hermeneutics and the method of social sciences]. URL: <https://studfile.net/preview/1365176>. (In Russian).

14. Tarkovsky A. A. *Lekcii po kinorezhissure* [Lectures on film directing]. URL: <http://www.tarkovskiy.su/texty/uroki/oglavlenie.html>. (In Russian).

15. *Filosofskij enciklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. URL: <https://rus-philosophy-enc.slovaronline.com/?ysclid=ld1me3swyp411932120>. (In Russian).

16. Schleiermacher F. D. E. *Germenevtika* [Hermeneutics]. SPb., European House, 2004. 242 p. (In Russian).

17. Pilkigton R. Analysing Educational Dialogue Interaction: Towards Model that Support Learning. *International Journal of Intelligence in Education*, 2001, no. 12, pp. 1–17.

18. Shells J. *Communication in the Modern Languages Classroom. Learning and Teaching Modern Languages for Communication: Project N. 12 of the Council of Europe*. Strasbourg, Council of Europe, Publishing and Documentation Service, 1993. 178 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кирсанова, А. М. О развитии текстовой компетентности будущих режиссеров театра на занятиях по сценической речи / А. М. Кирсанова, Е. Г. Вакуленко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 51–62.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kirsanova A. M., Vakulenko E. G. On the Development of the Text Competence of Future Theater Directors in Stage Speech Lessons / A. M. Kirsanova, E. G. Vakulenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 51–62. (In Russian).

УДК 37.013.46

**СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССА
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО САМОРАЗВИТИЯ ОФИЦЕРА ВКС
В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ
СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА**

И.А. Лобанов

**THE CONTENT OF THE PROCESS
OF PEDAGOGICAL SELF-DEVELOPMENT OF A VKS OFFICER
IN THE HISTORICAL AND CULTURAL RETROSPECTIVE
OF THE FORMATION OF THE RUSSIAN OFFICER CORPS**

I.A. Lobanov

Аннотация. В статье обобщается историко-педагогический опыт, выявляются сущность и содержание процесса педагогического саморазвития офицерского состава на различных этапах становления российского общества и государства. Особое внимание автором уделяется выявлению педагогических подходов в ходе реализации системы личностно-профессионального роста офицерских кадров. В статье отражается тема активизации личностной составляющей для актуализации педагогического саморазвития офицерского состава. Рассмотрение периодов становления военно-педагогической системы осуществляется на основе особенностей развития духовно-нравственных и военно-профессиональных качеств военных специалистов. Автор проводит анализ современного состояния самостоятельной познавательной деятельности военнослужащих ВКС, отмечает возрастающую потребность в научно-педагогическом обосновании процесса педагогического саморазвития личности офицера и поиском методологических оснований проблемы личностно-профессионального совершенствования.

Abstract. The article summarizes the historical and pedagogical experience, reveals the essence and content of the process of pedagogical self-development of officers at various stages of the formation of Russian society and the state. The author pays special attention to the identification of pedagogical approaches during the implementation of the system of personal and professional growth of officers. The article reflects the topic of the activation of the personal component for the actualization of the pedagogical self-development of officers. Consideration of the periods of formation of the military pedagogical system is carried out on the basis of the peculiarities of the development of spiritual, moral and military professional qualities of military specialists. The author analyzes the current state of independent cognitive activity of the military personnel of the VKS, notes the increasing need for scientific and pedagogical substantiation of the process of pedagogical self-development of the officer's personality and the search for methodological foundations of the problem of personal and professional improvement.

Ключевые слова: содержание педагогического саморазвития офицера ВКС, личностно-профессиональные качества, историко-педагогический опыт.

Keywords: the content of the pedagogical self-development of the VKS officer, personal and professional qualities, historical and pedagogical experience.

В настоящее время значение российской армии в решении геополитических вопросов неуклонно возрастает, внешние угрозы безопасности требуют применения Вооруженных сил адекватно складывающейся международной обстановке. «Гибридная война и информационное противоборство» – новая военная доктрина западных стран – участников блока НАТО в последнее десятилетие. На сегодняшний день к основной угрозе для народов мира следует отнести гибридные войны на основе ментального воздействия, когда каждая из сторон ведет поиск слабых звеньев в многонациональном и поликонфессиональном составе противника. При этом основным оружием выступают идеологические, психологические и инфокоммуникативные инструменты, служащие для создания деструктивных социальных моделей, изменение общественного сознания для последующего проецирования гражданских и цивилизационных войн, искажение исторической правды, разрушение исторической памяти. Таким образом, адаптивная защита общественного сознания, формирование безопасного информационного пространства, принятие оперативных решений в концепции национальной безопасности, в том числе и организация подготовки военнослужащих Вооружённых сил России, построенной на опережающей системе подготовки военных кадров, отвечающей современным вызовам, – стратегическая задача для российского государства.

Одной из основных задач Воздушно-космических сил России (далее ВКС) является продолжение традиций российской армии по воспитанию и обучению офицерского состава, профессионально-педагогическая компетентность которых не сводится только к наличию деловых и функциональных показателей, а предполагает формирование системы мотивационно-ценностных, творчески-деятельностных и рефлексивно-волевых качеств личности. Педагогические компетенции, как показывает практика проведения специальной военной операции, обеспечивают эффективную реализацию ряда важных профессиональных функций офицера ВКС: обучающей – быстрое овладение подчиненными воинским мастерством; воспитывающей – формирование у подчиненных четкой мотивации, убеждений в правоте своих действий; функции сбережения – выполнение боевой задачи качественно, с наименьшими потерями личного состава. Освоение этих педагогических компетенций, по сути, и формирует профессиональный стержень – образ современного российского офицера – «отца солдата», носителя богатейших воинских традиций Российской армии. Процесс педагогического саморазвития офицерского состава рассматривается нами как последовательный целенаправленный процесс профессионального становления личности офицера с целью ее эффективной самореализации в военно-педагогической деятельности и способствующий повышению педагогической культуры, формированию необходимых педагогических качеств и компетенций на основе внутренне значимых устремлений и внешних влияний. Все это должно быть осмыслено с точки зрения педагогической науки и практики с целью подготовки офицера как активной устойчивой личности, способной осознанно и адаптивно получать дополнительные компетенции, относительно протекающих процессов в социальной и военной сфере.

Цель исследования – обобщить историко-педагогический опыт содержания процесса педагогического саморазвития офицерского состава на различных этапах становления российского общества и государства.

В современных условиях одним из путей совершенствования системы саморазвития офицерского состава является изучение опыта воспитания и развития военных специалистов, педагогических подходов в формировании необходимых личностных качеств. Становление системы духовно-нравственного и военно-профессионального развития военных специалистов неразрывно связано с различными этапами становления российского государства.

Исторический опыт подготовки военнотружущих показывает, что проблема их личностного развития уже с периода Древней Руси рассматривалась военачальниками как неотъемлемая часть общей системы военно-профессиональной подготовки воинов. Первые действия психолого-педагогического содержания проявлялись в воспитании и развитии полноценных воинов, повышении устойчивости их психологического состояния в бою, для чего применялись специальные религиозные обряды и воинские ритуалы. Принятие христианства наложило существенный отпечаток – опора в процессе формирования духовно-нравственных качеств воина наряду с воинской подготовкой включала и религиозно-образовательную составляющую. Процесс обобщения и передачи опыта саморазвития носил стихийный характер и осуществлялся из поколения в поколение в устных и практических формах, в виде традиций, обычаев и обрядов. Содержание личностного развития обуславливалось региональными особенностями, условиями быта и трудовой деятельности. При этом основу саморазвития воинов составляли многолетние постоянные тренировки для овладения индивидуальным воинским мастерством и совершенствования физической подготовленности. С появлением письменности опыт воинского воспитания отражался в летописях, поучениях, государственных актах. К одному из первых письменных источников о воспитании воинов относится «Поучение» Владимира Мономаха, в котором отражаются нравственные основы воинского служения в православной Руси [1, с. 394].

В дальнейшем в ходе формирования русской армии развитие и саморазвитие в ней ратников приобретало все более осознанные формы. В «Уложении о службе» 1556 г., «Военной книге» 1607 г., «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей» 1674 г. и др. было положено в основу воспитание у воинов боевых и духовно-нравственных качеств.

Прообраз офицерского корпуса возникает с началом привлечения иностранных офицеров на русскую военную службу в XVI в. В период правления Ивана IV армия состояла из войск русского строя и войск иноземного строя, однако обучение и развитие в организационном отношении не представляло единой системы военно-профессиональной подготовки, практический опыт приобретался непосредственно в ходе ведения боевых действий. Непосредственно в стрелецких полках, как регулярных военных единицах, вырабатывалась иерархия офицерских чинов: голова (командир полка), полуголова или пятисотенный голова, сотник и пятидесятник [2, с. 34].

Начиная с конца XVII века, в результате проведенных Петром I государственных реформ, формируется регулярная армия и флот, закладываются взгляды и принципы отечественной военной педагогической системы, основой армии становится специально подготавливаемый офицерский корпус, актуализируется проблема обучения, воспитания и саморазвития русского воина. В педагогическую систему первых военных школ и кадетских корпусов закладываются основы личностно-профессионального развития будущих офицеров. Система психолого-педагогического эмпирического знания в военной сфере приобретает более четкие очертания и реализуется в указах, приказах, уставах и наставлениях. Подготовка офицеров ставится в тесную зависимость от практических задач, связанных с формированием регулярной армии.

Разработка нормативной базы военного обучения и воспитания закрепляет основные принципы военно-профессиональной деятельности офицера («Воинский устав» 1698 г., «Артикул воинский» 1716 г., «Табель о рангах» 1722 г.). Идеи Петра I о единстве военно-профессионального развития и духовно-нравственного воспитания в процессе воинской деятельности закрепляются в «Уставе воинском» 1716 г. Изменения в системе боевой подготовки были направлены: на духовно-нравственное развитие русского воина, рассматриваемого как совокупность необходимых качеств личности военного человека, посвятившего себя служению Родине; на военно-профессиональное развитие за счет поиска новых эффективных форм и методов реализации системного подхода в обучении солдат и офицеров. Активными участниками, развивающими психолого-педагогическое наследие Петра I, выступали выдающиеся полководцы и флотоводцы России XVIII века: П.А. Румянцев, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, Ф.Ф. Ушаков и др. Их усилиями в российской армии внедрялся индивидуальный подход в развитии военнослужащих, создавалась система формирования личностных и военно-профессиональных качеств. Взгляды П.А. Румянцева на направление воинского воспитания заключались не только в реализации практической подготовки, но и в личностном совершенствовании офицера: «должность и ревность к службе и собственную свою честь в единый вид и способ своего благополучия заключат» [3, с. 20].

В военно-педагогической теории А.В. Суворова раскрывается содержание развития воина через единство его обучения и воспитания. Обобщая накопленный военно-исторический опыт, А.В. Суворов внес существенный вклад в развитие системы подготовки войск, ядром которой являлось формирование высоких морально-психологических и личностных качеств русского солдата и офицера. При этом в процессе воспитания полководец использовал такие методические приемы и средства, как воинские ритуалы, убеждение, поощрение и др. Активный, навязывающий в бою врагу собственные условия, воин – основная цель воспитания, личная примерность командира – основное средство воспитания. Основы такой активности закладывались в развитии интереса к военно-профессиональной учебе, приближенной к реальным боевым

условиям. Процесс саморазвития офицера он описывал как «искусство, которое вырастает от испытаний при внушениях и затверждениях каждому должности его» [4, с. 134]. Самообучение основам военного дела осуществлялось на основе обращения к героическому прошлому русского народа, на примерах талантливых полководцев. Умения и навыки в ходе постоянных тренировок отрабатывались до автоматизма и совершенства. Высокая требовательность к офицерскому составу, забота о воспитании их личностных качеств были продолжены в деятельности М.И. Кутузова. По его мнению, убеждение и поощрение за доблестный ратный труд – основные методы обучения и воспитания.

Таким образом, XVIII в. можно считать периодом становления понимания воинского воспитания как необходимой составляющей военно-профессиональной подготовки офицерского корпуса, педагогическими аспектами которого выступали: единство обучения и воспитания обеспечило создание боеспособной русской армии; содержание обучения и развития воинов было обусловлено требованием «учить тому, что нужно на войне»; разностороннее воспитание через нравственную, физическую и военную (профессиональную) подготовку. Методы и способы осуществления духовно-нравственного развития, обогащенные опытом великих полководцев, легли в основу «Науки побеждать» А.В. Суворова, «Наставлений молодому офицеру», «Правил учтивости офицера» и др.

В XIX в. получили свое дальнейшее развитие основные подходы к единой системе развития и подготовки военных кадров, а дифференцированный подход, реализованный в деятельности полководцев, позволил реализовать следующие направления воспитания и развития:

- обучение офицеров направлено на привитие понимания воинского долга, поднятие уровня профессиональной и общеобразовательной подготовки;

- закладываются основы педагогического саморазвития, внимание обращается на формирование доминирующей категории нравственности – воинской чести, самообучению основам военного дела на примерах талантливых полководцев П.А. Румянцева, Ф.Ф. Ушакова, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, М.И. Драгомирова и др.;

- на формирование нравственной культуры личности офицера как воспитателя, развитию духовно-нравственных и военно-профессиональных качеств.

Поражение в Крымской войне 1854–1856 гг. отразило системные ошибки в подготовке офицерского состава. И, как следствие, в течение 1860–1870 гг. проводятся военные реформы, теоретической основой которых выступили взгляды Г.А. Леера, С.О. Макарова, М.И. Драгомирова и др.

Военно-педагогическая система М.И. Драгомирова стала ярким примером формирующего начала, целостного представления о воинском воспитании, последовательного теоретического обоснования военных психолого-педагогических знаний при сохранении преемственности накопленного опыта и воинских традиций. Его педагогические идеи отличались тесной связью между

стремлением к всестороннему развитию личности воинов и реализацией военно-профессиональной подготовки, ее практической направленности, учета последних достижений военно-теоретической мысли. М.И. Драгомиров обосновал необходимость педагогической подготовки офицерского состава, его личностно-профессионального самосовершенствования, и как результат – подготовки офицера-воспитателя [5, с. 67]. Развитие идей М.И. Драгомирова мы видим в трудах М.С. Галкина: «Помимо подготовки к войне, необходимо служить и целям прогресса, подъему умственного и нравственного уровня вступающих в ряды армии. Если этого нет, армия – тормоз, отрывающий сотни тысяч людей от общей культурной жизни» [6, с. 79]. В своих советах молодым офицерам В.М. Кульчицкий призывал: «Быть военным профессионалом, храбрым и искусным, деятельным и мыслящим, постоянно учиться, повышать воинское мастерство» [7, с. 47]. Содержание развития, выражалось в том, чтобы дать каждому солдату нравственную, физическую, военно-профессиональную подготовку для качественного выполнения им обязанностей [8, с. 176].

Таким образом, формирование педагогических подходов к развитию и подготовке армии во второй половине XIX – начала XX вв. отражало изменения взглядов русских военачальников на реализацию общепедагогических идей, создавало предпосылки для дальнейшего развития личности офицерского состава. Однако с установлением Советской власти в 1918 г. и созданием Рабоче-крестьянской Красной Армии формируются новые взгляды на систему подготовки военнослужащих. Формируется концепция педагогики в военной сфере как многоуровневой системы на основе взглядов М.В. Фрунзе, С.С. Каменева, М.Н. Тухачевского и др. Обучение и воспитание реализуется через принцип деятельностного подхода к развитию военнослужащих. Основным постулатом на базе марксистско-ленинской методологии: саморазвитие – не самопроизвольная активность личности, а результат ее успешного воспитания и обучения.

В период 1941–1945 гг. возникла объективная необходимость сокращения времени подготовки офицерского состава, что способствовало поиску новых педагогических приемов развития личности военных специалистов. При этом процесс подготовки военных кадров продолжался в подразделениях посредством сочетания самообучения и самовоспитания, что не только укрепляли морально-психологический климат, но и повышало качество подготовки военнослужащих [9, с. 4].

После окончания Великой Отечественной войны педагогический процесс в армейской среде строился на основе боевого опыта. Значительная роль в подготовке офицерского состава отводилась боевому и нравственно-патриотическому воспитанию личного состава. В дальнейшем военно-педагогическая мысль была направлена на повышение военно-технической культуры и профессионализма в армии. Саморазвитие личности военного специалиста было узкопрофильно, совершенствовались умения решать тактические и оперативные задачи в определенной области деятельности (Е.А. Шаденко, И.Я. Якир, Б.М. Шапошников и др.). Характерен практический характер мышления

офицера, формы и средства самообучения подкрепляются идеолого-политической подготовкой. Совместно с общедидактическими подходами в подготовке военнослужащих нашли отражение специфические приемы психолого-педагогических воздействий на личность офицера: митинги, собрания, военно-прикладные состязания и др.

В середине XX века активное развитие получает процесс исследования духовно-нравственной культуры военнослужащих, развития воспитательной работы в военно-профессиональной среде. Научную основу профессионально-личностного развития военных специалистов в Вооруженных Силах СССР составили военно-педагогические исследования К.П. Бельского, С.М. Герасимов А.В. Барабанщикова, С.И. Денисенко, М.И. Дьяченко, Н.И. Киряшова и др. Были введены такие понятия, как «практика военного воспитания», «учебно-воспитательный процесс», «самостоятельная подготовка». Процесс личностного и военно-профессионального саморазвития офицерского состава наполнялся новым содержанием, обогащался организационными формами и методами. В ежегодные периоды обучения были включены часы для самостоятельной подготовки.

С 1991 года в современной истории России происходит отказ от советских идеологических установок, изменившиеся политические и социально-экономические условия оказывают непосредственное влияние на процесс саморазвития офицеров в Вооруженных Силах, снижение социального статуса военнослужащих, низкая материальная обеспеченность приводят к резкому уменьшению уровня мотивации для личностно-профессионального роста офицерского состава, следствием снижения образовательного уровня будущих офицеров выступает малоэффективность процесса воспитания и педагогического саморазвития офицерского состава в военно-профессиональной среде; наблюдается снижение духовной нравственности в поведении и служебной деятельности офицерского состава.

С начала 2000-х годов по настоящее время создается новый облик современной армии, характеризующийся поэтапным реформированием Вооруженных Сил, разработкой военной доктрины и концептуальных положений воспитания и развития военнослужащих, реализацией специализированных педагогических исследований в военной сфере. Происходит осмысление военно-исторического опыта и возрастание потребности в научно-педагогическом обосновании процесса саморазвития личности военнослужащего, в поиске методологических оснований проблемы личностно-профессионального совершенствования, развития духовно-нравственных и военно-профессиональных качеств личности офицера, в повышении педагогической культуры военных кадров.

Результаты исследования и их обсуждение. Обобщая историко-педагогический опыт становления офицерского корпуса, выделим периоды становления системы саморазвития офицерского состава в российской армии и дать им краткую характеристику:

- *начальное формирование системы подготовки и саморазвития военного командного состава – XVI–XVII вв.* (появление элементов военной подготовки, прообразом будущего офицерского корпуса выступает командный состав конных, стрелецких и «иноземных» полков, основу саморазвития воинов составляют многолетние постоянные тренировки для овладения индивидуальным воинским мастерством и совершенствования физической подготовленности; содержание личностного развития обусловлено региональными особенностями, передача опыта носит прикладной характер и осуществляется из поколения в поколение в практических формах);

- *становление системы профессионально-личностной подготовки и саморазвития на государственном уровне – XVIII в. – начало XX в.* (формирование регулярного офицерского корпуса, осуществление дифференцированного подхода в подготовке воинов; в саморазвитии особое внимание обращается на формирование воинской чести, самообучению основам военного дела на примерах талантливых полководцев, на формирование нравственной культуры личности офицера как воспитателя, развитию духовно-нравственных и военно-профессиональных качеств);

- *саморазвитие офицерского состава в советский период – 1918–1991 гг.* (реализуется деятельностный подход к развитию военнослужащих; основной принцип: саморазвитие – не самопроизвольная активность личности, а результат ее успешного воспитания и обучения в воинском коллективе; педагогическое саморазвитие личности военного специалиста узкопрофильно и направлено на совершенствование умений решать практические задачи в определенной области, формы и средства самообучения подкрепляются идеолого-политической подготовкой);

- *кризисный период в системе подготовки и саморазвития российского офицерского состава – 1991 – середина 2000 годов* (изменившиеся политические и социально-экономические условия оказывают непосредственное влияние на процесс саморазвития офицеров в Вооруженных Силах, из данного процесса исключаются советские идеологические установки; снижение социального статуса военнослужащих, низкая материальная обеспеченность приводят к резкому уменьшению уровня мотивации для личностно-профессионального роста офицерского состава, следствием снижения образовательного уровня будущих офицеров выступает малоэффективность процесса воспитания и педагогического саморазвития офицерского состава в военно-профессиональной среде);

- *поиск оптимальных условий реформирования военно-профессиональной системы саморазвития современного офицерского корпуса – с середины 2000-х годов по настоящее время* (характеризуется поэтапным реформированием Вооруженных Сил; осмыслением военно-исторического опыта и возрастанием потребности в научно-педагогическом обосновании процесса саморазвития личности военнослужащего; развитием духовно-нравственных качеств личности офицера).

Содержание современного процесса педагогического саморазвития офицера ВКС России неразрывно связано с историей становления российского офицерского корпуса, обобщение опыта которого позволяет выделить особенности становления и развития системы духовно-нравственного и военно-профессионального самосовершенствования офицеров, определить основные подходы в развитии значимых качеств и педагогических компетенций военнослужащих.

Исторически в основе развития педагогических подходов к подготовке войск лежала, прежде всего, преемственность основ военной теории и практики, передача положительного опыта воспитания и самовоспитания в офицерской среде. Многовековая практика показывает, что воспитание офицера, педагога военного дела, в духе традиционных ценностей и формирование высоконравственной личности, обладающей актуальными педагогическими компетенциями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины, отражается как на уровне подготовки солдат, так и на общем состоянии Вооруженных Сил в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поучение Владимира Мономаха. Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы. XI – начало XII века. – М., 1978. – С. 393–413. – Текст : непосредственный.
2. Максимов, С. Г. Русские воинские традиции / С. Г. Максимов. – М. : Вече, 2010. – 320 с. – Текст : непосредственный.
3. Щеглов, А. Ф. Нравственность и офицерский корпус России / А. Ф. Щеглов. – Текст : непосредственный // Омский научный вестник. – 2003. – № 1. – С. 19–21.
4. Суворов, А. В. Наука побеждать / А. В. Суворов. – М. : Эксмо, 2018. – 480 с. – Текст : непосредственный.
5. Шагаев, В. А. Генерал Драгомиров М.И. о воспитании и обучении офицеров / В. А. Шагаев. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вестник. – 2012. – № 1 (20). – С. 65–76.
6. Галкин, М. С. Новый путь современного офицера / М. С. Галкин. – СПб., 1907. – 145 с. – Текст : непосредственный.
7. Горбунов, М. М. Традиции прошлого и современность в формировании личности офицера. Труд В.М. Кульчицкого (Советы молодому офицеру) / М. М. Горбунов. – Текст : непосредственный // Научный вестник Вольского военного института. – 2020. – № 3 (55). – С. 44–48.
8. Мельник, А. Р. Историко-педагогический анализ проблемы формирования здорового образа жизни у военнослужащих регулярной армии России в дореволюционный период (18 – начало 20 в.) / А. Р. Мельник. – Текст : непосредственный // Вестник ТГУ. – 2012. – № 4 (108). – С. 174–178.
9. Свиридов, В. А. Совершенствование подготовки офицерских кадров в Советском Союзе во время Великой Отечественной войны / В. А. Свиридов, А. В. Попов. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 3. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19763> (дата обращения: 20.12.2022).

REFERENCES

1. *Pouchenie Vladimira Monomaha. Pamyatniki literatury Drevnej Rusi: Nachalo russkoj literatury. XI – nachalo XII veka* [The teaching of Vladimir Monomah. Monuments of Literature of Ancient Russia: The Beginning of Russian Literature. XI – the beginning of the XII century]. Moscow, 1978. Pp. 393–413. (In Russian).
2. Maximov S. G. *Russkie voinskie tradicii* [Russian military traditions]. Moscow, Veche, 2010. 320 p. (In Russian).
3. Shcheglov A. F. Morality and the officer corps of Russia. *Omskij nauchnyj vestnik = Omsk Scientific Bulletin*, 2003, no. 1, pp. 19–21. (In Russian).
4. Suvorov A. V. *Nauka pobezhdat'* [Science to win]. Moscow, Eksmo, 2018. 480 p. (In Russian).
5. Shagaev V. A. General M.I. Dragomirov on education and training of officers. *Gumanitarnyj vestnik = Humanitarian Bulletin*, 2012, no. 1 (20), pp. 65–76. (In Russian).
6. Galkin M. S. *Novyj put' sovremennogo oficera* [The new way of a modern officer]. SPb., 1907. 145 p. (In Russian).
7. Gorbunov M. M. Traditions of the past and modernity, in the formation of an officer's personality. The work of V.M. Kulchitsky (Advice to a young officer). *Nauchnyj vestnik Vol'skogo voennogo instituta = Scientific Bulletin of the Volsky Military Institute*, 2020, no. 3 (55), pp. 44–48. (In Russian).
8. Melnik A. R. Historical and pedagogical analysis of the problem of formation of a healthy lifestyle among the servicemen of the regular army of Russia in the prerevolutionary period (18th – early 20th century). *Vestnik TGU = Bulletin of TSU*, 2012, no. 4 (108), pp. 174–178. (In Russian).
9. Sviridov V. A., Popov A. V. Improvement of officer training in the Soviet Union during the Great Patriotic War. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*, 2015, no. 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19763>. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лобанов, И. А. Содержание процесса педагогического саморазвития офицера ВКС в историко-культурной ретроспективе становления российского офицерского корпуса / И. А. Лобанов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 63–72.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Lobanov I. A. The Content of the Process of Pedagogical Self-development of a VKS Officer in the Historical and Cultural Retrospective of the Formation of the Russian Officer Corps / I. A. Lobanov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 63–72. (In Russian).

УДК 378:34

**СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ГОТОВНОСТИ К САМОРАЗВИТИЮ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ
В ВУЗЕ**

Р.А. Лобко, Н.В. Зеленко, В.В. Пономарева

**THE STATE OF THE PROBLEM OF FORMING
THE READINESS FOR SELF-DEVELOPMENT OF FUTURE LAWYERS
AT THE UNIVERSITY**

R.A. Lobko, N.V. Zelenko, V.V. Ponomareva

Аннотация. В статье обоснована актуальность формирования готовности к саморазвитию будущих юристов, дан анализ научно-педагогической литературы. В числе значимых выделены исследования, раскрывающие особенности формирования профессиональной подготовки, ценностных ориентаций, способности к самооценке и саморазвитию будущих юристов в вузе. Проанализированы результаты исследований и выводы авторов о роли и возможностях электронной цифровой среды как средства профессионального юридического общения, саморазвития и самореализации будущего юриста. Рассмотрены особенности саморазвития юристов, роль и содержание практико-ориентированных заданий, обеспечивающих создание условия для мотивации непрерывного самосовершенствования и профессионального самообразования. Сформулированы выводы, определяющие наиболее значимые факторы формирования готовности будущих юристов к саморазвитию.

Abstract. The article substantiates the relevance of the formation of readiness for self-development of future lawyers, analyzes the scientific and pedagogical literature. Among the significant, studies are highlighted that reveal the features of the formation of professional training, value orientations, the ability to self-assessment and self-development of future lawyers at the university. The results of research and conclusions of the authors on the role and capabilities of the electronic digital environment are analyzed as a means of professional legal communication, self-development and self-realization of the future lawyer. The features of self-development of lawyers, the role and content of practice-oriented tasks that provide conditions for the motivation of continuous self-improvement and professional self-education are considered. Conclusions are formulated that determine the most significant factors in the formation of the readiness of future lawyers for self-development.

Ключевые слова: готовность к саморазвитию, будущие юристы, профессиональная культура, цифровая среда, практико-ориентированные задания.

Keywords: readiness for self-development, future lawyers, professional culture, digital environment, practice-oriented tasks.

Одной из актуальных проблем современного общества является подготовка юристов нового поколения, владеющих научными знаниями, передовыми цифровыми технологиями и опытом решения профессиональных задач

в области юриспруденции. По мнению исследователей, к числу профессионально значимых для юристов относятся коммуникативные умения, профессиональная мобильность, стремление к непрерывному самообразованию и самосовершенствованию.

В федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) определены компетенции, призванные обеспечить качество подготовки специалистов. В их числе универсальная компетенция УК-6, ориентирующая будущих юристов на готовность к самоорганизации и саморазвитию, способность управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни.

Однако, несмотря на потребности общества и требования стандарта, исследования показывают, что готовность к профессиональному саморазвитию у студентов юридических вузов остается недостаточно высокой.

Установленное противоречие обуславливает необходимость разработки и применения в юридических вузах специальных педагогических мер, обеспечивающих формирование готовности выпускников к саморазвитию.

В последние годы вопросы профессионального саморазвития студентов нашли отражение в работах Ю.В. Андреевой, Е.А. Беловой, Н.Г. Григорьевой, О.А. Елдышовой, Ю.В. Ефимовой, Е.Д. Нелуновой, Е.В. Сысоевой, В.В. Неволина, И.А. Шаршова.

У многих исследователей формирование готовности к саморазвитию обозначено одной из ключевых проблем профессионального образования, однако подходы к решению данной проблемы различны.

Вопросы профессионального саморазвития будущих юристов отражены в работах А.М. Абдурагимова, М.А. Артемьевой, Н.В. Бичан, Т.А. Вековцевой, А.С. Назаровой, Д.В. Пенькова, Т.С. Пухаревой, Е.Б. Храмова, И.Н. Улитина.

Проводя исследование процесса формирования готовности будущих юристов к профессиональному саморазвитию, считаем целесообразным уточнить особенности их будущей деятельности и профессиональной подготовки.

Рассматривая особенности формирования готовности будущих юристов к профессиональному саморазвитию, Е.В. Сысоева выделяет следующие особенности их подготовки: развитие у студентов рефлексивно-оценочных способностей и готовности к объективной самооценке; формирование убеждения о необходимости постоянного совершенствования профессиональных знаний и умений и роли саморазвития для обеспечения конкурентоспособности и профессионального роста; активизация самосознания студентов, основанного на изучении их профессиональных потребностей [12].

Рассматривая педагогические условия воспитания будущих юристов, М.А. Артемьева и А.М. Кузьмин видят особенности их подготовки к профессиональному саморазвитию в акцентировании рефлексивных действий будущих юристов на соблюдение профессионально значимых ценностей; создании в процессе профессиональной подготовки комфортной образовательной среды,

обеспечивающей возможность самовыражения и развития интереса к профессиональной деятельности юриста; использовании потенциала самостоятельной и внеаудиторной деятельности студентов в управлении профессиональным самообразованием и саморазвитием [2].

Ряд авторов, исследующих проблему подготовки юристов, отмечают значимость профессиональной культуры и особенности ее формирования в системе подготовки будущих юристов [4, с. 11]. Н.В. Бичан делает акцент на сформированности профессионально-правовой культуры, определяя ее как «...интегративное личностное качество, соединяющее правовые знания, убеждения, установки и правовые ценности, отражающее готовность специалиста их применять для решения проблем социально-психологического функционирования человека и группы и проявляющееся правоммерной деятельностью в профессиональных ситуациях» [4, с. 12].

Е.Г. Светличный в своих исследованиях профессиональной культуры будущих юристов подчеркивает значимость целостного и гармоничного развития личности, а успехи профессионального роста видит в единстве общей и профессиональной культуры. При этом в качестве ценностного компонента профессиональной культуры он выделяет «профессионально-этические нормы юридической деятельности, ценности и ценностные ориентации юристов, способность к самооценке, самообразованию и саморазвитию» [11].

А.М. Абдурагимов считает, что «...эффективность личностно-профессионального развития будущих юристов обусловлена не только наличием благоприятной образовательной среды, но и, прежде всего, сформированностью внутренних, психолого-акмеологических механизмов этого процесса, и в первую очередь, – субъектной регуляции как его движущей силы» [1].

А.И. Козлов, рассматривая проблему профессиональной подготовки курсантов юридического вуза, ключевое внимание уделяет формированию профессиональной морали. По его мнению, ведущим показателем реализации норм профессиональной морали является умение «сохранять в любых условиях подлинную человечность» [7].

В диссертации Т.И. Далдаевой сделан вывод, что «...для будущего юриста принципиально важно выступать сознательным и активным субъектом личностных и профессиональных отношений. Именно поэтому понимание ситуации, в которой осуществляется юридическая деятельность, ее внутреннего контекста будет существенным образом формировать и в дальнейшем развивать профессиональную позицию будущих юристов» [5, с. 11].

Исследуя значимость информационно-коммуникационной компетентности будущих юристов, Е.В. Думина, делает акцент на специфичных для данной профессии коммуникациях. Она утверждает, что для профессионального становления юриста большую роль играет владение цифровыми технологиями оформления юридических документов и знание норм и правил специфического профессионального юридического общения (электронной юрискоммуникацией), обеспечивающих содержание, структуру и контекст юридически значимого

речевого взаимодействия в электронно-цифровой среде. В числе наиболее важных цифровых компетенций юриста она выделяет: «цифровизацию стандартизированных юридических действий (при составлении соглашений, договоров, претензий и т. п.; ведении электронного нотариата, организационно-распорядительной документации и т. п.); внедрение юридических онлайн-сервисов для клиентов с целью минимизации юридического посредничества при оформлении юридически значимых документов в электронном виде (например, при подаче гражданами ходатайств, жалоб, заявлений и документов, прилагаемых к ним); юридическое онлайн-консультирование; развитие социальных юридических сетей как средства профессионального развития и самореализации юриста; переход системы правосудия в онлайн (например в арбитраже); привлечение искусственного интеллекта в сферу юриспруденции» [6, с. 16].

Ю.А. Белова полагает, что специальные электронные образовательные ресурсы с элементами автодидактики являются эффективным средством саморазвития обучающихся в условиях профессиональной образовательной организации. Под элементами автодидактики она понимает образовательные ресурсы, представленные в цифровой форме с линейным или нелинейным принципом построения, отличительными особенностями которых является вариативность, адаптивность и цикличность обучения [3].

Особенности саморазвития юристов на разных этапах профессионализации рассмотрены в исследовании Т.С. Пухаревой и И.Н. Улитина. Саморазвитие рассматривается авторами как характеристика личности, отражающая ее внутреннюю активность, направленную на раскрытие собственных потенциалов. По их мнению, спецификой саморазвития юриста является то, что его деятельность строится на обширной постоянно обновляющейся законодательной базе, что обуславливает готовность к системному самообразованию и профессиональному самообновлению [10].

А.С. Назарова в процессе исследования особенностей профессионального роста юриста в условиях постдипломного образования выделяет «личностно-наследственные, культурные, социально-экономические» факторы профессионального саморазвития. Их она понимает как движущие силы профессионального саморазвития, дает каждому из факторов подробную структурную характеристику, рассматривает варианты их положительного и отрицательного влияния на личность. Представляет интерес выдвинутая ею идея выявления механизмов управления профессиональным саморазвитием посредством данных факторов [8].

В работе А.А. Цамаевой акцент сделан на практико-ориентированную направленность подготовки будущих юристов. Ее исследования позволяют утверждать, что именно интеграция теоретического обучения и профессиональной деятельности являются ключевым стимулом саморазвития, служит источником мотивации к самоанализу, профессиональному самосовершенствованию и самообразованию. В работе сделан вывод, стремление к достижению высоких

результатов в сочетании с навыками самоанализа и самоконтроля позволяют достичь высоких результатов [13].

Д.В. Пеньков средством активизации познавательной самостоятельности видит постановку задачи на смысл, как некую дидактическую технологию, инициирующую профессиональное самоопределение будущих юристов. Давая обоснование данной технологии, он актуализирует формирование профессиональной идентичности, обеспечивающей отождествление себя с некими «эталоном» и являющееся составной частью профессионального саморазвития. Соотнесение объективных результатов личностно-профессиональных достижений с реальными требованиями позволяет будущим юристам оценивать эффективность своей готовности к профессиональной деятельности. В этих условиях решение проблемно-конфликтной ситуации или задач, включающих обязательный компонент переживания и личностного участия, становятся фактором профессионального самоопределения и саморазвития. Автором показано, что решение задач на смысл служит источником профессиональной самореализации, т. к. именно здесь будущий юрист может аргументировано характеризовать свои оценочные и смысловые действия, а учебное содержание становится для него смыслом профессиональной саморегуляции и мотивом саморазвития [9].

Обобщая все, можно сделать выводы, что наиболее значимыми факторами формирования готовности к саморазвитию будущих юристов являются:

- *наличие у студентов* ценностных установок на саморазвитие и умение проектировать траекторию профессионального саморазвития, соответствующую потребностям профессиональной деятельности и индивидуальным особенностям;

- *формирование образовательной среды*, обеспечивающей формирование профессионально-правовой культуры, информационно-коммуникационной компетентности, раскрытие собственных потенциалов, повышение самооценки, развитие профессионально значимых коммуникативных умений, самореализацию;

- *педагогическую поддержку* со стороны преподавателя, ориентированную на развитие у будущего юриста умений управлять своей познавательной деятельностью и стимулирование у него процесса саморазвития;

- *использование ресурсов наставничества* из числа опытных специалистов, позволяющих будущим юристам видеть перспективы своего профессионального саморазвития и профессионального роста;

- *актуализация* практико-ориентированной составляющей подготовки будущих юристов, включение в практику подготовки технологии анализа проблемных ситуаций и решения задач из реальной практики.

Проведенное исследование является основанием для разработки педагогической модели формирования готовности к саморазвитию будущих юристов в вузе, чему будет посвящено наша дальнейшая работа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдурагимов, А. М. Субъектная регуляция процесса личностно-профессионального развития будущих юристов : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Абдурагимов Ахмед Максимович. – М., 2010. – 145 с. – Текст : непосредственный.
2. Артемьева, М. А. Педагогические условия воспитания профессионально значимых ценностей будущих юристов / М. А. Артемьева, А. М. Кузьмин. – Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 6. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/48PDMN620.pdf> (дата обращения: 21.01.2023).
3. Белова, Е. А. Электронные образовательные ресурсы с элементами автодидактики как средство саморазвития обучающихся профессиональной образовательной организации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Белова Елена Александровна. – Тамбов, 2017. – 23 с. – Текст : непосредственный.
4. Бичан, Н. В. Формирование профессионально-правовой культуры будущих специалистов помогающих профессий : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Бичан Наталья Витальевна. – Калининград, 2015. – 24 с. – Текст : непосредственный.
5. Далдаева, Т. И. Формирование профессиональной позиции будущих юристов средствами контекстного обучения : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Далдаева Тоита Ибрагимовна. – Владикавказ, 2016. – 22 с. – Текст : непосредственный.
6. Думина, Е. В. Формирование умений межкультурной письменной коммуникации юриста в условиях ранней профессионализации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Думина Евгения Валерьевна. – М., 2021. – 30 с. – Текст : непосредственный.
7. Козлов, А. И. Формирование готовности курсантов юридического вуза ФСИН России к реализации норм профессиональной морали : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Козлов Андрей Иванович. – Самара, 2017. – 28 с. – Текст : непосредственный.
8. Назарова, А. С. Факторы профессионального саморазвития юриста в условиях постдипломного образования / А. С. Назарова. – Текст : электронный // Молодой ученый. – 2015. – № 6 (86). – С. 662–666. – URL: <https://moluch.ru/archive/86/16223> (дата обращения: 21.01.2023).
9. Пеньков, Д. В. Задачи на смысл как дидактическая технология инициации профессионального самоопределения будущих юристов : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Пеньков Денис Васильевич. – Ростов н/Д., 2019. – Текст : непосредственный.
10. Пухарева, Т. С. Саморазвитие юристов на разных этапах профессионализации / Т. С. Пухарева, И. Н. Улитин. – Текст : электронный // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2019. – Том 7. – № 2 (25). – URL: <http://humjournal.rzgm.ru/art&id=374> (дата обращения: 21.01.2023).
11. Светличный, Е. Г. Профессиогенез как фактор развития профессиональной культуры будущего специалиста в области юриспруденции / Е. Г. Светличный. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2015. – Выпуск 48 (1) . – С. 255–259.

12. Сысоева, Е. В. Опережающая педагогическая поддержка формирования компетенции саморазвития первокурсников вуза: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Сысоева Екатерина Валентиновна. – Вологда, 2021. – 206 с. – Текст : непосредственный.

13. Цамаева, А. А. Педагогическое обеспечение практико-ориентированной направленности подготовки будущего юриста в вузе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Цамаева Асет Алюбовна. – Владикавказ, 2016. – 22 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Abduragimov A. M. *Sub"ektnaya regulyaciya processa lichnostno-professional'nogo razvitiya budushchih yuristov* [Subject regulation of the process of personal and professional development of future lawyers]: diss. ... kand. psih. nauk. Moscow, 2010. 145 p. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/48PDMN620.pdf>. (In Russian).

2. Artem'eva M. A., Kuzmin A. M. *Pedagogicheskie usloviya vospitaniya professional'no znachimyh cennostej budushchih yuristov* [Pedagogical conditions for the education of professionally significant values of future lawyers]. Mir nauki. Pedagogika i psihologiya. = The World of Science. Pedagogy and psychology, 2020, No 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/48PDMN620.pdf>. (In Russian).

3. Belova E. A. *Elektronnye obrazovatel'nye resursy s elementami avtodidaktiki kak sredstvo samorazvitiya obuchayushchihsya professional'noj obrazovatel'noj organizacii* [Electronic educational resources with elements of autodidactiki as a means of self-development of trainees of professional educational organization]: avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. Tambov, 2017. 23 p. (In Russian).

4. Bichan N. V. *Formirovanie professional'no-pravovoj kul'tury budushchih specialistov pomogayushchih professij* [Formation of professional and legal culture of future specialists of helping professions]: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Kaliningrad, 2015. 24 p. (In Russian).

5. Daldaeva T. I. *Formirovanie professional'noj pozicii budushchih yuristov sredstvami kontekstnogo obucheniya* [Formation of the professional position of future lawyers by means of contextual training]: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Vladikavkaz, 2016. 22 p. (In Russian).

6. Dumina E. V. *Formirovanie umenij mezhkul'turnoj pis'mennoj kommunikacii yurista v usloviyah rannej professionalizacii* [Formation of skills of intercultural written communication of a lawyer in the conditions of early professionalization]: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Moscow, 2021. 30 p. (In Russian).

7. Kozlov A. I. *Formirovanie gotovnosti kursantov yuridicheskogo vuza fsin rossii k realizacii norm professional'noj morali* [Formation of the readiness of cadets of the law university of the Federal Penitentiary Service of Russia to implement the norms of professional morality]: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Samara, 2017. 28 p. (In Russian).

8. Nazarova, A. S. *Factory professional'nogo samorazvitiya yurista v usloviyah postdiplomnogo obrazovaniya* [Factors of professional self-development of a lawyer in the conditions of postgraduate education]. Molodoi uchenyj = Young Scientist, 2015, no. 6 (86), pp. 662–666. Available at: <https-moluch-ru-archive-86-16223>. (In Russian).

9. Penkov D. V. *Zadachi na smysl kak didakticheskaya tekhnologiya iniciacii professional'nogo samoopredeleniya budushchih yuristov* [Tasks on meaning as a didactic technology of initiation of professional self-determination of future lawyers]: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Rostov-on-Don, 2019. 26 p. (In Russian).

10. Pukhareva T. S., Ulitin I. N. *Samorazvitie yuristov na raznyh etapah professionalizacii* [Self-development of lawyers at different stages of professionalization]. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptaciya, razvitie* = Personality in a changing world: health, adaptation, development, 2019, vol. 7, no. 2 (25). Available at: <http://humjournal.rzgm.ru/art&id=374>. (In Russian).

11. Svetlichny E. G. *Professiogenez kak faktor razvitiya professional'noj kul'tury budushchego specialista v oblasti yurisprudencii* [Professiogenesis as a factor in the development of professional culture of the future specialist in the field of jurisprudence]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* = Problems of modern pedagogical education, 2015, no. 48 (1), pp. 255–259. (In Russian).

12. Sysoeva E. V. *Operezhayushchaya pedagogicheskaya podderzhka formirovaniya kompetencii samorazvitiya pervokursnikov vuza* [Advanced pedagogical support for the formation of the competence of self-development of first-year students of the university]: dis. ... kand. ped. nauk. Vologda, 2021. 206 p. (In Russian).

13. Tsamaeva A. A. *Pedagogicheskoe obespechenie praktiko-orientirovannoj napravlenosti podgotovki budushchego yurista v vuze* [Pedagogical support of the practice-oriented orientation of the training of the future lawyer in the university]: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Vladikavkaz, 2016. 22 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лобко, Р. А. Состояние проблемы формирования готовности к саморазвитию будущих юристов в вузе / Р. А. Лобко, Н. В. Зеленко, В. В. Пономарева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 73–80.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Lobko R. A., Zelenko N. V., Ponomareva V. V. The State of the Problem of Forming the Readiness for Self-development of Future Lawyers at the University / R. A. Lobko, N. V. Zelenko, V. V. Ponomareva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 73–80. (In Russian).

УДК 378

**МОДЕЛЬ ПРОЕКТИРОВАНИЯ
ЛИНГВО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
В ВОЕННОМ ВУЗЕ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

Д.Г. Рябцев

**A MODEL FOR DESIGNING
LINGUISTIC AND VOCATIONAL TRAINING
IN A MILITARY UNIVERSITY
FOR MILITARY PERSONNEL FROM FOREIGN COUNTRIES**

D.G. Ryabtsev

Аннотация. В статье рассматривается проблема проектирования лингво-профессиональной подготовки в военном вузе военнослужащих из зарубежных стран. Гипотеза исследования: проектирование лингво-профессиональной подготовки в военном вузе военнослужащих из зарубежных стран будет эффективной, если уточнено понятие «проектирование лингво-профессиональной подготовки в военном вузе военнослужащих из зарубежных стран», разработана педагогическая модель, выявлены педагогические условия проектирования лингво-профессиональной подготовки в военном вузе военнослужащих из зарубежных стран. В соответствии с гипотезой сформулированы задачи исследования: уточнить понятие «проектирование лингво-профессиональной подготовки в военном вузе военнослужащих из зарубежных стран», определить методологические основания исследования и принципы проектирования педагогической модели, разработать педагогическую модель проектирования лингво-профессиональной подготовки в военном вузе военнослужащих из зарубежных стран, определить ее структурные компоненты, выявить педагогические условия.

Abstract. The paper deals with the problem of designing linguistic and vocational training in a military university for military personnel from foreign countries. The hypothesis of the study: the design of linguistic and vocational training in a military university of servicemen from foreign countries will be effective if the concept of "designing linguistic and vocational training in a military University of servicemen from foreign countries" is clarified, a pedagogical model is developed, pedagogical conditions are identified, the design of linguistic and vocational training in a military University of servicemen from foreign countries. In accordance with the hypothesis, the objectives of the study are formulated: to clarify the concept of "designing linguistic and vocational training in a military university of military personnel from foreign countries", to determine the methodological foundations of the study and the principles of designing a pedagogical model, to develop a pedagogical model for designing linguistic and vocational training in a military University of military personnel from foreign countries, to determine its structural components, to identify pedagogical conditions.

Ключевые слова: проектирование, лингво-профессиональная подготовка, военнослужащие, военнослужащие из зарубежных стран, военный вуз, методологические подходы и принципы, педагогическая модель.

Keywords: design, linguistic and professional training, military personnel, military personnel from foreign countries, military University, methodological approaches and principles, pedagogical model.

Современная профессиональная подготовка взяла ориентир на проблему проектирования лингво-профессиональной подготовки в военном вузе слушателей из зарубежных стран. По данным Федеральной Службы Государственной Статистики в России обучается более 500 тысяч иностранных граждан и стран Союза Независимых Государств, Европы, Азии, Северной Америки и Африки. В этой связи вводятся интегрированные образовательные программы сотрудничества Министерства Обороны Российской Федерации с иностранными государствами в сфере профессионального образования. Разработка интегрированных образовательных программ и проектирование лингво-профессиональной подготовки военнослужащих из зарубежных стран выступает стратегическим направлением военного сотрудничества на межгосударственном уровне, что подтверждается проектом «Развитие интегрированной системы высококвалифицированными кадрами».

В настоящее время учебные военные заведения МО РФ устанавливают дружеские контакты со странами-партнерами, такими как страны Латинской Америки, включая Бразилию, Венесуэлу, Кубу, Никарагуа и Перу, продолжается обучение военнослужащих из зарубежных стран-партнеров в военных университетах с целью повышения качества подготовки и их квалификации. Страны-партнеры закупают военную технику нашей страны, используют самолеты стратегической авиации ВКС РФ, в связи с чем организованы курсы повышения военнослужащих из зарубежных стран в военных учебных заведениях МО РФ. С этой целью совершенствуется нормативно-правовая база в оборонной сфере и увеличиваются мероприятия военно-делегационного обмена. Таким образом, взаимодействие Российской Федерации со странами Латинской Америки (Бразилия, Венесуэла, Куба, Никарагуа, Перу) направлено на сотрудничество на международной арене и носит характер стратегического партнерства, что отражено в международных двусторонних государственных документах. Кроме того, была подписана российско-аргентинская декларация о сотрудничестве (2015 год).

Поскольку военнослужащие из зарубежных стран проходят курсы повышения квалификации в военных учебных заведениях, то другим вектором двустороннего сотрудничества является подготовка и разработка профессионально-ориентированных программ, включающих лингво-профессиональную подготовку военнослужащих из зарубежных стран в военных вузах РФ с целью обмена положительным опытом. Профессиональную подготовку и повышение квалификации дипломатических кадров следует рассматривать как следующий вектор стратегического партнерства со странами Латинской Америки. Вместе с тем, в рамках комплексного управления рисками в чрезвычайных ситуациях, включающих борьбу с терроризмом, транснациональной организованной преступностью, укреплением гражданской безопасности в процессе сотрудничества особое внимание уделяется образованию, в частности, лингво-профессиональной подготовке в военном вузе в процессе обмена военнослужащими из зарубежных стран.

Были разработаны интегрированные программы лингво-профессиональной подготовки военных вузов для военнослужащих из зарубежных стран и учетом отечественного опыта и традиций, а также стран Латинской Америки. Ключевой проблемой образования является разработка содержательного контента лингво-профессиональной подготовки в военном вузе для военнослужащих из зарубежных стран с целью обеспечения их конкурентоспособности, сохранения и укрепления традиционных ценностей, необходимых для формирования гармонично-развитых военнослужащих.

Цель статьи – обосновать проблему лингво-профессиональной подготовки в военном вузе военнослужащих из зарубежных стран, раскрыть понятие «проектирование», «лингво-профессиональная подготовка», разработать модель лингво-профессиональной подготовки в военном вузе военнослужащих из зарубежных стран.

В процессе подготовки военнослужащих из зарубежных стран решается целый ряд проблем, связанных как с теоретическими, так и с экспериментальными исследованиями в конкретных профессионально-проблемных ситуациях [1]. Особую сложность вызывает у военнослужащих из зарубежных стран лингво-профессиональная подготовка, которую следует проектировать таким образом, чтобы учитывать особенности, специфику лингво-профессиональной подготовки, моделируемых в проблемных ситуациях.

С педагогическим проектированием связано понятие «проектирование», которое выступает, как предварительная разработка основных этапов предстоящей деятельности обучающихся, раскрывающих конструирование сложных объектов и разработку алгоритмов творческого процесса созидания [2]. В терминах В.П. Беспалько, «проект обладает свойством однозначной воспроизводимости как процесса, так и его качества, и каждый этап процесса проектирования реализуется по определенному алгоритму» [3].

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что лингво-профессиональная подготовка военнослужащих из зарубежных стран направлена на разработку единой системы лингво-профессиональных знаний, реализованных в различных дисциплинах, раскрывающие лингво-профессиональные характеристики, несвойственные отдельным дисциплинам в лингво-профессиональном общении, что обеспечивает саморазвитие, самореализацию военнослужащих из зарубежных стран в процессе поиска смыслов и ценности своей профессии в различных контекстах в профессиональной деятельности [4].

С целью проектирования лингво-профессиональной подготовки военнослужащих из зарубежных стран была разработана педагогическая структурно-функциональная модель [7]. В процессе проектирования лингво-профессиональной подготовки было раскрыто понятие «модель», которая рассматривается как мыслительный и условный образ исходного объекта, «оригинала» данной модели. Моделирование позволяет использовать модель в качестве заместителя с учетом существенных характеристик оригинала, прогнозируя тенденции развития и оценивания эффективного управления процессом

проектирования лингво-профессиональной подготовки. Достоинство моделирования заключается в возможности исследования еще не существующих педагогических процессов, что позволяет познать педагогическое явление и получить целостное представление о нем.

На основе проведенного анализа психолого-педагогической литературы нами были выделены следующие блоки модели проектирования лингво-профессиональной подготовки в военном вузе военнослужащих из зарубежных стран: методологический, содержательный, процессуальный, диагностический.

Мы опираемся на совокупность методологических подходов, среди которых: системно-деятельностный (И.В. Блауберг, А.П. Леонтьев), аксиологический (А.В. Брушлинский, В.А. Сластенин), контекстный (А.А. Вербицкий, Э.П. Комарова), интегративно-личностный (Б.Г. Ананьев, Б.С. Безрукова), компетентностный (А.А. Вербицкий, В.А. Хуторской) [2].

Системно-деятельностный подход рассматривает лингво-профессиональную подготовку военнослужащих из зарубежных стран как единую систему знаний из различных дисциплин, их новые характеристики, несвойственные отдельным дисциплинам [5].

Аксиологический подход рассматривает лингво-профессиональную подготовку военнослужащих из зарубежных стран как систему ценностных ориентаций [9].

Контекстный подход представляет лингво-профессиональную подготовку военнослужащих из зарубежных стран на основе собственной учебной деятельности через квазипрофессиональную к собственно-профессиональной деятельности.

Интегративно-личностный подход рассматривает лингво-профессиональную подготовку военнослужащих из зарубежных [10; 11] стран как динамически развивающуюся систему, обеспечивающую целостность обобщенных элементов, их интегративность.

Основными принципами системно-деятельностного подхода в процессе лингво-профессиональную подготовку военнослужащих из зарубежных стран выступают: целостность (А.Н. Аверьянов), позволяющая представить лингво-профессиональную подготовку как целостную единую совокупность компонентов; профессионально-личностной направленности (В.А. Сластенин) определяет вектор направленности лингво-профессиональной подготовки военнослужащих из зарубежных стран и основные особенности их профессиональной деятельности; принцип единства когнитивного и ценностного (С.Л. Рубинштейн) [6] определяется идеей динамической смысловой системы, в которой единство эмоций и интеллекта находится внутри единства когнитивных процессов и эмоциональных состояний; профессионально-личностной направленности (А.А. Вербицкий) реализуется в условиях наиболее полной передачи и усвоения профессиональных знаний; принцип интегративности (В.С. Безрукова) рассматривает лингво-профессиональную подготовку как динамически развивающуюся систему; коммуникативности и проблемности (Т.С. Серова) [8] рассматривает лингво-профессиональную подготовку военнослужащих из зарубежных стран через использование проблемных ситуаций и кейсовых заданий.

Компетентностный подход направлен на создание условий для реализации лингво-профессиональной подготовки военнослужащих из зарубежных стран.

Содержательный блок включает: модуль 1, модуль 2, модуль 3, создающие гибкую модульную систему, основанную на обновленном содержательном контенте.

Процессуальный блок включает этапы лингво-профессиональной подготовки военнослужащих из зарубежных стран, формы, средства и методы.

Диагностический блок включает критерии, показатели, уровни лингво-профессиональной подготовки военнослужащих из зарубежных стран.

Проанализировав и изучив материалы научных исследований, раскрывающих теоретическую и практическую значимость лингво-профессиональной подготовки в военном вузе слушателей из зарубежных стран, опираясь на исследования ученых (Г.А. Алексеева, Т.С. Серова, П.В. Сысоев), лингво-профессиональная подготовка в военном вузе слушателей из зарубежных стран рассматривается как личностно-деятельностное новообразование, направленное на решение профессиональных задач с целью овладения лингво-профессиональными знаниями, их новыми характеристиками, ориентированными на знание ценностей других культур в процессе общения с представителями других культур.

Таким образом, в процессе перехода на новую образовательную парадигму от информационной эпохи, к интеллектуальной, особый акцент делается на развитие у военнослужащих интеллектуального потенциала, способности выдвигать новые идеи, способности переносить технологии в новые сферы деятельности, способности адаптироваться к изменяющимся требованиям. Лингво-профессиональная подготовка в военном вузе слушателей из зарубежных стран связана с гибкостью, быстротой самоактуализации в определенной ситуации, широким их применением, категориальностью и рефлексивностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алёхин, И. А. Развитие теории и практики военного образования в России XVIII – начала XX вв. : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Алёхин Игорь Алексеевич. – М., 2002. – 56 с. – Текст : непосредственный.
2. Беспалько, В. П. Природосообразная педагогика / В. П. Беспалько. – М. : Народное образование, 2008. – 512 с. – Текст : непосредственный.
3. Вербицкий, А. А. Психология и педагогика контекстного образования : коллективная монография / под научной редакцией доктора педагогических наук, профессора А. А. Вербицкого. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. – 416 с. – Текст : непосредственный.
4. Денисов, А. Е. Военно-профессиональное саморазвитие у студентов учебных военных центров / А. Е. Денисов // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук : материалы сборника XII Международной научно-практической конференции; 6 февраля 2018 г. – Вольск : Издательство Вольского ВВУТ (военный институт), 2018. – С. 95–100. – Текст : непосредственный.

5. Мирский, Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки / Э. М. Мирский. – М. : Наука, 1980. – 304 с. – Текст : непосредственный.
6. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер Ком, 1999. – 679 с. – Текст : непосредственный.
7. Самойлова, М. В. Педагогическое проектирование : учебное пособие / М. В. Самойлова. – Симферополь : ИП Хотеева Л. В., 2019. – 124 с. – Текст : непосредственный.
8. Серова, Т. С. Теоретические основы обучения профессионально-ориентированному чтению на иностранном языке в неязыковом вузе : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Серова Татьяна Сергеевна. – Л., 1989. – 56 с. – Текст : непосредственный.
9. Сысоев, П. В. Основные направления информатизации языкового образования / П. В. Сысоев. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки». – 2013. – № 4. – С. 83–95.
10. Тенитилов, П. С. Отечественный опыт профессиональной подготовки иностранных военнослужащих / П. С. Тенитилов. – Текст : непосредственный // Мир образования – образование в мире. – 2016. – № 3 (63). – С. 98–102.
11. Ткачев, В. А. Сущность и содержание профессиональной подготовки иностранных военнослужащих в инженерных вузах МО РФ / В. А. Ткачев. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 4. – С. 1116–1118.

REFERENCES

1. Alyohin I. A. *Razvitie teorii i praktiki voennogo obrazovaniya v Rossii XVIII – nachala XX vv.* [Development of the theory and practice of military education in Russia of the XVIII – early XX centuries.]. Doct. dis. avtoref. Moscow, 2002. 56 p. (In Russian).
2. Bepal'ko V. P. *Prirodosoobraznaya pedagogika* [Nature pedagogy]. M., 2008. 512 p. (In Russian).
3. Verbickij A. A. *Psihologiya i pedagogika kontekstnogo obrazovaniya: kollektivnaya monografiya* [Psychology and Pedagogy of Contextual Education: Collective Monograph]. SPb., 2018. 416 p. (In Russian).
4. Denisov A. E. *Voenno-professional'noe samorazvitie u studentov uchebnyh voennyh centrov* [Military-Professional Self-Development Among Students Of Military Training Centers]. Aktual'nye problem gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh nauk: materialy sbornika XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii; 6 fevralya 2018 g. = Current problems of the humanities and socio-economic sciences: materials of the collection of the XII International Scientific and Practical Conference; February 6, 2018, vol. 12, pp. 95–100. (In Russian).
5. Mirskij E. M. *Mezhdisciplinarnye issledovaniya i disciplinar-naya organizaciya nauki* [Interdisciplinary research and disciplinary organization of science]. Moscow, 1980. 304 p. (In Russian).
6. *Fundamentals of general psychology* [Osnovy obshchej psihologii]. Ed. by S. L. Rubinshtejn. SPb. : PiterKom, 1999. 679 p. (In Russian).
7. *Pedagogical Design* [Pedagogicheskoye proektirovaniye]. Ed. by M. V. Samoilova. – Simferopol, Hoteeva, 2019. 124 p. (In Russian).
8. Serova T. S. *Teoreticheskie osnovy obucheniya professional'no-orientirovannomu chteniyu na inostrannom yazyke v neyazykovom vuze* [Theoretical foundations of teaching professionally-oriented reading in a foreign language in a non-linguistic university]. Doct. dis. avtoref. Leningrad, 1989. 56 p. (In Russian).

9. Sysoev P. V. Osnovnye napravleniya informatizacii yazykovogo obrazovaniya [The main directions of informatization of language education]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta imeni M.A. Sholohova. Seriya "Filologicheskie nauki" = Bulletin of the Moscow State. Humanitarian. University named after M. A. Sholokhov. Series "Philological Sciences"*, 2013, No. 4, pp. 83–95. (In Russian).

10. Tenitilov P. S. Otechestvennyj opyt professional'noj podgotovki inostrannyh voennosluzhashchih [Domestic experience of professional training of foreign servicemen]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire = The World of Education – Education in the World*, 2016, No. 3 (63), pp. 98–102. (In Russian).

11. Tkachev V. A. Sushchnost' i sodержanie professional'noj podgotovki inostrannyh voennosluzhashchih v inzhenernyh vuzah MO RF [The essence and content of professional training of foreign servicemen in engineering universities of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. *Molodoj uchenyj = Young scientist*, 2014, No. 4, pp. 1116–1118. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Рябцев, Д. Г. Модель проектирования лингво-профессиональной подготовки в военном вузе военнослужащих из зарубежных стран / Д. Г. Рябцев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 81–87.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ryabsev D. G. A Model for Designing Linguistic and Vocational Training in a Military University for Military Personnel From Foreign Countries / D. G. Ryabsev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 81–87. (In Russian).

УДК 371

**РОЛЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УЧИТЕЛЯ ФИЗКУЛЬТУРЫ**

М.Р. Сотиева

**THE ROLE OF METHODOLOGICAL COMPETENCE
IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY
OF A PHYSICAL EDUCATION TEACHER**

M.R. Sotieva

Аннотация. Статья посвящена анализу роли методологической компетенции в профессиональной деятельности учителя физкультуры, а также основным направлениям повышения мотивации и ценностного отношения обучающихся к физической культуре, оптимизации их двигательной активности. В качестве мотивационного компонента в статье рассматриваются игровые технологии, которые помогают привлечь интерес обучающихся к дисциплине, способствуют более легкому восприятию сложных физических упражнений, делает сам процесс обучения более привлекательным и несложным для осмысления и усвоения. Возраст и ограничения в состоянии здоровья школьников лимитируют выбор игр. Часто учителя физической культуры общеобразовательных школ не уделяют особого внимания игровому методу в физкультурно-оздоровительной работе, не всегда применяют его на уроках, а в отдельных случаях и вовсе забывают о педагогических возможностях и значении этого метода. Все это может привести к тому, что занятия по физической культуре с обучающимися станут менее разнообразными и интересными. Чтобы организовать учебно-воспитательный процесс по физической культуре эффективно, реализовать продуктивно образовательные технологии и достичь высоких образовательных результатов, преподаватель должен владеть в совершенстве методологической компетентностью. Это и послужило выбором темы исследования для автора данной статьи.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of methodological competence in the professional activity of a physical education teacher, as well as the main directions of increasing the motivation and value attitude of students to physical culture, optimizing their motor activity. As a motivational component, the article considers gaming technologies that help to attract students' interest in the discipline, facilitate easier perception of complex physical exercises, and make the learning process itself more attractive and easy to comprehend and assimilate. Age and health limitations of schoolchildren limit the choice of games. Often teachers of physical culture of general education schools do not pay much attention to the game method in physical education and health work, do not always use it in the classroom, and in some cases completely forget about the pedagogical possibilities and significance of this method. All this can lead to the fact that physical education classes with students will become less diverse and interesting. In order to organize the educational process in physical culture effectively, implement educational technologies productively and achieve high educational results, the teacher must have perfect methodological competence. This was the choice of research topic for the author of this article.

Ключевые слова: методологическая компетенция, учитель физкультуры, мотивация, профессиональная деятельность, игровые технологии.

Keywords: methodological competence, physical education teacher, motivation, professional activity, game technologies.

За последнее время в образовательной системе произошло много трансформаций, которые существенно повлияли на методологию, методы, принципы и подходы к процессу организации физического воспитания и спорта в образовательных организациях. В этой связи научное обоснование методологической компетентности учителя физической культуры, а также концептуальных подходов ее реализации приобретает особую значимость в теории и практике физкультурного образования школьников, в формировании у них ценностного отношения к физическим занятиям, оптимизации их двигательной активности.

Методологическая компетентность учителя в статье представлена как высокий уровень владения учителем универсальными, профессиональными и общепрофессиональными компетенциями, общими положениями и принципами новых образовательных стандартов; наличие способности к успешной профессиональной деятельности на основе собственного педагогического потенциала с использованием междисциплинарных знаний, умений и навыков, усвоенных при изучении блоков профильных и вариативных дисциплин, рекомендованных образовательными стандартами нового поколения; готовность к реализации инновационных образовательных технологий для совершенствования своей профессиональной и социальной мобильности. «Реализация компетентностного подхода в образовании (С.Н. Даниленко, В.И. Спирина), по сути междисциплинарного и системно-деятельностного, требует усиления практико-ориентированных и предметно-профессиональных аспектов в обучении, изменения значимости опыта и личностных смыслов» [2, с. 13–18].

Современные реалии образовательного процесса предъявляют высокие требования к здоровью и физическому состоянию обучающихся, которые не позволяют им полноценно развиваться (П.И. Фролова, А.В. Горина, М.Г. Дубынина), функционировать в обществе. Низкая мотивация, слабый интерес к занятиям физической культурой, к двигательной активности, вынужденная гиподинамия вследствие отсутствия свободного времени, несомненно, приводят к повсеместному ухудшению в состоянии здоровья молодежи, что в свою очередь напрямую связано с увеличением количества обучающихся, отнесенных к специальным медицинским группам [11].

Как показывают результаты исследований (Ж.С. Абдыкеров, О.М. Замятина, М.Н. Куракина, П.И. Мозгалева), основным фактором низкой мотивации обучающихся к физическим занятиям, двигательной активности является зависимость от социальных сетей, особенно когда общение, различные развлечения или компьютерные игры становятся основным образом жизни современных школьников. Вторым по значимости выступает

недостаток времени, но здесь называют две причины: первая причина опять из-за долгого времяпровождения за гаджетами, вторая связана большой загруженностью учебным процессом, разными секциями, кружками и т. д. На третьем месте отмечается низкий уровень потребности в физической культуре и спорте из-за отсутствия знаний у обучающихся о значимости физических упражнений и двигательной активности [1; 4].

Таким образом, приоритетной задачей системы физкультурного образования, особенно учителя физической культуры, становится не репродуктивная трансляция готовых знаний, умений и навыков, а целенаправленное формирование и развитие готовности школьников к самостоятельному осмыслению проблемы собственного здоровья, угрозы недостаточной двигательной активности, а также способности к составлению алгоритма решения проблемы малоподвижного образа жизни и направленности на запланированный результат [3]. Перечисленные аспекты физической активности школьников и пути их совершенствования составляют один из основных сегментов методологической компетентности учителя физической культуры и спорта. «Утверждение о том, что профессиональная направленность обучения – это значимый фактор успешности профессиональной деятельности выпускника, сегодня является аксиомой. Наиболее распространенным является понимание профессиональной направленности применительно к личности. Однако ее формирование происходит последовательно (Н.Н. Максютова): в процессе профессиональной ориентации, профессионального обучения и последующей деятельности. Наибольшее влияние оказывает система профессионального обучения, которая формирует мотивацию, ценности, интересы и профессиональные компетенции» [5, с. 17–26].

Психолого-педагогические аспекты дефиниции «двигательная активность» и его взаимосвязь с социальной адаптацией молодого поколения рассматривались в исследованиях М.Н. Куракиной, Ю.А. Юдаевой, В.В. Неволиной, М.А. Перехода и др. [4; 12]. Современные образовательные технологии формирования у школьников ценностного отношения к собственному здоровью, физическому состоянию, здоровому образу жизни представлены в работах Н.Н. Мельниченко Ю.В. Науменко, L.M. Garcia-Ricoa и др. [6; 7; 13]. Проблемы совершенствования профессиональной деятельности учителя физической культуры на основе компетентного подхода освещались в исследованиях С.Н. Даниленко, Н.В. Орехова, В.И. Спириной, С.С. Синяева и др. [2; 8; 9]. Методологическая компетентность и ее роль в педагогической деятельности учителя физкультуры анализировались в трудах А.Н. Сысоева, J.M. Griffo и др. [10; 14].

Ведущую роль в удовлетворении двигательных потребностей у подрастающего поколения занимают игры. С самого раннего возраста у человека зарождается стремление играть, и это стремление сопровождает его на протяжении всей жизнедеятельности до самого преклонного возраста. В современной научной литературе, исследованиях (Ю.А. Юдаева, В.В. Неволина, М.А. Перехода), программах физического воспитания можно найти обоснование влияния игры

на подростков, особенно имеющих отклонения в состоянии здоровья, для них игра несет не просто развлекательную функцию, а становится мощным средством решения задач коррекционно-развивающего типа [12].

Игровая деятельность – это, безусловно, самый эффективный и универсальный вид физических упражнений. Она может комплексно положительно воздействовать одновременно на волевую, эмоциональную, психическую и двигательную системы, развивать все двигательные качества занимающихся. Постоянно меняющиеся условия в процессе игры приводят к включению механизмов сознания в процесс регуляции и контроля, а это совершенствует лабильность всех жизненно важных систем человеческого организма за счет увеличения силы и подвижности нервных процессов. Игры в сочетании с другими средствами физической культуры дают возможность обеспечить высокую эффективность воспитания личностных качеств занимающихся. Не зря один из величайших педагогов советской эпохи А.С. Макаренко считал, что игра тоже труд: «Она приучает к тем физическим и психологическим условиям, которые необходимы для работы» [11].

В настоящее время игры и игровая деятельность занимают одну из ведущих позиций по физкультурно-оздоровительной работе в теории и практике физической культуры и физического воспитания школьников. Физические качества, двигательные навыки и умения, психофизиологические функции, морально-волевые качества и многое другое эффективно формируется и совершенствуется игровым методом при грамотном подборе и подаче материала, а все эти качества необходимы для дальнейшей профессиональной деятельности и жизни в целом. Практические рекомендации. Основной задачей для повышения эффективности образовательного процесса можно назвать постоянный поиск и сочетание различных средств, приемов и методов физического воспитания. В процессе школьного образования игровой метод имеет широкое применение на уроках физической культуры и в процессе физического воспитания.

Играми решаются многие задачи, такие как формирование личности, социализация, творческое мышление. В системе высшего образования игровому методу уже уделяется гораздо меньше внимания, но игровая деятельность не перестает быть наиболее продуктивным и эффективным направлением в методике физического воспитания вне зависимости от возраста. Средствами игрового метода совершенствуются не только основные физические качества ловкость, сила, выносливость, быстрота, но и такие важные личностные качества как находчивость, стрессоустойчивость, самостоятельность, кризисное мышление и многие другие. Данный метод, пожалуй, самый эффективный и в воспитании товарищества, коллективизма, сознательности и других нравственных качеств личности. В игровой деятельности между участниками команды устанавливаются тесные контакты, в процессе решения общей задачи они учатся анализировать, обобщать, систематизировать и делать соответствующие выводы. Наличие правил и условий игры,

на основе которых организуется двигательная деятельность занимающихся, и есть сущность игрового метода.

В игровой деятельности можно выделить ряд специфических методически значимых особенностей: 1) осуществляется всестороннее, комплексное развития физических и психофизиологических качеств личности; активизируются двигательные умения и навыки, укрепляется соматическое здоровье каждого участника игры; путем подбора определенных игр можно осуществлять избирательное развитие тех или иных физических качеств; 2) в игре присутствуют элементы соперничества, требующие от участников процесса серьезных, значительных физических усилий, это в свою очередь делает игровой метод эффективным в воспитании физических способностей; 3) цель может быть достигнута разнообразными способами, импровизация, свобода действий формируют у участника процесса инициативность, творческий подход, целеустремленность и других качеств личности; 5) за счет присутствия в игровых технологиях элементов эмоционального удовольствия и познавательного интерес у участников игры повышается учебная мотивация, усиливается потребность в двигательной активности.

Следует отметить также физкультурно-оздоровительный компонент игровых технологий, который направлен, прежде всего, на предупреждение разнообразных болезней и минимизации ограниченных возможностей здоровья. Как показывает анализ исследований, систематическое использование игровых технологий в процессе обучения повышает функциональные способности растущего организма, закаливает его, приводит в порядок и поддерживает сердечнососудистую, дыхательную, центральную нервную и пищеварительную системы. Перечисленные факторы и специфические особенности игровых технологий играют важную роль в командных играх, так как присутствие фактора соперничества зачастую требует максимального физического напряжения от участников процесса. В ходе игры происходит чередование интенсивной нагрузки и действий с минимальным напряжением, такое чередование позволяет участникам выполнить довольно большой объем работы, эффективно разгружает нервную систему и нормализует психоэмоциональное состояние.

Особенно благоприятно попеременный характер нагрузки влияет на обучающихся, отнесенных к специальной медицинской группе, оказывая положительное воздействие на основные системы организма. Регулярно и правильно организованная игровая деятельность с обучающимися способствует снижению лишнего веса, формированию красивого телосложения и подтянутой осанки. Для успешной реализации игровой деятельности важно уделить должное внимание содержанию и правилам игры. В игровой деятельности так же необходимо соблюдать принцип постепенности, начиная с простых (некомандных) игр и переходя к более сложным (командным). Игры стоит подбирать с расчетом решения ими максимального количества образовательных, оздоровительных и воспитательных задач.

Школьникам очень интересно знать, на развитие чего направлена и какие задачи решает та или иная игра. Поэтому преподавателям необходимо проговаривать не только условия игры, но и ее положительное воздействие. За счет этого обучающиеся раскрепощаются и не чувствуют себя глупо во время игровой деятельности. Игровой метод является наиболее целесообразными для обучающихся специальных медицинских групп. При правильном подборе и подаче материала игры и игровые упражнения могут развивать все физические качества и помогать справляться с эмоциональной незрелостью, проблемами социализации, трудностями преодоления тяжелых жизненных ситуаций, проблемами в самоутверждении и самореализации. Поэтому необходимо регулярно включать в занятия по физической культуре с обучающимися специальных медицинских групп игры и игровые упражнения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдыкеров, Ж. С. Игровые технологии как инструмент мотивации и повышения качества подготовки студентов / Ж. С. Абдыкеров, О. М. Замятина, П. И. Мозгалева. – Текст : непосредственный // Высшее образование сегодня. – 2017. – № 5. – С. 20–25.
2. Даниленко, С. Н. Проектирование процесса профессионального самообразования учителя / С. Н. Даниленко, В. И. Спирина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 13–18.
3. Кочкаров, Э. Э. Общее образование в сфере физической культуры: ее место в системе физического воспитания и анализ взглядов на сущность понятия / Э. Э. Кочкаров. – Текст : непосредственный // Проблемы и перспективы развития образования в России. – 2015. – № 34. – С. 186–196.
4. Куракина, М. Н. Игровые технологии как инструмент повышения эффективности учебного процесса / М. Н. Куракина. – Текст : непосредственный // Вестник научных конференций. – 2016. – № 2-5 (6). – С. 67–70.
5. Максютובה, Н. Н. Преподавание общеобразовательных дисциплин с учетом профессиональной направленности программ / Н. Н. Максютובה. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3. – С. 17–26.
6. Мельниченко, Н. Н. Современные педагогические технологии, соответствующие ФГОС (игровые технологии) / Н. Н. Мельниченко. – Текст : непосредственный // Вестник научных конференций. – 2021. – № 7-2 (71). – С. 95–97.
7. Науменко, Ю. В. Методология, концепция и технология здоровьесформирующего образования / Ю. В. Науменко. – Текст : непосредственный // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2013. – № 5 (14). – С. 115–146.
8. Орехова, Н. В. Компетентностный подход: некоторые аспекты методологического анализа / Н. В. Орехова. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 7. – С. 38–52.
9. Синяев, С. С. Теоретические основы формирования педагогической компетентности специалиста сферы физической культуры и спорта / С. С. Синяев. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 1 (114). – С. 45–50.

10. Сысоев, А. Н. Современная модель профессиональной деятельности учителя физической культуры / А. Н. Сысоев. – Текст : непосредственный // Медицина и физическая культура: наука и практика. – 2019. – Том 1. – № 3. – С. 67–73.

11. Фролова, П. И. Психология и педагогика / П. И. Фролова, А. В. Горина, М. Г. Дубынина. – Омск, 2015. – Текст : непосредственный.

12. Юдаева, Ю. А. Игровые технологии в симуляционном тренинге / Ю. А. Юдаева, В. В. Неволина, М. А. Перехода. – Текст : непосредственный // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 2. – С. 84.

13. García-Ricoa, L. M. The building up of professional aptitudes through university service-learning's methodology in sciences of physical activity and sports / L. M. García-Ricoa // Teaching and Teacher Education, Vol. 105, September 2021. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii>.

14. Griffo, J. M. A systematic review of integrative practices in physical education (2009–2018) / J. M. Griffo, P. Hodges-Kulinna, R. Harri, J. Martinen, S. Battistell // International Journal of Educational Research, Vol. 104, 2020. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijer>.

REFERENCES

1. Abdykerov Zh. S., Zamyatina O. M., Mozgaleva P. I. Igrovyte tekhnologii kak instrument motivacii i povysheniya kachestva podgotovki studentov [Game technologies as a tool for motivating and improving the quality of student training] = Vysshee obrazovanie segodnya. 2017, no 5, pp. 20–25. (In Russian).

2. Danilenko S. N., Spirina V. I. Proektirovanie processa professional'nogo samoobrazovaniya uchitelya [Designing the process of professional self-education of a teacher] = Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020, no 3, pp. 13–18. (In Russian).

3. Kochkarov E. E. Obshchee obrazovanie v sfere fizicheskoy kul'tury: ee mesto v sisteme fizicheskogo vospitaniya i analiz vzglyadov na sushchnost' ponyatiya [General education in the field of physical culture: its place in the system of physical education and analysis of views on the essence of the concept] = Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii. 2015, no 34, no. 186–196. (In Russian).

4. Kurakina M. N. Igrovyte tekhnologii kak instrument povysheniya effektivnosti uchebnogo processa [Game technologies as a tool to improve the efficiency of the educational process] = Vestnik nauchnyh konferencij. 2016, no 2-5 (6), pp. 67–70. (In Russian).

5. Maksyutova N. N. Prepodavanie obshcheobrazovatel'nyh disciplin s uchetom professional'noj napravlenosti programm [Teaching general education disciplines taking into account the professional orientation of programs] = Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021, no 3, pp. 17–26. (In Russian).

6. Mel'nichenko N. N. Sovremennye pedagogicheskie tekhnologii, sootvetstvuyushchie FGOS (igrovyte tekhnologii) [Modern pedagogical technologies corresponding to the Federal State Educational Standard (game technologies)] = Vestnik nauchnyh konferencij. 2021, no 7-2 (71), pp. 95–97. (In Russian).

7. Naumenko Yu. V. Metodologiya, koncepciya i tekhnologiya zdorov'eformiruyushchego obrazovaniya [Methodology, concept and technology of health-forming education] = Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2013, no 5 (14), pp. 115–146. (In Russian).

8. Orekhova N. V. Kompetentnostnyj podhod: nekotorye aspekty metodologicheskogo analiza [Competence approach: some aspects of methodological analysis] = Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2008, no 7, pp. 38–52. (In Russian).

9. Sinyaev S. S. Teoreticheskie osnovy formirovaniya pedagogicheskoy kompetentnosti specialista sfery fizicheskoy kul'tury i sporta [Theoretical foundations of the formation of pedagogical competence of a specialist in the field of physical culture and sports] = Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017, no 1 (114), pp. 45–50. (In Russian).

10. Sysoev A. N. Sovremennaya model' professional'noj deyatel'nosti uchitelya fizicheskoy kul'tury [Modern model of professional activity of a teacher of physical culture] = Medicina i fizicheskaya kul'tura: nauka i praktika. 2019. T. 1. no 3, pp. 67–73. (In Russian).

11. Frolova P. I., Gorina A. V., Dubynina M. G. Psihologiya i pedagogika [Psychology and pedagogy]. Omsk, 2015. (In Russian).

12. Yudaeva Yu. A., Nevolina V. V., Perekhoda M. A. Igrovye tekhnologii v simulyacionnom treninge [Game technologies in simulation training] = Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2021, no 2, pp. 84. (In Russian).

13. García-Ricoa, L. M. The building up of professional aptitudes through university service-learning's methodology in sciences of physical activity and sports. = Teaching and Teacher Education, Vol. 105, September 2021. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii>.

14. Griffo, J. M. A systematic review of integrative practices in physical education (2009–2018) = International Journal of Educational Research. Vol. 104, 2020. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijer>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сотиева, М. Р. Роль методологической компетентности в профессиональной деятельности учителя физкультуры / М. Р. Сотиева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 88–95.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Sotieva M. R. The Role of Methodological Competence in the Professional Activity of a Physical Education Teacher / M. R. Sotieva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 88–95. (In Russian).

УДК 378.1

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИИ

Д.С. Третьяченко, Е.С. Проказин, В.В. Собко, Н.Г. Сытников

SOCIAL AND COMMUNICATIVE ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN RUSSIAN UNIVERSITIES

D.S. Tretyachenko, E.S. Prokazin, V.V. Sobko, N.G. Sytnikov

Аннотация. Актуальность данной статьи заключается в том, что все больше современных Российских университетов интересуется интернационализацией, поскольку они стремятся получить признание на международном уровне. Кроме того, в настоящее время привлечение иностранных студентов в университеты сопряжено с проблемой их адаптации к новым условиям, что является актуальной задачей для российских университетов. В статье рассматриваются социальная и коммуникативная составляющие адаптации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах. Оригинальность и новизна исследования заключается в том, что определены основные факторы, влияющие на способ выбора адаптации иностранных студентов, также было установлено, что адаптация иностранных студентов в образовательную среду российского вуза – является многоаспектным и длительным процессом который охватывает все сферы их жизни. Выявлены критические аспекты адаптации иностранных студентов.

Abstract. The relevance of this article lies in the fact that more and more modern Russian universities are interested in internationalization, as they seek to gain recognition at the international level. In addition, at present, attracting foreign students to universities is associated with the problem of their adaptation to new conditions, which is an urgent task for Russian universities. The article deals with the social and communicative components of the adaptation of foreign students studying in Russian universities. The originality and novelty of the study lies in the fact that the main factors influencing the method of choosing the adaptation of foreign students are identified, it was also found that the adaptation of foreign students to the educational environment of a Russian university is a multifaceted and lengthy process that covers all spheres of their life. Critical aspects of adaptation of foreign students are revealed.

Ключевые слова: иностранные студенты, адаптация, университет.

Keywords: foreign students, adaptation, university.

Проблема адаптации является одной из самых сложных междисциплинарных проблем, охватывающих различные сферы деятельности человека: психолого-педагогическую, социальную, культурную, языковую и т. д. [1].

Современная научная литература дает широкий спектр трактовок термина адаптация, которые усиливают противоречия между потребностями членов общества, их стремлением к росту и самореализации, а также затруднения, с которыми сталкивается государство, способное удовлетворить эти потребности [2].

Сложные механизмы адаптации в социальной сфере, где важным аспектом социализации личности считается адаптация, является причиной интериоризации социальных норм, ценностей, установок конкретного коллектива или группы. На социальную среду постоянно воздействуют мировоззренческие, культурные и духовные компоненты. А комплекс психофизиологических, учебно-познавательных, социокультурных и бытовых факторов определяет особенности адаптации иностранных студентов. Структура отношений всех компонентов образования играет важную роль в адаптации студентов из зарубежных стран, требующей от них особой организованности, последовательности и целеустремленности [3].

Текущие перемены в современном обществе охватили все сферы общественной и экономической жизни, особенно социальную, материальную, духовную сферы и, как следствие, этого общество в целом. Процесс трансформации был результатом взаимодействия большого количества социальных субъектов, индивидов, организаций, групп, совокупность которых можно рассматривать как макросубъект преобразования общества [4]. Чтобы понять процессы общественной жизни как самоорганизующейся системы, важно провести анализ особенностей социальной адаптации человека при длительных социальных трансформациях.

Процесс адаптации иностранных студентов осуществляется на протяжении всего периода обучения в университете, но наиболее критическим периодом адаптации иностранных студентов является первый курс обучения. Следовательно, исследование процесса адаптации, организация его успешности способствует более быстрой интеграции иностранных студентов в студенческую среду, облегчает процесс их обучения [5].

У каждого иностранного студента, обучающегося в российских университетах, сформировано собственное мировоззрение, под влиянием культуры страны, в которой он родился и вырос.

Когда будущие студенты или первокурсники попадают в другую страну, они сразу же сталкиваются с другой культурой, незнакомой формой общения, другими языковыми формами и непривычной национальной и социальной средой, в которых им придется адаптироваться для дальнейшей успешной социализации [6].

Трудности адаптации иностранных студентов к окружающей среде, университетскому обучению требуют комплексной психолого-педагогической, диагностической работы и теоретических исследований. В связи с чем, необходимо изучить различные аспекты адаптации учащихся к новым языковым, культурным и социальным средам, а также к совершенно новым формам и условиям процесса обучения в российских университетах [7].

Адаптация иностранных студентов в российских университетах – это процесс активного приспособления к новым условиям, с частичным принятием норм и ценностей образовательной среды, с учетом разности в менталитетах стран (рождения и обучения).

Это требует времени и сознательного, морального восприятия того или иного общества для полной адаптации к новой стране [8]. Процесс адаптации естественен для любого человека, оказавшегося в незнакомой среде, но каждый видит и выбирает индивидуальные способы приспособления к новым условиям. Уместно начать с факта, что при попадании человека в непривычную среду у него может возникнуть паническое чувство дискомфорта, страха, отчуждения. Как отмечалось ранее, все первокурсники проходят адаптацию к новым условиям обучения в вузе, но период адаптации различен и зависит от сложности протекания этого процесса. Не все факторы, влияющие на личность студента в вузе, способствуют его успешной адаптации.

Период студенческой юности – это особый этап в развитии человека, характеризующийся своеобразными условиями жизни, быта, работы, учебы, общения, особого социального поведения и психологии. Поэтому возникают проблемы в адаптации студентов к новым жизненным обстоятельствам.

Из-за мировоззренческих и культурных позиций иностранных студентов, которые могут вызвать противоречия во взглядах, интеллектуальных или творческих особенностях, вызывают определенные ограничения или барьеры во взаимодействии, что, в свою очередь, может привести к некоторому дисбалансу организационного или психологического порядка (противоречия возникают и из-за непривычных для студентов особенностей новой системы образования, нового коллектива, новых условий: изменение рабочего времени, быта, отдыха и т. д.).

Общение в обществе занимает основополагающее место и является одной из важнейших составляющих успешного и самодостаточного человека. Поскольку науке известен термин «социокультурная адаптация», концепция языковой адаптации также заслуживает право на существование и занимает значимое место среди социологической и психологической терминологии (причем эти два терминологических посыла взаимосвязанные и целостные). Таким образом, языковую адаптацию следует понимать как процесс накопления активной и пассивной лексики с учетом диалектических особенностей языка, региона проживания иностранного студента, обеспечивающего передачу информации для осуществления успешного вербального общения [9]. Одним из факторов успешной адаптации в стране обучения является знание языка, на котором проводится обучение иностранного студента.

Таким образом, адаптация рассматривается учеными как способность к приспособляемости, обеспечивающая такие психологические и физиологические личностные качества, которые позволяют овладеть профессиональными навыками с наименьшими затратами: времени и сил, настроиться на выполнение обязанностей, приобрести чуткость к коллективным целям, умение входить в систему профессиональных, социальных и межличностных отношений.

Основным методом исследования был выбран метод анкетирования, который является более предпочтительным для изучения адаптационных процессов иностранных студентов. Выбор метода продиктован его универсальностью, так как анкетный опрос позволяет собрать большой объем данных за короткий период.

Участниками опроса являлись иностранные студенты из разных стран, среди которых можно выделить следующие группы: студенты из стран СНГ, Азии, Африки, Латинской Америки и арабских стран. Отбор студентов из перечисленных стран обусловлен их актуальностью. В отобранную группу вошли 150 студентов, обучающихся в российских вузах.

Среди студентов, принявших участие в опросе, 30 % составили девушки и 70 % юноши в возрасте от 18 до 26 лет.

Процентное распределение студентов по странам, участвовавших в опросе, следующее: студенты из СНГ (32 %), студенты из стран Азии (21 %), студенты из стран Африки (27 %), студенты из Латиноамериканских стран (19 %) и студенты из Арабских стран (1 %).

Основными задачами исследования были: выявить страны, представляющие иностранных студентов; описать уровень владения русским языком среди иностранных студентов; определить, из каких стран студентам сложнее адаптироваться в первый месяц проживания в России; выявить наиболее сложные моменты в процессе обучения; описать процесс адаптации иностранных студентов в студенческом общежитии.

Анкета содержала двадцать пять вопросов об особенностях адаптации в условиях Российского университета.

Пилотный опрос показал, что подавляющее большинство респондентов владеет русским языком (98 %). К моменту опроса они уже закончили факультет до вузовской подготовки, а некоторые окончили курсы русского языка в других городах России. Только 29 % студентов имеют отличное владение русским языком, в основном это студенты из ближнего зарубежья, 65 % опрошенных ответили, что они владеют русским языком на разговорном уровне, остальные 6 % должны продолжить его изучение.

Информация, полученная в результате опроса, особенно ценна, поскольку способствует выявлению проблем иностранных студентов, с которыми они сталкиваются, когда приезжают в другую страну для получения высшего образования, и позволяет сделать выводы об уровне их адаптации. На основе результатов опроса был составлен портрет иностранных студентов, обучающихся в российских вузах. Как правило, студенты, приехавшие в Россию, так или иначе владеют русским (98 %) или английским (69 %) языками, а также во многих странах, указанные языки, изучают в школах в дополнение к родному языку. Кроме того, некоторые студенты из Африки и Латинской Америки говорят на французском (21 %) и испанском (19 %) языках. Из всех опрошенных иностранных студентов каждый третий показал отличные знания русского языка, как правило, это студенты из соседних

с Россией стран. Почти 65 % иностранных студентов ответили, что они говорят по-русски на разговорном уровне. В первый месяц проживания в России студентам из Африки (16 %) и Азии (10 %) труднее всего было привыкнуть к другому климату и погоде. В свою очередь, студенты из Латинской Америки (30 %) и Арабских стран (21 %) испытывали языковой барьер, а студенты из стран СНГ испытывали большие трудности из-за отсутствия привычного круга общения (21 %) и привыкания к жизни в студенческих общежитиях (41 %).

Большинству студентов нравится учиться (81 %), обучающиеся проявляют интерес, на это указывают результаты опроса, остальные участвовавшие в опросе иностранные студенты затруднились ответить, но никто не выбрал вариант – не нравится учиться. Значительная часть опрошенных (83 %) испытывают трудности с обучением в российских вузах, но они не оказывают существенного влияния на общую эффективность образовательного процесса.

Наиболее сложными в процессе обучения для иностранных студентов являются лекционные занятия (58 %), которые проводятся на русском языке, и подтверждают ранее указанный языковой барьер. На вопрос об отношении преподавателей к студентам в университете, более половины из опрошенных (61 %) сказали, что у них иногда возникали трудности, 37 % не имели проблем в общении с преподавателями и студентами, и только 2 % ответили, что испытывали постоянные трудности. Те студенты, которые ответили, что постоянно или иногда испытывают трудности, как самые важные выделяют следующие барьеры: языковые (61 %), психологические (31 %) и культурные (24 %).

Далее был предложен вопрос, позволяющий определить особенности отношений между иностранными студентами и преподавателями вузов. В учебном процессе у 85 % респондентов не было конфликтных ситуаций, однако 13 % затруднились ответить и 2 % отметили, что у них возникали конфликты. Выяснилось, что в основном студенты и преподаватели имеют дружеские отношения, которые способствуют сотрудничеству. Иностранные студенты ответили на предложенный вопрос о трудности адаптации в российских вузах по-разному. Однако около 61 % респондентов главной проблемой назвали язык. Один из вопросов исследования касался успешной адаптации в чужой стране, а именно, что необходимо для успешной адаптации иностранных студентов. Почти каждый третий иностранный студент (39 %) считает, что для успешной адаптации требуются различные работы, в том числе совместные работы с другими обучающимися. Приоритетом для иностранных студентов является совместная деятельность с российскими студентами, активная внеаудиторная работа, а также различные мероприятия, связанные с обычаями, традициями и культурой страны, в которой они проходят обучение. Иностранные студенты считают, что их адаптация пройдет более успешно, если они будут принимать участие в этих мероприятиях. С этим мнением согласились

89 % респондентов, это также может свидетельствовать о том, что такого рода занятия одновременно привлекательны и познавательны для иностранных студентов.

Место жительства опрошенных – в основном студенческое общежитие, ответили 93 %. Из всех живущих в общежитиях всего 20 % довольны всем, больше всего нравится жить в общежитии 58 % опрошенных, но у 22 % студентов существуют проблемы, связанные со средним уровнем жизни и отсутствием возможности выбора иного места проживания. Менее половины из 49 % респондентов оценили качество жилищных условий как удовлетворительные и желали бы их улучшения.

Основным положительным моментом жизни в общежитии, иностранные студенты называют отношения с соседями 61 %, им также нравится поведение студентов, проживающих в общежитии 31 % и условия в комнате 13 %, а самым негативным в жизни общежития, по мнению опрошенных, являются санитарно-гигиенические условия в уборных 64 % и условия на кухне 32 %.

По данным опроса, иностранные студенты чаще всего бывают в торговых центрах (92 %), еще самое посещаемое ими место – кинотеатр, так ответили 78 % студентов, далее следуют рестораны и кафе (37 %), и замыкали список – ночные клубы (20 %). На вопрос, посещают ли они национальные культурные центры, 78 % иностранных студентов ответили, что посещают или иногда посещали, а остальные 22 % – нет. В анкете также затрагивалась тема традиций: по результатам опроса только одна треть иностранных студентов вообще не соблюдали традиции, большинство опрошенных стараются соблюдать свои традиции или постоянно их соблюдают, ссылаясь в основном на религиозные традиции или национальные праздники своих стран в качестве примера. После окончания учебы каждый третий студент хочет устроиться на работу по специальности в своей стране, каждый пятый хочет переехать в другую страну, а каждый четвертый хочет устроиться на работу в России.

Процесс обучения в вузе – это особый этап жизни любого человека. Деятельность, связанная с приобретением профессионального опыта и освоением основ профессии, вхождение в профессиональную деятельность требует от студента не только настойчивых усилий направленных на овладение средствами профессиональной деятельности, но и реконструкцию самосознания и сознания в целом.

Во время получения высшего образования студенты, особенно если они приехали из другой страны, могут столкнуться с различными проблемами, связанными с адаптацией: к новым условиям, самостоятельной жизни и обычаям другой страны. Решение этих проблем требует как внутренней самоорганизации, так и помощи со стороны университета, преподавателей, однокурсников, кураторов и других факторов, влияющих на успех процесса адаптации.

Современные демографические процессы в России и уровень развития образовательных учреждений позволяют констатировать, что привлечение иностранных студентов для получения высшего образования в России является одной из возможностей выхода из возникшего кризиса. Уровень образования в Российских университетах для иностранных студентов должен быть достаточно конкурентоспособным, чтобы обеспечить благоприятные условия для обучения иностранных студентов с одной стороны, а с другой – быть адекватным по цене, ведь большинство прибывающих в Россию обучающихся являются студентами из стран с более низким уровнем экономического развития. Необходимое условие для ассимиляции знаний общенаучных дисциплин представителей разных стран мира, заключается в учете менталитета, психологического состояния и других особенностей их национального самосознания, поскольку типичными трудностями, кроме предметных, являются также: языковые, методические, организационные, психологические. Учет, прогнозирование и проектирование указанных проблем, позволяет объективно формулировать, варьировать учебные цели и разрабатывать стратегию их решения.

Недостаточное внимание к проблемам иностранных студентов может стать одной из причин роста социальной напряженности, проявления ксенофобии, а также распространение идей национальной ненависти. Поэтому важно работать в этом направлении, как на законодательном, так и на общественном уровне, и на уровне каждого конкретного университета.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плюснин, Ю. М. Личность на перекрестке культур: модели социализации в условиях межкультурного взаимодействия / Ю. М. Плюснин. – Новосибирск : ИФПр, 1995. – 25 с. – Текст : непосредственный.
2. Дикая, Л. Г. Адаптация: методологические проблемы и основные направления исследований / Л. Г. Дикая. – Текст : непосредственный // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / ответственные редакторы: Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – М. : Институт психологии РАН, 2007. – С. 17–41.
3. Гладуш, А. Д. Социокультурная адаптация иностранных граждан к условиям обучения в России / А. Д. Гладуш, Г. Н. Трофимова. – Текст : непосредственный // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 12. – С. 30–35.
4. Чердымова, Е. И. Модель интеграции экологического и профессионального сознания с целью формирования экопрофессионального сознания / Е. И. Чердымова. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра РАН. – 2011. – № 13(2). – С. 902–904.
5. Рябкова, С. Л. Особенности процесса адаптации иностранных студентов-первокурсников в вузе (на примере Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета) / С. Л. Рябкова, Ю. И. Скопина. – Текст : непосредственный // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – 2016. – № 4. – С. 14–18.

6. Емельянов, В. В. Студенты об адаптации к университетской жизни / В. В. Емельянов. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2001. – № 9. – С. 28–31.

7. Милославова, И. А. Адаптация как социально-психологическое явление / И. А. Милославова. – Текст : непосредственный // Социальная психология и философия : сборник научных трудов. – М. : Мысль, 1973. – 176 с.

8. Аргунова, В. Н. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах / В. Н. Аргунова, Т. Лондаджим. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2008. – № 4. – С. 7–12.

9. Романюк, Е. С. Особенности адаптации студентов из стран СНГ к обучению в Российской Федерации / Е. С. Романюк, А. С. Романюк. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного технического университета : межвузовский сборник научных статей. – Волгоград : ВолгГТУ, 2013.

REFERENCES

1. Plyusnin Yu. M. *Lichnost' na perekrestke kul'tur: modeli socializacii v usloviyah mezhkul'turnogo vzaimodejstviya* [Personality at the Crossroads of Cultures: Models of Socialization in the Context of Intercultural Interaction]. Novosibirsk, IFPr, 1995. 25 p. (In Russian).

2. Dikaya, L. G. Adaptation: Methodological issues and key research Areas. *Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy* = Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects; managing editors: L. G. Dikaya, A. L. Zhuravlev. M., Institut psihologii RAN, 2007. Pp. 17–41. (In Russian).

3. Gladush A. D., Trofimova G. N. Sociocultural adaptation of foreign citizens to the conditions of education in Russia. *Vysshee obrazovanie segodnya* = Higher education today, 2008, no. 12, p. 30–35. (In Russian).

4. Cherdymova E. I. Model of integration of ecological and professional consciousness with the aim of forming eco-professional consciousness. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* = Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2011, no. 13(2), pp. 902–904. (In Russian).

5. Ryabkova S. L., Skopina Yu. I. Features of the process of adaptation of foreign first-year students at the university (on the example of the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering). *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya "Upravlenie v social'nyh sistemah. Kommunikativnye tekhnologii"* = Bulletin of NNSTU im. R.E. Alekseev. Series "Management in social systems. Communication Technologies", 2016, no. 4, pp. 14–18. (In Russian).

6. Emelyanov V. V. Students about adaptation to university life. *Sociologicheskie issledovaniya* = Sociological research, 2001, no. 9, pp. 28–31. (In Russian).

7. Miloslavova I. A. Adaptation as a socio-psychological phenomenon. *Social'naya psihologiya i filosofiya : sbornik nauchnyh trudov* = Social psychology and philosophy: a collection of scientific papers. M., Mysl', 1973. 176 p. (In Russian).

8. Argunova V. N., Londajim T. Barriers of socio-cultural adaptation of foreign students studying in Russian universities. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* = Bulletin of the Nizhny Novgorod University N.I. Lobachevsky. Series: Social sciences, 2008, no. 4, pp. 7–12. (In Russian).

9. Romanyuk E. S., Romanyuk A. S. Features of the adaptation of students from the CIS countries to study in the Russian Federation. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta : mezhvuzovskij sbornik nauchnyh statej* = News of the Volgograd State Technical University: interuniversity collection of scientific articles. Volgograd, VolgGTU, 2013. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Социально-коммуникативная адаптация иностранных студентов в университетах России / Д. С. Третьяченко, Е. С. Проказин, В. В. Собко, Н. Г. Сытников. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 96–104.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tretyachenko D. S., Prokazin E. S., Sobko V. V., Sytnikov N. G. Social and Communicative Adaptation of Foreign Students in Russian Universities / D. S. Tretyachenko, E. S. Prokazin, V. V. Sobko, N. G. Sytnikov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 96–104. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

УДК 93/94

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ ОКРУГИ АРМАВИРА: МОДЕЛЬ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ЭКСКУРСИОННОГО МАРШРУТА¹

И.В. Грицких, С.Н. Ктиторов, А.Л. Пелих

HISTORICAL OBJECTS OF THE ARMAVIR CITY DISTRICT: A MODEL OF AN EDUCATIONAL EXCURSION ROUTE

I.V. Gritskikh, S.N. Ktitorov, A.L. Pelikh

Аннотация. Проблема, решаемая в рамках проекта кафедры всеобщей и отечественной истории АГПУ, состоит в необходимости глубокого изучения историко-культурных объектов г. Армавира и Новокубанского района с целью ввода их в научный оборот, а также адаптации и последующего использования полученных данных в области регионального туризма, с одновременным решением вопросов сохранения историко-культурного наследия.

Памятники истории, расположенные на этой территории, изучаются с конца XIX в. Из исследований советского периода особый интерес представляют работы Б.Л. Выродова. С 1990-х гг. ряд публикаций по обозначенной теме подготовил В.Б. Виноградов. Отдельные аспекты историко-культурной характеристики микрорегиона можно почерпнуть из трудов ряда профессиональных историков и краеведов. При этом до сих пор отсутствуют как обобщающее исследование о памятниках истории и культуры восточной экономической зоны Кубани, так и комплексное научное описание центрального из них – российской крепости Прочный Окоп и ее округа.

Узловыми археологическими памятниками района Армавира являются Прочно-окопские городища и могильники, а также комплекс объектов у Кизиловой Балки.

На основании проведенной работы в статье представлена схема экскурсионного маршрута, который включает основные историко-культурные достопримечательные объекты округа г. Армавира.

Abstract. The problem solved within the framework of the project of the Department of General and National History of ASPU is the need for in-depth study (research based on existing works) of historical and cultural objects of Armavir and Novokubansky district in order to introduce them into scientific circulation. Adaptation and subsequent use of the data obtained in the field of regional tourism are also needed, while simultaneously addressing issues of preserving historical and cultural heritage.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научно-инновационного проекта № НИП-20.1/22.7.

Historical monuments located on this territory have been studied since the end of the XIX century. From the studies of the Soviet period, the works of B.L. Vyrodov are important. Since the 1990s, a number of publications on this topic have been written by V.B. Vinogradov. Some aspects of the historical and cultural characteristics of the microregion can be gleaned from the works of a significant number of professional historians and local historians. At the same time, there are still no generalizing research on historical and cultural monuments of the eastern economic zone of the Kuban, as well as a comprehensive study of the central one – the fortress of Prochnyj Okop and around it.

The nodal archaeological sites near Armavir are ancient settlements and burial grounds near the village of Prochnookopskaya, as well as a complex of objects near the Dogwood Beam.

Based on the work carried out, an excursion route has been designated, which includes the main historical monuments around the city of Armavir.

Ключевые слова: исторические объекты, Армавир, Прочный Окоп, Средняя Кубань, экскурсионный маршрут.

Keywords: historical sites, Armavir, Prochnyj Okop, Central Kuban, sightseeing route.

Одной из отраслей отечественной исторической науки является историческая регионалистика. Современные специалисты констатируют отсутствие четкой дефиниции, определяющей предмет и область исследовательских задач региональной истории, ее предельно широкий и междисциплинарный характер [1, с. 77]. При этом изучать проблемы исторической регионалистики можно только на основе традиционных принципов научного исторического исследования [2, с. 67]. Это направление науки о прошлом тесно связано с краеведением, отличающимся от собственно научной отрасли знания тем, что подразумевает возможность проведения исследований не только профессиональными историками, но и на любительском уровне. Историческое краеведение, к тому же, можно считать не только явлением исторической науки, но и общественным движением, проявлением активности представителей гражданского общества [3, с. 236].

В этой связи важными видятся научные исторические проекты, которые в качестве своих основополагающих задач ставят не только решение конкретно-научных проблем, но и знакомят с региональным прошлым, как местных жителей, так и приезжих. Учитывая размеры и уникальное гетерогенное полиэтничное пространство нашего Отечества, дискурс относительно различных аспектов локальной истории имеет непреходящую актуальность. Не будет преувеличением, если сказать, что исторический путь России создается из судеб ее регионов, народов и культур.

Это разнообразие и межэтническое добрососедство, несомненно, являются одной из базовых духовных ценностей российского общества, выступают прочной основой дальнейшего гармоничного развития нашей страны, залогом благополучия ее многонационального народа.

Таким образом, постижение уникального исторического пути российского государства невозможно без внимательного изучения судеб населяющих его

народов, а соответственно, и конкретных регионов вплоть до отдельных населенных пунктов. Разработки по региональной проблематике дают прекрасную возможность прикоснуться к истории повседневности, оценить вклад этнических, конфессиональных, социальных и иных сообществ и их представителей в развитие страны и ее отдельных территорий, осознать всю сложность, богатство и своеобразие исторических процессов в различных уголках нашей страны.

Одним из таких перспективных проектов, отличающихся выраженной образовательной и воспитательной направленностью, является разрабатываемая на кафедре всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета тема: «Создание сети виртуальных музейных площадок на базе историко-культурного наследия восточной зоны Краснодарского края в целях развития туристско-рекреационного потенциала», которая в декабре 2022 г. получила поддержку Кубанского научного фонда. В основе замысла лежит разработка историко-культурной характеристики просветительского экскурсионного маршрута, включающего в себя исторические и некоторые природные объекты г. Армавира и Новокубанского района.

Данный проект разрабатывается в русле Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года [4], в соответствии с которой одной из главных задач является развитие санаторно-курортного и туристского комплекса, для достижения стратегической цели в виде создания глобально конкурентоспособного всесезонного инновационного санаторно-курортного и туристского центра. Для этого, в частности, предполагается преобразование края в центр культурно-познавательного и развлекательного туризма, что требует создания оригинального, качественного экскурсионного инновационного продукта, который будет интересен и доступен представителям различных социальных и возрастных групп. Одним из путей решения этой задачи является вовлечение в туристско-рекреационную сферу экономики Краснодарского края его иных, кроме административного центра города Краснодара, горно-предгорной и приморской географических зон, территорий, путем развития в них туризма на базе регионального историко-культурного наследия. Таким перспективным и достаточно цельным районом нам видится восточная экономическая зона Кубани с центром в городе Армавире. Здесь сосредоточены многочисленные объекты культурного наследия, относящиеся к периоду от эпохи бронзы до XX века и связывающие регион с жизнью и деятельностью ряда выдающихся исторических личностей.

В последние годы все чаще высказывается мысль, что восточной зоне Краснодарского края (ее можно в целом соотнести с введенной в начале 1990-х гг. в научный оборот историком-кавказоведом В.Б. Виноградовым дефиницией Средняя Кубань) необходимы запоминающиеся историко-культурные бренды, которые могут привлечь к себе внимание гостей из других регионов России.

На территории рассматриваемого субрегиона одним из таких значимых символов, несомненно, является памятник российской фортификации конца

XVIII – первой половины XIX крепость Прочный Окоп. Она была основана на возвышавшемся над правым берегом Кубани крутом уступе Ставропольского плато, вблизи устья реки Уруп в 1784 г. и стала одним из ключевых пограничных пунктов России на Северном Кавказе. Прошлое этой крепости тесно связано со многими выдающимися именами, как отечественных военачальников (А.В. Суворов, П.С. Потемкин, И.И. Герман фон Ферзен, И.В. Гудович, А.П. Ермолов, Г.Х. Засс и др.), так и деятелей русской культуры (А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, декабристы). Именно Прочному Окопу, являвшемуся центром Кубанской линии и Правого фланга Кавказской линии, выпала выдающаяся историческая роль изначального форпоста российской государственности на землях восточной Кубани.

В населенных пунктах Средней Кубани сохранился значительный пласт объектов культурного наследия, являющихся основой для реализации задач научного проекта кафедры ВиОИ АГПУ. Центральная проблема, решаемая авторским коллективом, состоит в необходимости изучения памятников с целью ввода их в научный оборот, а также адаптации и последующего использования полученных данных в области регионального туризма, с одновременным решением вопросов сохранения историко-культурного наследия Краснодарского края. Данная задача находится в тесной связи с актуальной проблемой реализации исторического просвещения, воспитания патриотизма и гражданственности посредством инновационных цифровых технологий.

Памятники истории восточной зоны Краснодарского края находятся в поле зрения исследователей еще с конца XIX века. В частности, этим регионом интересовался Ф.А. Щербина, посвятив ему ряд разделов во втором томе «Истории кубанского казачьего войска» [5, с. 412–438, 465–488], а также отдельную работу, в которой описывалась история Армавира и его коренных жителей черкесо-гаев (черкесских армян) [6].

Из исследований советского периода в первую очередь следует отметить труды старожила и краеведа Б.Л. Выродова. Основной массив его неизданных работ хранится в фондах Архивного отдела администрации Армавира и местного краеведческого музея. В их числе такие произведения, как: «Века и тысячелетия волнующей истории смотрят на нас с Фортштадских высот (краеведческая экскурсия: историческое прошлое наших мест)» (1960 г.); «Маршрут комплексной краеведческой экскурсии: Армавир – Прикубанский лес – Армавирский зерносовхоз – Убежинские грязе-соленые озера с совхозом № 33 – Армавир» (1957 г.); «Исторические места города Армавира и его окрестностей» (1960 г.); «План местности реки Кубань и Урупа с указанием исторических мест и надпойменных террас» (1970 г.); «Карта-схема: Дорога по Кубанской защитной линии вдоль правого берега Кубани через ст. Прочноокопскую на Пушкинские Высоты» (1975 г.) и др.

При жизни краеведа в 1972 г. Армавирским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры была издана только одна

его брошюра, посвященная биографии уроженца Армавира, видного советского геолога В.П. Колесникова. Для нас это издание интересно в первую очередь тем, что в ней представлена развернутая характеристика экскурсионного маршрута, с отправной точкой в Старой Станице – правобережном районе Армавира [7, с. 11–19]. В 1994 г., уже после ухода из жизни Б.Л. Выродова, В.Б. Виноградов осуществил ввод в научный оборот своей ученицей С.В. Поповой рукописи, посвященной пребыванию на Средней Кубани декабристов [8]. Эта работа также содержит материал, необходимый для разработки исторического экскурсионного маршрута в окрестностях Армавира.

Трудами армавирских историков также введена в научный оборот ценная работа местного краеведа Р.К. Аракелова, написанная в 1980-х гг. и посвященная топонимам Армавира и его широкой округи, прежде всего, связанным с черкесо-гаями [9].

В рамках исследуемой проблематики немалый интерес представляет изданная в 1981 г. монография Л.А. Погосяна, в которой на широком региональном фоне освещается историко-культурное прошлое армянской общины Армавира [10].

В 1983 г. работниками армавирского краеведческого музея было опубликовано популярное исследование, посвященное истории крупнейшего экономического и культурно-образовательного центра Средней Кубани – Армавира. Примечательно, что в качестве приложения к книге был дан небольшой перечень археологических, архитектурных и исторических памятников города и его ближайших окрестностей [11].

В новейший постсоветский период внимание исследователей к различным аспектам истории Средней Кубани и отдельным населенным пунктам субрегиона значительно возрастает. С 1990-х гг. эти вопросы становятся одним из главных направлений исследований кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. В частности, этой проблематике было посвящено одно из первых «армавирских» изданий ученого – книга очерков «Страницы истории Средней Кубани» [12]. Отдельные аспекты истории населенных пунктов субрегиона раскрываются в подготовленном им же словаре географических названий «Топонимия Средней Кубани» [13]. Одну из своих работ ученый посвятил историческому прошлому станицы Прочноокопской [14]. Уже в эти годы в кавказоведческом коллективе В.Б. Виноградова сложилось понимание, что расположенные в округе крепости Прочный Окоп населенные пункты представляют собой цельный и генетически взаимосвязанный комплекс объектов, имеющих большое историко-культурное значение, и что они могут быть использованы в качестве достопримечательностей на экскурсионных маршрутах. В сентябре 1994 г. эти вопросы обсуждались на региональной конференции «Прочноокопский историко-культурный многоугольник», по итогам которой был издан сборник статей. В 1995 г. В.Б. Виноградов выпустил небольшую, но весьма интересную книгу «Средняя Кубань: земляки и соседи», в которой впервые был представлен исторический обзор основных народов и этнических общин рассматриваемого субрегиона [15].

Отдельные аспекты историко-культурной характеристики Средней Кубани можно почерпнуть из трудов ряда профессиональных историков и краеведов. Не претендуя на полноту историографического обзора, упомянем работы некоторых авторов.

В частности, самым детальным исследованием о пребывании на Кубани полководца А.В. Суворова, и его роли в основании крепости Царицынской (которая, по мнению, некоторых авторов, стала предшественницей Прочного Окопа) является книга В.А. Соловьева [16].

Традиционно большое внимание уделяется исследователями событиям Кавказской войны в регионе, освоению Новой Линии, а также истории казаков на Средней Кубани. Первый аспект относительно к нашему географическому району основательно отображен в работах К.В. Скибы [17] и Л.С. Царевой [18]. Второй – в публикациях С.В. Телепня в соавторстве с В.Б. Виноградовым [19].

Стоит выделить также книгу краеведа В.Г. Троицкого о Г.Х. Зассе и Новой линии [20]. В этой работе особо отмечается роль Прочного Окопа в процессе колонизации Закубанья, описывается строительство дороги от крепости к берегу Кубани и моста через реку для прохождения военного отряда, проследовавшего в 1840 г. на сооружение пунктов Лабинской линии.

На высоком профессиональном уровне В.А. Колесниковым была подготовлена книга очерков о станицах Ставрополя, в которую включены сюжеты и о некоторых пунктах Средней Кубани [21]. Почти исчерпывающая история православных храмов и монастырей Средней Кубани представлена в фундаментальной 2-х томной работе А.В. Селиверстова [22].

Уже на протяжении более 30 лет различные аспекты исторического прошлого главного центра Средней Кубани – города Армавира являются объектом исследований С.Н. Ктиторова, итогом чего стало несколько монографий [23; 24; 25].

В рамках проблематики настоящего проекта особый интерес представляет книга С.Н. Ктиторова, посвященная объектам культурного наследия Армавира, которая может использоваться как информационный ресурс при разработке экскурсионных маршрутов по городу [26]. В новейшем учебно-методическом пособии этого же автора освещаются теоретические и практические аспекты организации и проведения экскурсий на материалах Армавира и его ближайшей округи [27].

Среди краеведческих работ можно также выделить исследования по истории входящих в состав городского округа Армавир населенных пунктов Старая Станица и Красная Поляна [28; 29]. Определенным итогом изучения прошлого и современного состояния поселений рассматриваемого субрегиона стал выпуск в 2016 г. объемного сборника «Страницы истории Новокубанского района» [30].

Л.А. Жданова опубликовала несколько работ по истории купеческих усадеб Меснянкиных, Николенко, Штейнгелей и Щербака [31].

Пребывание декабристов на Средней Кубани отражено в монографии М.И. Серовой и Б.А. Трехбрата. В ней содержатся сведения о связи опальных военных с крепостью и станицей Прочноокопской [32].

Вместе с тем можно констатировать, что, несмотря на значительный историографический задел, до сих пор отсутствует комплексное обобщающее исследование, посвященное памятникам истории и культуры восточной экономической зоны Кубани, относящимся к начальным этапам истории этого микрорегиона.

События Великой Отечественной войны в бассейне Средней Кубани, освещаются в публикациях Ю.В. Приймака, непосредственно посвященных обороне Армавира и прилегающих районов летом 1942 г. [33]. Данный материал важен для характеристики культурно-исторического значения включаемого нами в туристический маршрут мемориального комплекса Красная Поляна.

Кроме собственно исторических, округа Армавира богата и археологическими памятниками. Некоторые из них становились объектом отдельного внимания исследователей, сведения о других отражены в обобщающих работах, посвященных истории археологического изучения района [см., напр.: 34, с. 15–17; 35, с. 172–184].

Узловыми археологическими объектами микрорегиона являются Прочноокопские городища и могильники, а также комплекс памятников Кизиловая Балка. В ряду исследователей куста прочноокопских памятников в первую очередь отметим Н.В. Анфимова, Н.И. Навротского, И.С. Каменецкого, А.П. Лопатина, С.Я. Березина; Кизиловой Балки – Н.В. Анфимова, Н.И. Навротского, А.В. Гадло, Х.Х. Биджиева, Е.И. Нарожного, Н.А. Галаган (Лихошерстову), П.В. Сокова, А.А. Иванова, С.Л. Соловьева, И.В. Доценко, А.Ю. Городилова.

Из публикаций при разработке историко-культурного маршрута для характеристики прочноокопских памятников будут полезны статьи Н.В. Анфимова [36, с. 51–56], А.П. Лопатина и Т. Е. Лопатиной [37, с. 40–41; 38, с. 236–237], С.Я. Березина и Я.Б. Березина [39, с. 43–52] и исследования И.С. Каменецкого, в первую очередь его книга 2011 г. [40, с. 75, 153, 207].

Как и памятники у ст. Прочноокопской, археологические объекты (а именно – селище) Кизиловой Балки известны в науке начиная с исследований Н.В. Анфимова [41, с. 63–64]. Опубликованы материалы раскопок, проведенных на памятнике Х.Х. Биджиевым [42, с. 5–10; 43, с. 24–39]. Современные данные о Кизиловой Балке (с историей изучения) можно почерпнуть из статьи А.А. Иванова, Е.И. Нарожного, С.Л. Соловьева [44, с. 163–179].

На основании проведенной предварительной работы представляется возможным представить схему экскурсионного маршрута, включающего основные памятники истории восточно-кубанского экономического района. Данный маршрут закольцован на Армавире, как центре этой зоны, и включает следующие пункты: площадь имени В.И. Ленина в городе Армавире – середина северного полушария Земли 45-я параллель – река Кубань – поселок Старая Станица и речка Неволька – Ставропольское плато – береговая полоса и рифы древнего Сарматского моря – Армавирский ветровой коридор –

«дорога декабристов» – крепость Прочный Окоп – крепостная слободка Форштадт – старинное крепостное кладбище – Стрижибкина гора и духовно-патриотический комплекс «Мемориал Форштадт» (с Музеем линейного казачества) – древнее городище «Кизиловая Балка» – старинная военно-стратегическая дорога «Ставропольский тракт» – археологический памятник «Прочноокопское городище и могильник» – станица Прочноокопская – Прочноокопский историко-краеведческий музей – территория бывшего госпиталя, который посещал хирург Н.И. Пирогов – место, где проживали служившие на Кавказе декабристы – смотровая площадка и памятник «Пушкинские места» – бывший ногайский аул князя Адиль-Гирея Капланова-Нечева (современный микрорайон Капланово города Новокубанска) – поселок Красная Поляна – мемориальный комплекс, посвященный памяти погибших защитников и мирных жителей в годы Великой Отечественной войны – зона отдыха «Городская Роща» в г. Армавире – изначальное историческое ядро Армавира ансамбль соборной площади армянской церкви Верапохумн Сурб Астваццни (Успения Пресвятой Богородицы).

Таким образом, локальные исторические исследования Армавира и прилегающей территории получают конкретный выход в экономическую сферу через создание конкурентоспособного туристского продукта, включающего набор комплексных предложений на базе представления историко-культурного наследия восточной зоны Краснодарского края. Социальная значимость развития локального историко-культурного туризма для Кубани состоит в возможности его использования в деле духовно-нравственного и патриотического воспитания подрастающих поколений, поддержания российских национально-культурных традиций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хлынина, Т. П. Историческая регионалистика: основные концепты и проблемы дисциплинарного роста / Т. П. Хлынина. – Текст : непосредственный // Былые годы. – 2010. – № 3 (17). – С. 71–78.
2. Региональная история глазами ее создателей: материалы экспресс-опроса. – Текст : непосредственный // Былые годы. – 2010. – № 3 (17). – С. 61–70.
3. Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / ответственный редактор А. О. Чубарьян. – М. : Аквилон, 2014. – 576 с. – Текст : непосредственный.
4. Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. № 3930-КЗ «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года». – URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/772/7728651dffadfd0bd37a29408449ae36.pdf> (дата обращения: 26.12.2022). – Текст : электронный.
5. Щербина, Ф. А. История Кубанского казачьего войска : в 2 томах. Том 2: История войны казаков с закубанскими горцами: с военно-исторической картой Кубанской области за время с 1800 по 1860 годы / Ф. А. Щербина. – Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления, 1913. – 848 с. – Текст : непосредственный.
6. Щербина, Ф. А. История Армавира и черкесо-гаев / Ф. А. Щербина. – Екатеринодар : Печатник, 1916. – 192 с. – Текст : непосредственный.

7. Выродов, Б. Л. Колесников Владимир Прокофьевич (к 70-летию со дня рождения). Армавир. Памятники истории и культуры / Б. Л. Выродов. – Армавир : КУП, 1972. – 19 с. – Текст : непосредственный.
8. Выродов, Б. Л. Декабристы и Средняя Кубань / Б. Л. Выродов ; составитель С. В. Попова. – Выпуск 1. – Армавир, 1994. – 51 с. – Серия «Практические опыты регионоведения». – Текст : непосредственный.
9. Аракелов, Р. К. Очерки топонимии Армавира и его окрестностей / Р. К. Аракелов. – Армавир : Армавирское полиграфпредприятие, 2004. – 39 с. – Текст : непосредственный.
10. Погосян, Л. А. Армянская колония Армавира / Л. А. Погосян. – Ереван : Издательство АН АрмССР, 1981. – 181 с. – Текст : непосредственный.
11. Армавир / А. Н. Гончарова, В. И. Гончаров, В. Б. Боргилова [и др.]. – Краснодар : Книжное издательство, 1983. – 142 с. – Текст : непосредственный.
12. Виноградов, В. Б. Страницы истории Средней Кубани / В. Б. Виноградов. – Армавир : АИПП, 1993. – 103 с. – Текст : непосредственный.
13. Виноградов, В. Б. Топонимия Средней Кубани / В. Б. Виноградов. – Армавир, 1993. – 72 с. – Текст : непосредственный.
14. Виноградов, В. Б. Из истории Старой Станицы – Прочноокопской / В. Б. Виноградов. – Армавир, 1994. – 21 с. – Текст : непосредственный.
15. Виноградов, В. Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения) : книга историко-культурных регионоведческих очерков / В. Б. Виноградов. – Армавир, 1995. – 149 с. – Текст : непосредственный.
16. Соловьев, В. А. Суворов на Кубани, 1778–1793 / В. А. Соловьев. – 2-е изд., испр. и доп. – Краснодар : Книжное издательство, 1992. – 250 с. – Текст : непосредственный.
17. Скиба, К. В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской Линии / К. В. Скиба. – Армавир : Армавирское полиграфпредприятие, 2005. – 123 с. – Текст : непосредственный.
18. Царева, Л. С. Социально-экономическая и бытовая повседневность станиц Новой Линии в 1840–1917 гг. (на примере костюма) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Царева Луиза Сергеевна. – Славянск-на-Кубани, 2012. – 28 с. – Текст : непосредственный.
19. Телепень, С. В. Заметки о казаках-линейцах (в помощь любителям истории) / С. В. Телепень, В. Б. Виноградов. – Армавир : АИПП, 1994. – 32 с. – Текст : непосредственный.
20. Троицкий, В. Григорий Христофорович Засс – основатель Армавира и Лабинской линии / В. Троицкий. – Краснодар : Диапазон-В, 2011. – 150 с. – Текст : непосредственный.
21. Колесников, В. А. Станицы Ставрополя. Историко-статистический и топонимический справочник (последняя треть XVIII в. – 1917 г.) / В. А. Колесников. – М. : Издательство Надыршин А.Г., 2012. – 352 с. – Текст : непосредственный.
22. Селиверстов, А. Все храмы края: иллюстрированная история всех храмов Краснодарского края : в 2 томах / А. Селиверстов. – Краснодар : Традиция, 2016–2020. – Текст : непосредственный.
23. Ктиторов, С. Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918 гг.) / С. Н. Ктиторов. – Армавир, 2002. – 383 с. – Текст : непосредственный.

24. Ктиторov, С. Н. Лики старого Армавира. Кубанское селение на почтовой открытке начала XX века / С. Н. Ктиторov. – Краснодар : Платонов, 2010. – 127 с. – Текст : непосредственный.
25. Ктиторov, С. Н. Этнические сообщества предкавказского города: проблемы адаптации и идентичности (вторая половина XIX – начало XX века) / С. Н. Ктиторov. – Армавир : Дизайн-студия Б, 2014. – 374 с. – Текст : непосредственный.
26. Ктиторov, С. Н. Объекты культурного наследия народов Кубани в исторической среде города Армавира / С. Н. Ктиторov. – Армавир : Редакция газеты «Армавирский собеседник» Подразделение Армавирская типография, 2016. – 380 с. – Текст : непосредственный.
27. Ктиторov, С. Н. Городские экскурсии в образовательном и воспитательном процессах в условиях Армавира : учебно-методическое пособие / С. Н. Ктиторov. – Армавир : ИП Шурыгин В.Е., 2022. – 184 с. – Текст : непосредственный.
28. Шаповалова, Е. В. Память сердца: к 210-летию основания Старой Станицы : сборник / Е. В. Шаповалова, Н. В. Лазебная. – Армавир, 2004. – 72 с. – Текст : непосредственный.
29. Землякам о родном хуторе. История Красной Поляны / М. А. Плешивцева [и др.]. – Армавир, 2008. – 120 с. – Текст : непосредственный.
30. Литовченко, Н. Страницы истории Новокубанского района / Н. Литовченко. – Армавир : Редакция газеты «Армавирский собеседник» Подразделение Армавирская типография, 2016. – 650 с. – Текст : непосредственный.
31. Жданова, Л. А. Купеческая усадьба в социокультурном ландшафте региона: на примере Кубани / Л. А. Жданова. – М. : URSS: ЛЕНАНД, 2018. – 195 с. – Текст : непосредственный.
32. Серова, М. И. «Своей судьбой гордимся мы...»: «первенцы свободы» и «прикосновенные» к ним декабристы в Кубанской ссылке / М. И. Серова, Б. А. Трехбратов. – Краснодар : Традиция, 2008. – 190 с. – Текст : непосредственный.
33. Приймак, Ю. В. Армавир 42. Битва за переправы. 03–08.08.1942 г. / Ю. В. Приймак. – М. : Перо, 2022. – 184 с. – Текст : непосредственный.
34. Виноградов, В. Б. К истории археологического изучения Армавира и его округа / В. Б. Виноградов, Е. И. Нарожный. – Текст : непосредственный // Вторая кубанская археологическая конференция : тезисы докладов / ответственный редактор И. И. Марченко. – Краснодар, 1993. – С. 15–17.
35. Нарожный, Е. И. К истории изучения археологических памятников города Армавира – погребение эпохи бронзы (по архивным материалам краеведа Н. И. Навротского) / Е. И. Нарожный. – Текст : непосредственный // Древности Кубани. Выпуск 25. – Краснодар : Кубаньпроектресурс, 2022. – С. 172–184.
36. Анфимов, Н. В. Катакомбные погребения Прочноокопского могильника / Н. В. Анфимов. – Текст : непосредственный // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1988. – С. 51–56.
37. Лопатин, А. П. Еще раз о могильнике 3-го Прочноокопского городища / А. П. Лопатин. – Текст : непосредственный // Прочноокопский историко-культурный многоугольник : материалы конференции (сентябрь 1994 г.) / под редакцией В. Б. Виноградова. – Армавир, 1994. – С. 40–41.
38. Лопатин, А. П. Грунтовый могильник Прочноокопского городища № 3 Новокубанского района / А. П. Лопатин, Т. Е. Лопатина. – Текст : непосредственный // Первая Абхазская международная археологическая конференция : материалы конференции. – Сухум, 2006. – С. 236–237.

39. Березин, С. Я. Раскопки могильника 3-го Прочноокопского городища в 2005 году / С. Я. Березин, Я. Б. Березин. – Текст : непосредственный // Археологический журнал. – 2007. – № 1. – С. 43–52.
40. Каменецкий, И. С. История изучения меотов / И. С. Каменецкий. – М. : ТАУС, 2011. – 384 с. – Текст : непосредственный.
41. Анфимов, Н. В. Средневековые селища Правобережья р. Кубани (Ставропольское плато) / Н. В. Анфимов. – Текст : непосредственный // XII Крупновские чтения : тезисы докладов. – М., 1982. – С. 63–64.
42. Биджиев, Х. Х. Исследование болгарских поселений степного Предкавказья в 1982–1983 гг. (итоги археологических раскопок) / Х. Х. Биджиев. – Текст : непосредственный // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1985. – С. 5–34.
43. Биджиев, Х. Х. Исследование средневековых поселений Карачаево-Черкесии и степного Предкавказья в 1985–1986 гг. / Х. Х. Биджиев. – Текст : непосредственный // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1989. – С. 6–46.
44. Иванов, А. А. Охранные археологические исследования в Новокубанском и Успенском районах Краснодарского края в 2014 г. / А. А. Иванов, Е. И. Нарожный, С. Л. Соловьев. – Текст : непосредственный // Бюллетень ИИМК РАН / ответственный редактор, составитель Н. Ф. Соловьева. – СПб. : ИИМК, 2015. – С. 163–192.

REFERENCES

1. Hlynina T. P. Istoricheskaya regionalistika: osnovnye koncepty i problemy disciplinarnogo rosta [Historical regionalism: basic concepts and problems of disciplinary growth]. *Bylye gody*, 2010, no. 3 (17), pp. 71–78. (In Russian).
2. Regional'naya istoriya glazami ee sozitatelej: materialy ekspress-oprosa [Regional history through the eyes of its creators: materials of an express survey]. *Bylye gody*, 2010, no. 3 (17), pp. 61–70. (In Russian).
3. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar'* [Theory and methodology of historical science. Terminology dictionary], otv. red. A. O. Chubar'yan. M.: Akvilon, 2014. 576 p. (In Russian).
4. Zakon Krasnodarskogo kraja ot 21 dekabrya 2018 g. no. 3930-KZ "O Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Krasnodarskogo kraja do 2030 goda" [About the Strategy of socio-economic development of the Krasnodar Territory until 2030]. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/772/7728651dffadfd0bd37a29408449ae36.pdf>. (In Russian).
5. Shcherbina F. A. *Istoriya Kubanskogo kazach'ego vojska* [History of the Kuban Cossack Army]. Ekaterinodar: tip. Kuban. obl. pravl., 1910–1913. 2 t. T. 2: Istoriya vojny kazakov s zakubanskimi gorcami: s voenno-istoricheskoy kartoj Kubanskoj oblasti za vremya s 1800 po 1860 gody. 1913, IV, 848 p., 25 l. il., k. (In Russian).
6. Shcherbina F. A. *Istoriya Armavira i cherkeso-gaev* [The history of Armavir and cherkeso-gaev]. Ekaterinodar: Pechatnik, 1916. 192 p. (In Russian).
7. Vyrodov B. L. *Kolesnikov Vladimir Prokofievich (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Vladimir Prokofievich Kolesnikov (on the 70th anniversary of his birth)]. Armavir. Pamyatniki istorii i kul'tury. Armavir: KUP, 1972. 19 p. (In Russian).
8. Vyrodov B. L. *Dekabristy i Srednyaya Kuban'* [The Decembrists and the Middle Kuban]. Seriya "Prakticheskie opyty regionovedeniya". Vyp. 1, sostavitel' S. V. Popova. Armavir, 1994. 51 p.

9. Arakelov R. K. *Oчерki toponimii Armavira i ego okrestnostej* [Essays on toponymy of Armavir and its environs]. Armavir: Armavirskoe poligrafpredpriyatie, 2004. 39 p. (In Russian).
10. Pogosyan L. A. *Armyanskaya koloniya Armavira* [Armenian colony of Armavir]. Erevan: Izd-vo AN ArmSSR, 1981. 181 p. (In Russian).
11. Goncharova A. N., Goncharov V. I., Borgilova V. B. i dr. *Armavir*. Krasnodar: Kn. izd-vo, 1983. 142 p. (In Russian).
12. Vinogradov V. B. *Stranicy istorii Srednej Kubani* [Pages of the history of the Middle Kuban]. Armavir: AIPP, 1993. 103 p. (In Russian).
13. Vinogradov V. B. *Toponimiya Srednej Kubani* [Toponymy of the Middle Kuban]. Armavir, 1993. 72 p. (In Russian).
14. Vinogradov V. B. *Iz istorii Staroj Stanicy – Prochnookopskoj* [From the history of the Old Stanitsa – Prochnookopskaya]. Armavir, 1994. 21 p. (In Russian).
15. Vinogradov V. B. *Srednyaya Kuban': zemlyaki i sosedi* (formirovanie tradicionnogo sostava naseleniya): *Kniga istoriko-kul'turnyh regionovedcheskih oчерkov* [Srednaya Kuban: fellow countrymen and neighbors]. Armavir, 1995. 149 p. (In Russian).
16. Solov'ev V. A. *Suvorov na Kubani, 1778–1793* [Suvorov in the Kuban, 1778–1793]. Izdanie 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe. Krasnodar: Knizhnoe izdatel'stvo, 1992. 250 p. (In Russian).
17. Skiba K. V. *Iz istorii "Maloj Kavkazskoj vojny" na Kubanskoj Linii* [From the history of the "Little Caucasian War" on the Kuban Line]. Armavir: Armavirskoe poligrafpredpriyatie, 2005. 123 p. (In Russian).
18. Careva L. S. *Social'no-ekonomicheskaya i bytovaya povsednevnost' stanic Novoj Linii v 1840–1917 gg. (na primere kostyuma)* [Socio-economic and everyday life of the villages of the New Line in 1840–1917 (using the example of a suit)]. Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. Slavyansk-na-Kubani, 2012. 28 p. (In Russian).
19. Telepen' S. V., Vinogradov V. B. *Zametki o kazakah-linejcah (v pomoshch' lyubitelyam istorii)* [Notes about the Cossacks-linemen]. Armavir: AIPP, 1994. 32 p. (In Russian).
20. Troickij V. *Grigorij Hristoforovich Zass – osnovatel' Armavira i Labinskoj linii* [Grigory Hristoforovich Zass – founder of Armavir and the Labinsk line]. Krasnodar: Diapazon-V, 2011. 150 p. (In Russian).
21. Kolesnikov V. A. *Stanicy Stavropol'ya. Istoriko-statisticheskij i toponimicheskij spravochnik (poslednyaya tret' XVIII v. – 1917 g.)* [The villages of Stavropol. Historical-statistical and toponymic directory (the last third of the XVIII century – 1917)]. M.: Izd. Nadyrshin A.G., 2012. 352 p. (In Russian).
22. Seliverstov A. *Vse hramy kraja: illyustrirovannaya istoriya vseh hramov Krasnodarskogo kraja* [All the temples of the region: an illustrated history of all the temples of the Krasnodar Territory], v 2 t. T. 1. Krasnodar: Tradiciya, 2016, 334 p.; T. 2. Krasnodar: Tradiciya, 2020. 336 p. (In Russian).
23. Ktitorov S. N. *Istoriya Armavira (dosovetskij period: 1839–1918 gg.)* [History of Armavir (pre-Soviet period: 1839–1918)]. Armavir, 2002. 383 p. (In Russian).
24. Ktitorov S. N. *Liki starogo Armavira. Kubanskoe selenie na pochtovoj otkrytke nachala XX veka* [The faces of old Armavir. Kuban village on a postcard of the beginning of the XX century]. Krasnodar: Platonov, 2010. 127 p. (In Russian).
25. Ktitorov S. N. *Etnicheskie soobshchestva predkavkazskogo goroda: problemy adaptacii i identichnosti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Ethnic communities of the pre-Caucasian city: problems of adaptation and identity (the second half of the XIX – beginning of the XX century)]. Armavir: Dizajn-studiya B, 2014. 374 p. (In Russian).

26. Ktitorov S. N. *Ob"ekty kul'turnogo naslediya narodov Kubani v istoricheskoy srede goroda Armavira* [Objects of cultural heritage of the peoples of the Kuban in the historical environment of the city of Armavir]. Armavir: OOO Redakciya gazety "Arnavirskij sobesednik" podrazdelenie Armavirskaya tipografiya, 2016. 380 p. (In Russian).
27. Ktitorov S. N. *Gorodskie ekskursii v obrazovatel'-nom i vospitatel'-nom processah v usloviyah Armavira: uchebno-metodicheskoe posobie* [City excursions in educational and educational processes in the conditions of Armavir]. Armavir: IP Shurygin V.E., 2022. 184 p. (In Russian).
28. Shapovalova E. V., Lazebnaya N. V. *Pamyat' serdca: k 210-letiyu osnovaniya Staroj Stanicy* [Memory of the heart: to the 210th anniversary of the founding of the Old Village]: sbornik. Armavir, 2004. 72 p. (In Russian).
29. Pleshivceva M. A. i dr. *Zemlyakam o rodnom hutore. Istoriya Krasnoj Polyany* [To fellow countrymen about their native farm. The history of Krasnaya Polyana]: sbornik. Armavir, 2008. 120 p. (In Russian).
30. Litovchenko N. *Stranicy istorii Novokubanskogo rajona* [Pages of the history of the Novokubansky district]. Armavir: OOO Redakciya gazety "Arnavirskij sobesednik" podrazdelenie Armavirskaya tipografiya, 2016. 650 p. (In Russian).
31. Zhdanova L. A. *Kupecheskaya usad'ba v sociokul'turnom landshafte regiona: na primere Kubani* [Merchant's estate in the socio-cultural landscape of the region: on the example of Kuban]. M.: URSS: LENAND, 2018. 195 p. (In Russian).
32. Serova M. I., Trekhbratov B. A. *"Svoej sud'boj gordimsya my...": "pervency svobody" i "prikosnovennyye" k nim dekabristy v Kubanskoj ssylke* ["We are proud of our fate...": "the firstborn of freedom" and the Decembrists who "touched" them in the Kuban exile]. Krasnodar: Tradiciya, 2008. 190 p. (In Russian).
33. Prijmak Yu. V. *Armavir 42. Bitva za perepravu. 03–08.08.1942 g.* [Armavir 42. The battle for the crossings. 03–08.08.1942]. M.: Pero, 2022. 184 p. (In Russian).
34. Vinogradov V. B., Narozhnyj E. I. *K istorii arheologicheskogo izucheniya Armavira i ego okrugov* [On the history of the archaeological study of Armavir and its surroundings]. Vtoraya kubanskaya arheologicheskaya konferenciya: tezisy dokladov, otv. red. I. I. Marchenko. Krasnodar, 1993. Pp. 15–17. (In Russian).
35. Narozhnyj E. I. *K istorii izucheniya arheologicheskikh pamyatnikov goroda Armavira – pogrebenie epohi bronzy (po arhivnym materialam kraevedy N.I. Navrotskogo)* [On the history of the study of the archaeological monuments of the city of Armavir – the burial of the Bronze Age (according to archival materials of local historian N.I. Navrotsky)]. *Drevnosti Kubani*. Vyp. 25. Krasnodar: Kuban'proektresurs, 2022. Pp. 172–184. (In Russian).
36. Anfimov N. V. *Katakombnye pogrebeniya Prochnookopskogo mogil'nika* [Catacomb burials of the Prochnookopsky burial ground]. Metodika issledovaniya i interpretaciya arheologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza. Ordzhonikidze, 1988. Pp. 51–56. (In Russian).
37. Lopatin A. P. *Eshche raz o mogil'nike 3-go Prochnookopskogo gorodishcha* [Once again about the burial ground of the 3rd Prochnookopsky settlement]. Prochnookopskij istoriko-kul'turnyj mnogougol'nik: materialy konferencii (sentyabr 1994 g.), pod red. V. B. Vinogradova. Armavir, 1994. Pp. 40–41. (In Russian).
38. Lopatin A. P., Lopatina T. E. *Gruntovyy mogil'nik Prochnookopskogo gorodishcha no. 3 Novokubanskogo rajona* [The ground burial ground of the Prochnookopsky settlement No. 3 of the Novokubansky district]. Pervaya Abhazskaya mezhdunarodnaya arheologicheskaya konferenciya: materialy konferencii. Suhum, 2006. Pp. 236–237. (In Russian).

39. Berezin S. Ya., Berezin Ya. B. Raskopki mogil'nika 3-go Prochnookopskogo gorodishcha v 2005 godu [Excavations of the burial ground of the 3rd Prochnookopsky settlement in 2005]. *Arheologicheskij zhurnal*, 2007, no. 1, pp. 43–52. (In Russian).

40. Kameneckij I. S. *Istoriya izucheniya meotov* [History of the study of meats]. M.: TAUS, 2011. 384 p. (In Russian).

41. Anfimov N. V. *Srednevekoveye selishcha Pravoberezh'ya r. Kubani (Stavropol'skoe plato)* [Medieval villages on the Right Bank of the Kuban River (Stavropol plateau)]. XII Krupnovskie chteniya: tezisy dokladov. M., 1982. Pp. 63–64. (In Russian).

42. Bidzhiev H. H. *Issledovanie bolgarskih poselenij stepnogo Predkavkaz'ya v 1982–1983 gg. (itogi arheologicheskikh raskopok)* [Research of Bulgarian settlements of the steppe Pre-Caucasus in 1982–1983]. Problemy arheologii i istoricheskoy etnografii Karachaevo-Cherkessii. Cherkessk, 1985. Pp. 5–34. (In Russian).

43. Bidzhiev H. H. *Issledovanie srednevekovykh poselenij Karachaevo-Cherkessii i stepnogo Predkavkaz'ya v 1985–1986 gg.* [The study of medieval settlements of Karachay-Cherkessia and the steppe Pre-Caucasus in 1985–1986]. Voprosy arheologii i srednevekovoy istorii Karachaevo-Cherkessii. Cherkessk, 1989. Pp. 6–46. (In Russian).

44. Ivanov A. A., Narozhnyj E. I., Solov'ev S. L. Ohrannye arheologicheskie issledovaniya v Novokubanskom i Uspenskom rajonah Krasnodarskogo kraja v 2014 g. [Conservation archaeological research in Novokubansky and Uspensky districts of Krasnodar Krai in 2014]. *Byulleten' IIMK RAN*, otv. red., sostavitel' N. F. Solov'eva. SPb.: IIMK. Pp. 163–192. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Грицких, И. В. Исторические объекты округа Армавира: модель просветительского экскурсионного маршрута / И. В. Грицких, С. Н. Ктиторов, А. Л. Пелих. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 105–118.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gritskikh I. V., Ktitorov S. N., Pelikh A. L. Historical Objects of the Armavir City District: a Model of an Educational Excursion Route / I. V. Gritskikh, S. N. Ktitorov, A. L. Pelikh // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 105–118. (In Russian).

УДК 93/94

ЕЩЕ РАЗ О КОЛХИДО-КОБАНСКИХ БРОНЗАХ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

С.Л. Дударев

ONCE AGAIN ABOUT THE COLCHID-KOBAN BRONZES IN EASTERN EUROPE

S.L. Dudarev

Аннотация. Тема распространения колхидо-кобанских бронз в Восточной Европе давно интересует как отечественных, так и зарубежных ученых (Франц Ганчар, Ванда Зоммерфельд, С.И. Магура, Н.М. Макаренко, Т. Сулимирский, А.А. Иессен, Е.И. Крупнов, А.Х. Халиков, А.И. Тереножкин, М.Н. Погребова и Д.С. Раевский, С.Л. Дударев, С.В. Махортых и др.). В связи с новыми находками бронзовых топоров, имеющих аналогии в памятниках колхидской и кобанской культур, на Харьковщине в конце 2010-х гг., автор вновь касается интерпретации находок подобного типа в Восточной Европе. Мы полагаем, что Северный Кавказ (как и Кавказ в целом) имел постоянные связи и даже прямые контакты с Северным Причерноморьем и всем восточноевропейским ареалом. Питательной средой и стимулом для таковых являлись киммерийские и скифские походы на Северный Кавказ и в области, лежавшие к югу за Главным Кавказским хребтом. Кавказские предметы из бронзы могли как выполнять свое утилитарное назначение, так и являться металлическим ломом для местных мастеров-литейщиков.

Abstract. The topic of the distribution of Colchis-Koban bronzes in Eastern Europe has long been of interest to both domestic and foreign scientists (Franz Ganchar, Wanda Sommerfeld, S.I. Magura, N.M. Makarenko, T. Sulimirsky, A.A. Jessen, E.I. Krupnov, A.Kh. Khalikov, A.I. Terenozhkin, M.N. Pogrebova, and D.S. Raevsky, S.L. Dudarev, S.V. Makhortykh, and others). In connection with new finds of bronze axes, which have analogies in the monuments of the Colchis and Koban cultures, in the Kharkiv region in the late 2010s, the author again touches on the interpretation of finds of this type in Eastern Europe. We believe that the North Caucasus (as well as the Caucasus as a whole) had constant connections and even direct contacts with the Northern Black Sea region and the entire Eastern European area. The Cimmerian and Scythian campaigns in the North Caucasus and in the regions lying to the south behind the Main Caucasian Range were the nutrient medium and stimulus for those. Caucasian bronze objects could both fulfill their utilitarian purpose and be scrap metal for local foundry masters.

Ключевые слова: бронзовые топоры колхидского и кобанского типов, бронзовые сосуды-ситулы, бронзовые гравированные кавказские пояса, Жаботинское поселение, Залевкинский клад, Старший Ахмыловский и Пустоморквашинский могильники.

Keywords: bronze axes of the Colchis and Koban types, bronze situla vessels, bronze engraved Caucasian belts, the Zhabotinsky settlement, the Zalevsk treasure, the Senior Akhmylov and Pustomorkvashinsky burial grounds.

Тема распространения колхидо-кобанских бронз в Северном Причерноморье давно интересует как отечественных, так и зарубежных ученых. Последние зафиксировали некоторые из указанных находок даже чуть раньше. Так, Франц Ганчар, еще в начале 1930-х гг. издал работу о кобанских топорах из венского собрания, некоторые из которых происходят с территории Украины, и картографировал их [19, s. 12, t. 1]. Несколько позднее, в «дальнем зарубежье», в печати появились другие категории кавказских находок, получивших, однако, при издании иную, нежели кобанская, культурную интерпретацию. Так, Ванда Зоммерфельд издала в Варшаве бронзовые сосуды с территории Украины, отнесенные ею к гальштатским [20]. По отношению к достаточно крупной бронзовой ситуде диаметром 32 см [20, с. 308, рис. 1] это было неверно, поскольку она входит, как ныне известно, в число бронзовых сосудов кобанского типа из центральной и западной частей Кавказа. Но тогда накопление соответствующих знаний было еще в самом начале, и не удивительно, что украинские советские авторы С.И. Магура и Н.М. Макаренко также считали, что подобные сосуды из с. Жаботин имеют гальштатское происхождение [11, с. 130]. Позднее, в начале 1960-х гг. Тадеуш Сулимирский издал дважды изогнутый орнаментированный топор кобанского типа, найденный под Винницей [21]. При этом он опубликовал и другой экземпляр бронзового топора, который ныне полностью издан в составе других кавказских бронз, хранящихся в Британском музее (№ 132619), специалистами из этого учреждения [18, р. 38–39, 114]. Это орнаментированный клиновидный топор колхидского типа. О нем Ф. Ганчар писал, что находка была приобретена в 1959 г. и происходит, очевидно, из Кобани, но сам же рядом указал название района происхождения так, как, видимо, было записано в легенде к топору – Kuban-Transcaucasia, т. е. Кубань-Закавказье. Иными словами, район был указан совершенно приблизительно и не исключал как Кубани, так и Закавказья (но совсем не Кобани, как таковой). Одновременно заметим, что если в Закавказье такие топоры не редкость (колхидские древности) [см., например: 1; 2, с. 58–89], то на Кубани известен лишь один гравированный бронзовый топор кобанского типа с дважды изогнутым корпусом из станицы Вознесенской Лабинского района, опубликованный совсем недавно А.Л. Пелихом и А.Ю. Скаковым (Краткие сообщения Института археологии РАН, вып. 267, 2022, с. 78, рис. 3).

С другой стороны, отечественные специалисты проявили интерес к кобанским бронзам в Восточной Европе почти одновременно с представителями Запада. Так, А.А. Иессен перечислял находки кобанских топоров, найденные западнее Дона еще в середине 1930-х гг., а потом обращался к ним в конце 1940-х.: Купянск, Лубны, Киев и др. [8, с. 165; 9, с. 30, рис. 3]. О том, что ученый выявлял указанные находки севернее основной территории их распространения, говорит и тот факт, что сведения о них хранятся и в архиве А.А. Иессена «Дон-1», л. 460 [4, с. 6, прим. 30].

Постепенно назревала необходимость осмысления всего имевшегося фонда материалов колхидо-кобанского типа из Северного Причерноморья и шире, Восточной Европы. Еще в 1960 г. Е.И. Крупнов связывал ряд бронзовых

сосудов с территории Украины с кавказскими находками (Жемтала, Пятигорск, Лечхуми и др.) и полагал, что прослеженные им особенности обработки цветных металлов свойственны широкому киммерийско-кавказскому культурному миру [11, с. 129].

В 1970-х гг. А.Х. Халиков описал и опубликовал ранее выявленные находки колхидо-кобанских бронзовых топоров в Волго-Камье, обнаружив им аналогии в Тли, Сурмуши, Гудаутском районе Абхазии и др. [17, с. 181].

Параллельно интересующая нас тема была затронута в книге А.И. Тереножкина «Киммерийцы» [15], в которой ученый указал на ряд находок кавказских бронз на территории Украины: бронзовые топоры колхидского типа из Аккермана (Белгорода-Днестровского) (о них ранее упоминал Т. Сулимирский), кобанские бронзовые ситулы с поселения у с. Жаботин, бронзовые украшения, миска и т. д. кобанских типов из Залевкинского клада, бронзовая булавка из с. Хмельны и др. [15, с. 34, рис. 8; с. 72, рис. 37, 1-2; с. 74, рис. 40; с. 97, рис. 60, 1].

В 1979 г. мы выступили с попыткой обобщения, основанной на сделанной нами подборке бронзовых топоров колхидо-кобанских типов, а также бронзовых сосудов, найденных в целом в Восточной Европе (включая территории не только Украины и Молдавии, но и Нижнего Дона, Волго-Камья и др.), определив хронологические рамки бытования здесь указанных категорий находок и приведя им аналогии из памятников Центрального Предкавказья, Абхазии, Западной Грузии [3].

В 1980-е – начале 1990-х гг. М.Н. Погребова и Д.С. Раевский, интерпретируя находки бронз южного происхождения в Волго-Камье (фрагменты бронзовых поясов) из Старшего Ахмыловского и Пустоморквашинского могильников, связали их происхождение с древностями кобано-колхидского, восточно-закавказского и урартийского круга, полагая, что они попали сюда в результате миграции т. н. геродотовых «отложившихся» скифов [14, с. 195–224].

В конце 1990-х гг. рассмотрением причин появления колхидо-кобанских бронз, выявленных на территории Левобережной Украины, занялся С.В. Махортых. Он коснулся не только хронологического и морфологического аспекта их анализа, удревнив появление кобанских бронз на территории современной Украины до конца II – начала I тыс. до н. э. Ученый, вслед за рядом авторов, утверждал, что появление указанных бронзовых предметов было связано с деятельностью киммерийцев, а также внес в изучаемый вопрос новый аспект, предположив, что импорт бронзовых изделий с Кавказа был связан с упадком металлообработки в позднем бронзовом веке в Карпато-Подунавье и Северном Причерноморье [13, с. 23–24].

В 1999 г. мы пришли к выводу о том, что значительная часть кавказского импорта в Восточной Европе относится к VIII–VII вв. до н. э. и может быть связана с киммерийскими походами в Закавказье и Западную Азию [5, с. 162].

Не будем здесь касаться ряда более поздних работ, в которых рассматривались связи Северного Кавказа с Волго-Камьем, поскольку эта тема, хотя и очень близка к рассматриваемой, но имеет собственную историографию. Укажем только, что нами и ранее и совсем недавно были прослежены новые

свидетельства о торговом обмене и прямых этнических контактах между двумя этими регионами [7]. Ныне ясно, что Северный Кавказ (как и Кавказ в целом) имели постоянные связи и даже прямые контакты с Северным Причерноморьем и всем восточноевропейским ареалом. Питательной средой и стимулом для таковых являлись киммерийские и скифские походы на Северный Кавказ и в области, лежавшие к югу за Главным Кавказским хребтом.

Новым свидетельством вывоза бронзовых изделий колхидо-кобанского типа в Северное Причерноморье, и в немалой степени, в украинскую Лесостепь с Кавказа является недавняя находка двух бронзовых топоров в Харьковской области, фотографии которых были выявлены автором на странице в YouTube от 15.10.20 с характерным названием «В поисках золота и старины»¹. В ролике сообщалось не только о территории происхождения предметов, но и их размеры и вес. Опишем названные топоры.

Они имели обух с приплюснутой гвоздевидной «пяткой», рельефные углубления на «щеках», расширяющихся в средней части, выделенную овальную проушину, полуовальное, оттянутое назад, лезвие, поврежденное у обоих образцов (рис. 1, 1-3). У более крупного экземпляра корпус имеет впереди характерный «угол», отделяющий проушную часть от лезвийной. Длина экземпляров соответственно 20 и 18 см, вес 633 и 534 г. Предметы обнаруживают ряд близких аналогий в памятниках предскифского времени Северного Кавказа, на южном склоне Центрального Кавказа и в Восточном Причерноморье (Новочеркасский клад 1939 г., рубеж VIII–VII вв. до н. э. [10, с. 51, рис. 1, 1]; «Кескемский» клад, конец VIII – начало VII в. до н. э. [6, с. 53, рис. 2]; погр. 4 могильника «Индустрия» № 1 (не позднее рубежа VIII–VII вв. до н. э.) [5, с. 376, рис. 148, 1]; гробница 3 могильника Терезе (вторая половина – конец VIII в. до н. э.) [12, с. 148, 87, табл. 18, 2], Жемталинский клад, конец VIII в. до н. э. [11, с. 128, 132; с. 437, табл. XV, 2]; Гальский клад (Абхазия) (вторая половина VIII–VII вв. до н. э. [1, с. 259, 264, рис. 2, 1-3]. Особенно много их в Тлийском могильнике, где они отнесены Б.В. Теховым к неорнаментированным образцам II типа. Ученый относил большинство из них к VII–VI вв. до н. э. [16, с. 35–55]. Однако особое внимание мы ранее обращали на экземпляр из тлийского погр. 40, входящий в указанную группу топоров, найденный в комплексе с трофейным урартским бронзовым поясом, который и служит диагностирующим в плане датировки данного типа топоров. Особенности посадки изображенных на нем всадников сближены нами с манерой сидеть верхом на лошади у конников с ассирийских дворцовых ортостатов времен Шарру-кина (Саргона) II (722–705 гг. до н. э.) [5, с. 165].

В свое время мы пришли к выводу, что большинство указанных топоров с описанными морфологическими чертами бытуют в Предкавказье в конце VIII – начале VII в. до н. э. [5, с. 167]. Полагаем, что новые находки

¹ Сам этот факт является еще одним свидетельством бурной деятельности «коллекционеров-копателей», которая, к сожалению, приобрела на просторах постсоветского пространства широкий размах.

с Харьковщины входят в тот же временной диапазон. К сказанному можно добавить, что вся совокупность бронзовых предметов колхидо-кобанских типов с территории Северного Причерноморья выполняла, возможно, соответствующее утилитарное назначение в быту. Другое ее назначение – металлический лом для изготовления тех категорий бронзовых предметов, которые были более привычны для употребления жителями указанного ареала.

**Рис. 1 – Бронзовые топоры кобанского типа
из Харьковской области (Украина)**

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронов, Ю. Н. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии / Ю. Н. Воронов, Н. Н. Гунба. – Текст : непосредственный // Советская археология. – 1978. – № 2. – С. 257–264.
2. Воронов, Ю. Н. Научное наследие : в 7 томах. Том 1 / Ю. Н. Воронов. – Сухум : Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии, 2006. – 456 с. – Текст : непосредственный.
3. Дударев, С. Л. К вопросу о колхидо-кобанском импорте в Восточной Европе / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы : тезисы докладов конференции, 3–6 декабря 1979 г. – Донецк, 1979. – С. 95–97.
4. Дударев, С. Л. Новые данные о связях Центрального Предкавказья с Поволжьем в эпоху раннего железа / С. Л. Дударев, В. А. Фоменко. – Армавир, 1996. – 16 с. – Текст : непосредственный.
5. Дударев, С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху / С. Л. Дударев. – Армавир, 1999. – 400 с. – Текст : непосредственный.
6. Дударев, С. Л. «Кескемский» клад бронзовых предметов / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Сборник научных работ С.Л. Дударева. – М. : Илекса, 2011. – С. 51–60.
7. Дударев, С. Л. Еще раз о связях Северного Кавказа с Волго-Камьем в эпоху раннего железа / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения : материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции (г. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г.). – Махачкала : Мавраевъ, 2020. – С. 215–217.
8. Иессен, А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе / А. А. Иессен. – Текст : непосредственный // Известия ГАИМК. – Выпуск 120. – М.–Л., 1935.
9. Иессен, А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья / А. А. Иессен. – Л., 1947. – 90 с. – Текст : непосредственный.
10. Иессен, А. А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР / А. А. Иессен. – Текст : непосредственный // Советская археология. – 1953. – № 18. – С. 49–110.
11. Крупнов, Е. И. Древняя история Северного Кавказа / Е. И. Крупнов. – М. : Издательство АН СССР, 1960. – 519 с. – Текст : непосредственный.
12. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск V: Козенкова В. И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII – VIII в. до н. э. – М. : Памятники исторической мысли, 2004. – 220 с. – Текст : непосредственный.
13. Махортых, С. В. О северокавказских бронзах X–VIII вв. до н. э. с Левобережной Украины / С. В. Махортых. – Текст : непосредственный // Археологічний літопис Лівобережної України. – 1998. – № 1-2. – С. 23–25.
14. Погребова, М. Н. Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры / М. Н. Погребова, Д. С. Раевский. – М. : Наука, 1992. – 260 с. – Текст : непосредственный.

15. Тереножкин, А. И. Киммерийцы / А. И. Тереножкин. – Киев : Наукова думка, 1976. – 223 с. – Текст : непосредственный.
16. Техов, Б. В. Бронзовые топоры Тлийского могильника / Б. В. Техов. – Тбилиси, 1988. – 86 с. – Текст : непосредственный.
17. Халиков, А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VII вв. до н. э.) / А. Х. Халиков. – М., 1977. – 262 с. – Текст : непосредственный.
18. Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum. The British Museum Occasional Paper Number 121, 2002 / John Curtis and Mirosław Kruszyński. Appendix on Metallurgy by Alistar Pike / Drawings by Ann Searight. 128 p.
19. Hančar F. Die Beile aus Koban in der Sammlung Kaukasischer Altertümer / F. Hančar // Wiener prähistorische Zeitschrift, XXX, Wien, 1934.
20. Sommerfeld W. Naczynie miedziane halsztackie z Ukrainy / W. Sommerfeld // Światowit, tom XVII. Warszawa, 1938. Pp. 307–311.
21. Sulimirski T. Eine Kobaner Prachtaxt von Winniza (Ukraine) / T. Sulimirski // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien (Festschrift Franz Hančar). XCII, 1962. Pp. 271–296.

REFERENCES

1. Voronov Yu. N., Gunba N. N. Novye pamyatniki kolhidskoj kul'tury v Abhazii [New monuments of Colchis culture in Abkhazia]. *Sovetskay aarcheologia = Soviet archeology*, 1978, no. 2, pp. 257–264. (In Russian).
2. Voronov Yu. G. *Nauchnoe nasledie*. Tom 1. [Suhum Scientific legacy. Volume 1]. Sukhum: Abhazskij institute gumanitarnyh issledovanij AN Abhazii, 2006. 456 p. (In Russian).
3. Dudarev S. L. K voprosu o kolhido-kobanskom importe v Vostochnoj Evrope [On the issue of Colchis-Koban imports in Eastern Europe]. *Problemy epohi bronzы yuga Vostochnoj Evropy. Tezisy dokladov konferencii, 3–6 dekabrya 1979 g.* Doneck, 1979. Pp. 95–97. (In Russian).
4. Dudarev S. L., Fomenko V. A. *Novye dannye o svyazyah Central'nogo Predkavkaz'ya s Povolzh'em v epohu rannego zheleza* [New data on the links between the Central Ciscaucasia and the Volga region in the Early Iron Age]. Armavir, 1996. 16 p. (In Russian).
5. Dudarev S. L. *Vzaimootnosheniya plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo-Vostochnoj Evropy v predskifskuyu epohu* [Interactions of North Caucasus Tribes with Nomads Of South-Easte Europe in The Pre-Scythian Epoch]. Armavir, 1999. 400 p. (In Russian).
6. Dudarev S. L. "Keskemskij" klad bronzovyh predmetov ["Keskemsky" treasure of bronze objects]. *Sbornik nauchnyh rabot S.L. Dudareva*. M. : Ilekxa, 2011. Pp. 51–60. (In Russian).
7. Dudarev S. L. Eshcheraz o svyazyah Severnogo Kavkaza s Volgo-Kam'em v epohu rannego zheleza [Once again about the connections of the North Caucasus with the Volga-Kama in the Early Iron Age] // *Arheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sohraneniya. XXXI Krupnovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 50-letiyu Krupnovskih chteniy i 50-letiyu Derbentskoj arheologicheskoy ekspedicii. Mahachkala, 20–25 aprelya 2020 g.* Mahachkala : Mavraev", 2020. Pp. 215–217. (In Russian).
8. Iessen A. A. K voprosu o drevnejšej metallurgii medi na Kavkaze [On the question of the ancient metallurgy of copper in the Caucasus]. *Izvestiya GAIMK. Vypusk 120*. M.–L., 1935. (In Russian).

9. Iessen A. A. *Grecheskaya kolonizaciya Severnogo Prichernomor'ya* [Greek colonization of the Northern Black Sea region]. L., 1947. 90 p. (In Russian).

10. Iessen A. A. K voprosu o pamyatnikah VIII–VII vv. do n. e. na yuge Evropejskoj chasti SSSR [On the issue of monuments of the VIII–VII centuries BC in the south of the European part of the USSR]. *Sovetskaya archeologia = Soviet archeology*, 1953. XVIII, pp. 49–110. (In Russian).

11. Krupnov E. I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient history of the North Caucasus]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. 519 p. (In Russian).

12. Kozenkova V. I. *Biritualizm v pogrebal'nom obryade drevnih "kobancev". Mogil'nik Terezekonca XII–VIII v. do n. e.* (Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vypusk V) [Biritualism in the funeral rite of the ancient "Kobans". Teresa's burial ground of the end of the 12th–8th centuries BC (Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Issue V)]. – M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2004. 220 p. (In Russian).

13. Mahortyh S. V. O severokavkazskih bronzah X–VIII vv. do n. e. s Levoberezhnoj Ukrainy [On the North Caucasian bronzes of the X–VIII centuries BC from Left-bank Ukraine]. *Arheologichnij litopis Livoberezhnoï Ukraïny*, 1998, no. 1-2, pp. 23–25. (In Russian).

14. Pogrebova M. N., Raevskij D. S. *Rannieskifyi Drevnij Vostok. K istorii stanovleniya skifskoj kul'tury* [Early Scythians and the Ancient East. On the history of the formation of the Scythian culture]. M.: Nauka, 1992. 260 p. (In Russian).

15. Terenozhkin A. I. *Kimmerijcy* [Cimmerians]. Kiev: Naukova dumka, 1976. 223 p. (In Russian).

16. Tekhov B.V. *Bronzovye topory Tlijskogo mogil'nika* [Bronze axes of the Tlijsky burial ground]. Tbilisi, 1988. 86 p. (In Russian).

17. Halikov A. H. *Volgo-Kam'e v nachale epohi rannego zheleza* (VIII–VII vv. do n. e.) [Volga-Kamie at the beginning of the Early Iron Age (VIII–VII centuries BC)]. – M., 1977. 262 p. (In Russian).

18. Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum. *The British Museum Occasional Paper Number 121*, 2002. John Curtis and Mirosław Kruszyński. Appendix on Metallurgy by Alistar Pike / Drawings by Ann Searight. 128 p.

19. Hančar F. Die Beile aus Koban in der Sammlung Kaukasischer Altertümer. *Wiener prähistorische Zeitschrift*, Wien, 1934, XXX.

20. Sommerfeld W. Naczynie miedziane halsztackie z Ukrainy. *Światowit*, Warszawa, 1938, tom XVII, pp. 307–311.

21. Sulimirski T. Eine Kobaner Prachtaxt von Winniza (Ukraine). *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*, 1962, XCII, pp. 296–271 (Festschrift Fränz Hančar).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дударев, С. Л. Еще раз о колхидо-кобанских бронзах в Восточной Европе / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 119–126.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dudarev S. L. Once Again About the Colchid-Koban Bronzes in Eastern Europe / S. L. Dudarev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 119–126. (In Russian).

УДК 93.94

**СУБЪЕКТНОСТЬ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ОКРАИНЫ
В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ**

В.А. Матвеев

**NORTH CAUCASIAN PERIPHERY
AS A CONSTITUENT TERRITORY WITHIN THE RUSSIAN EMPIRE:
DIFFERENTIATING FEATURES**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье отображена ретроспективная реконструкция политики на окраинах отечественного Востока. Направленность она имела на сближение с центральными и иными государственными ареалами. Дискриминирующие подходы зарубежных практик отвергались. Оформлявшиеся российские инициативы, считает автор, имели преимущество, так как основополагающим для них служил критерий равноправного подданства. Несмотря на возникавшие отклонения, субъектность также устанавливалась с учетом необходимости получения такого результата. Достигавшееся солидарное взаимодействие в историческом процессе снижало риски обострения сохранявшихся межэтнических противоречий и возникновения за счет этого конфликтов. В соответствии с официальными установками выдерживалось одинаковое отношение к соотечественникам независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности. Такая политика проводилась и на Северном Кавказе.

Abstract. The article displays a retrospective reconstruction of politics in the outskirts of the domestic East. It was aimed at rapprochement with the central and other state areas. Discriminatory approaches of foreign practices were rejected. The Russian initiatives that were taking shape, the author believes, had an advantage, since the criterion of equal citizenship served as a fundamental criterion for them. Despite the deviations that arose, subjectivity was also established taking into account the need to obtain such a result. The achieved solidarity interaction in the historical process reduced the risks of exacerbation of the remaining interethnic contradictions and the emergence of conflicts due to this. In accordance with official guidelines, the same attitude was maintained towards compatriots, regardless of their ethnic and confessional affiliation. Such a policy was carried out in the North Caucasus as well.

Ключевые слова: административные преобразования, вертикаль власти, внутренняя самостоятельность, государственная субъектность, губернский статус, интегрирующее совмещение, неприкосновенность территорий, система управления, специфика областей, этнический фактор.

Keywords: administrative transformations, vertical of power, internal independence, state subjectivity, provincial status, integrating copulation, territorial integrity, system of governance, specificity of regions, ethnic factor.

Управление «большими территориями» для имперских образований, по сложившемуся признанию, всегда сопровождалось теми или иными затруднениями. Соответствующий зарубежный опыт содержит этому немало

подтверждений. Поиск особых подходов, отражавших этнодемографическую реальность периферии, из-за дискриминационных установок в проводимой политике при практическом применении не способствовал, как правило, преодолению состояния разделенности. К сближению правящие элиты метрополий не стремились. Поддержка проводимой ими политики оказывалась ограниченной. Российская практика устанавливаемых взаимоотношений с окраинами от других империй имела отличия. Основывалась она на намерении со временем достичь «слияния с остальными подданными» [1, л. 3–3-об]. Данная установка применялась и на Северном Кавказе. До установления российской юрисдикции расселение здесь на протяжении многих веков порождало острые конфликтные ситуации и «претензии одних народов к другим» [2, с. 55].

Территориальные споры неоднократно воспроизводили ситуации конфликтной напряженности и приводили к столкновениям. Из-за такого наследия при закреплении в государственных пределах России соотнесение административных и этнических границ в Кавказском крае явилось делом непростым, создававшим затруднения при реализации курса на преодоление локальной обособленности. Осуществлялся он с помощью соответствующих реформ. Отечественный опыт в сфере административной и территориальной организации для управления включавшейся в состав государства сопредельной иноэтнической периферии между тем во всей полноте остается не изученным. Преобладающим в нем все же, несмотря на отдельные отклонения, был конструктивный потенциал. Воссоздаваемые результаты проводившейся в прошлом российской политики позволят глубже понимать региональную специфику.

Обретение объективных знаний на этом направлении предоставляет возможность устранять из-за рецидивов территориальных разногласий вероятность возникновения межэтнических конфликтов. Сопоставления с опытом прошлого, безусловно, не дают прямые ответы на появляющиеся угрозы. Но они могут способствовать достижению понимания существующих реалий. Отдельные аспекты специфики складывания их при проведении административных преобразований на окраинах Российской империи с той или иной степенью обстоятельности получали освещение в специальных исследованиях. Проводились они и по Северному Кавказу [3]. Устанавливавшиеся преимущественно после «полного замирения края» с учетом этнической принадлежности разграничения для обеспечения удобств управления так же, как и в других частях Российской империи, имели сближающее предназначение. Нововведения так или иначе способствовали установлению государственной совмещенности.

Во второй половине XIX в. соединенность с центральными и периферийными российскими субъектами воспринял и Северный Кавказ. По аналогии с другими частями государства здесь были сформированы не только губернии, но и области, включавшие в свои границы особый состав населения [4, с. 161]. Тем самым были заложены основы функционирования «российской системы управления» [5, с. 146]. Создававшаяся субъектность служила первичным звеном преобразований, направленных на преодоление отчужденности. Предусматривалось это и при установлении различных контактных связей.

Административно-территориальными образованиями на Северном Кавказе являлись области. В их составе были выделены казачьи отделы и округа с иноэтническим населением. В соответствии с установившейся практикой в Российской империи наличие такой субъектности было характерно именно для окраин. Допускавшиеся в ряде случаев на некоторых из них объединения нескольких губерний приводили к установлению и более крупных административных единиц. Им присваивался статус генерал-губернаторств [4, с. 161]. Возглавлявшие их ставленники монарха наделялись не только гражданскими, но и военными полномочиями.

В слове «губерния» при сборе сведений о русских наречиях, диалектах и говорах В. Даль зафиксировал смысл, связанный с обозначением «области или большого округа... разделенного на уезды» [6, с. 405]. Имело оно латинское происхождение. Изначально термин указывал на особый порядок правления в той или иной римской провинции, а тот, кто был призван его поддерживать, назывался губернатором. В Российской империи уполномоченный верховной власти данного уровня также выступал непосредственным начальником вверенного ему субъекта. Данное должностное лицо рассматривалось в качестве блюстителя «неприкосновенности прав верховной власти, выгод государства и повсеместного исполнения законов, уставов, указов правительства и предписаний начальства» [7, с. 125].

Под областью понималась, согласно выявленных В.И. Далем толкований, обширная территория или даже «страна, земля, государство». В более узком значении применительно к административному делению российских окраин область выступала как «край под особым управлением, не названный губерниею». Но с ней отождествлялась и «вновь устраиваемая страна», имевшая «общее, совокупное в... духовном быту» [8, с. 593]. Области вместе с тем являлись административными единицами, имевшими отличие в некоторых аспектах от губерний [4, с. 161]. При их образовании учитывалась та или иная местная специфика. Генерал-губернаторствами являлись преимущественно «пограничные губернии», иногда «по три, по четыре» [6, с. 405], а в «Великом княжестве Финляндском» их насчитывалось восемь [4, с. 112].

В Российской империи таких образований существовало несколько. Кавказский край выделялся среди них по своим условиям. Территория его прилегала к внешней границе. Вариант административного обустройства северных пространств Кавказа прослеживается также в субъектности Степного генерал-губернаторства, включавшего Акмолинскую и Семипалатинскую области [4, с. 112]. Такое разделение во второй половине XIX в. в качестве опыта было внедрено и в Туркестанском крае, образованном после присоединения среднеазиатских «владений» к России. По цивилизационному тяготению к зарубежному Востоку эта часть империи имела наибольшее сходство с территориями расселения мусульман северокавказской окраины.

Туркестанское генерал-губернаторство состояло из Сырдарьинской и Ферганской областей, образованных соответственно в 1867 и 1876 гг.

При административном совмещении в составе Российской империи данные субъекты были созданы на территории упраздненного Кокандского ханства. В 1868 г. из земель Бухарского и Хивинского ханств создается Зеравшанский округ, преобразованный в 1887 г. в Самаркандскую область, а в 1873 г. – Амударьинский отдел [9, с. 7]. Изменения во внутреннем разграничении Туркестанского генерал-губернаторства происходили и в дальнейшем. В 1899 г. в него была включена созданная из прилегающих к морю пространств Закаспийская область, чем, собственно говоря, завершился процесс формирования обширного края [9, с. 7].

Входила в Туркестанское генерал-губернаторство и населенная в том числе русскими казаками Семиреченская область [4, с. 112]. Административный контроль над его территорией отличался разнообразием, зависевшим от конкретных условий. После завершения формирования Туркестанского края как особой субъектной единицы Бухара, к слову, оставалась де-юре в «состоянии протектората» с Россией, хотя могла быть включена в ее состав. При сохранении такого статуса учитывался и международный резонанс, прежде всего в странах зарубежного Востока [10, с. 52, 57]. Англия, разделившая Индию на британскую и туземную части [11, с. 30], в отношении некоторых государств последней также поддерживала протекторат [12, с. 237]. В первом случае административные территории находились под непосредственным управлением метрополии, во втором – были подчинены ее влиянию [13, с. 356].

Однако в Британской Индии в административном контроле над провинциями преобладали корыстные намерения английских служащих превратить их в подобие «коронных колоний» и навязать распорядки метрополии [14, с. 350]. В России выдерживалось бережное отношение к местным самобытным укладам. Вследствие этого в странах зарубежного Востока к политике ее на окраинах относились с симпатиями. Резкая ломка традиционных устоев в российских подходах к иноэтническим подданным не допускалась. С учетом особенностей при определении административных границ на Кавказе и в Туркестане предусматривались так же, как и в некоторых других генерал-губернаторствах, области, отделы, округа. Но в обустройстве этих окраин устанавливались не только централизующие связи, но и сохранялись различия [15, с. 35].

На северокавказской окраине предназначение областей, отделов, округ, в отличие от Туркестанского генерал-губернаторства, имело свою специфику. На ее формировании сказывались этнодемографический и цивилизационный факторы. В пространственной организации российской периферии, судя по всему, учитывалась применявшаяся практика в ряде стран зарубежного Востока. В административно-территориальном делении Османской империи, например, также существовали генерал-губернаторства (вилайеты), включавшие в свой состав провинции (лива), состоявшие из округ (каза) [16, с. 234]. В них объединялись сельские общины. Пространство Турции разграничивалось, кроме того, на губернаторства, санджаки и воеводства [16, с. 186].

Некоторые совпадения с российскими версиями обустройства иноэтнических территорий прослеживаются и в Китае. Провинции в этой восточной

империи разделялись на области, также состоявшие из округов и отделов. Они обладали относительной независимостью. Формой административной организации на местах служили уезды. Правительственная власть в китайских провинциях предоставлялась генерал-губернаторам [17, с. 59]. Взаимосвязанность между ними и ядром государственного пространства в преобладающей степени носила конфедеративный характер. Окраины в Китае (Маньчжурия, Монголия, Тибет и др.) сохраняли признаки разобщенности с центральными частями [18, с. 294]. В Российской империи она так или иначе преодолевалась.

Отражавший местную специфику субъектный статус территорий с особым составом населения не создавал препятствий для интеграции. Дифференцированность соблюдалась и в обустройстве имевших субэтнические отличия ответвлений русских славян. Формой административной организации казачества, как уже отмечалось, являлись области [5, с. 148]. На Северном Кавказе они были созданы для кубанского и терского войсковых сообществ. С утверждением же, что подданные края иной этнической и конфессиональной принадлежности «не имели органов самоуправления» [5, с. 148], нельзя согласиться. Централизация для всех окраин отечественного Востока вводилась с неукоснительным соблюдением неприкосновенности внутренних традиционных укладов и этнического быта. Устанавливалась разновидность статуса в своеобразном формате косвенной подчиненности.

А.А. Цуциев считает, что курс «на унификацию управления регионами империи» наметился лишь после восстания в Польше с 1831 г. Вооруженный конфликт в данном субъекте империи показал, по его мнению, «уязвимость позиций России в ее потенциально автономных... периферийных провинциях» [19, с. 19]. На Кавказе это привело, подытожил А.А. Цуциев, к разукрупнению административных образований [19, с. 19]. На самом же деле, на мой взгляд, она была необходима для обеспечения эффективности управления. Унифицирующие же нововведения в российской системе управления допускались при крайней необходимости. Преобладающими они отнюдь не являлись.

Сельское устройство в пределах иноэтнических ареалов имело свои особенности. Характерное для центральных губерний деление на волости на Северном Кавказе отсутствовало. Здесь существовала только одна административно-хозяйственная единица – сельские общества. Причем они функционировали на совершенно иных началах, чем во внутренней России, и фактически представляли и волостную и сельскую организацию [20, л. 2-об]. Самобытные начала тем самым не нарушались.

Волости же в центральных губерниях состояли, как правило, из нескольких сельских обществ, административно объединенных общим сходом и властью старосты [4, с. 163]. Они являлись для русских крестьян традиционной формой организации самоуправления, функционировавшей на протяжении многих веков [21, с. 25]. Упоминания же о волостях относятся еще к XI в. [22, с. 94]. Состояли они из общин (сельских обществ), занимавших определенные территории. Функционирование их основывалось на самоуправлении.

По сведениям, выявленным в разговорном обиходе В.И. Далем при составлении толкового словаря, общество воспринималось как «круг людей, объединенных общностью... происхождения» или «исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности» [8, с. 438].

Под ним также подразумевалась «совокупность людей», осуществляющих хозяйственную деятельность в единой среде. Общества. По научной классификации общества подразделяются на открытые и закрытые [23, с. 18, 21]. Каждому из них присущи и свои типологические признаки. Административные деления территории государства, основывавшиеся на сельских общинах, объединялись в уезды. Вследствие вызванных предопределенными реформы 1861 г. волости превратились в единицы сословного крестьянского управления. После реорганизации в 1889 г. они оказались подчиненными земским начальникам [22, с. 94]. Во второй половине XIX в. сельское общество, выступая низшей единицей территориальной организации в России, включало одно или несколько сел, владевших совместными угодьями [24, с. 618]. В этом состояло различие с иноэтнической периферией.

В положении «Об аульных обществах в горском населении Кубанской и Терской областей...» разъяснялось, что данные объединения «составляются из всех жителей одного аула, без различия, на какой бы земле они не жили (на казенной или частной)» [25, л. 114]. В результате последующих корректировок аульные общества по правовым регламентациям восприняли сходство с крестьянскими объединениями внутренних губерний России, но вместе с тем сохраняли сложившееся ранее своеобразие. Это отмечалось и в официальной служебной переписке [26, л. 7]. Общинные порядки для горцев Северного Кавказа по-прежнему оставались основой взаимодействия. Продолжали они сохраняться и в местах компактного расселения армян, грузин, а также у значительной части восточнославянского населения. В ряде случаев происходили даже возвращения к общинному укладу там, где он раньше подвергался разрушению [27, с. 4–5]. Проявлялось это в различных формах и в городах, куда в поисках заработков перемещались отходники из сельских обществ.

В результате проведенных преобразований, законодательно закрепленных в 1883 и 1896 гг., административно-территориальное разделение Кавказа к началу XX в. выглядело следующим образом. Южная часть края состояла из губерний Тифлисской, Кутаисской, Елисаветпольской, Эриванской, Бакинской и Черноморской, а также областей Батумской, Карской и Дагестанской. Наряду с ними в Закавказье входили округа Закатальский и Сухумский. На округа делилась и Черноморская губерния [28, л. 23]. Северный Кавказ официально состоял только из Кубанской и Терской областей [28, л. 23]. Такое разделение его было связано с намечавшимся переходом к гражданскому управлению [29, л. 34]. Хотя в административном отношении Дагестанская область и Черноморская губерния были причислены к Закавказью, тяготели они все же к северным частям края [30, л. 2–3]. Наличие такой связи проявлялось, когда еще только формировалась российская субъектность данного региона.

Отмечалось это и в начале XX в. в предоставлявшихся отчетах монарху наместника его императорского величества И.И. Воронцова-Дашкова. Описание обстановки, складывавшейся в те или иные периоды, содержали в ряде случаев констатации: «В областях Северного Кавказа... Кубанской и Терской, а также Дагестанской» [31, л. 36-об]. Упоминалась в перечислениях иногда и Черноморская губерния. Преодолению сепаратистской отчужденности на окраинах Российской империи способствовал выдерживавшийся в проводившейся политике принцип «единого Отечества». В соответствии с ним предполагалось установление субъектного равенства и административной совместимости с остальным государственным пространством.

На Северном Кавказе административный статус кубанского и терского казачества оформление получил в областном делении. Обустройство в данном случае также сочеталось с самоуправлением. Для казачьих войск в основу его были положены отделы. Аульные общества в Дагестанской, Кубанской и Терской областях распределялись по округам. При их выделении также во многом соблюдалась местная специфика. Разделение окраин соответствовало этнодемографическим особенностям местностей и не нарушало сложившихся в прошлом реалий. Дифференциации с направленностью на сохранение самобытности способствовали и создававшиеся на российских окраинах с особым составом иноэтнического населения более мелкие административные единицы в виде участков, станов и иных подразделений [4, с. 212]. В организации российской периферии с исповедовавшими ислам подданными прослеживается и некая преемственность с тем, что существовало в ряде стран зарубежного мусульманского Востока.

Российская субъектность в целом соответствовала локальным особенностям. При ее установлении во внимание также принималась этнодемографическая специфика. По замыслам П.А. Столыпина, Российскую империю предполагалось разделить на области. В них преобразовать намечалось и губернии. Проектом реформы предусматривалось области наделить правами внутреннего самоуправления, возможностями иметь свои представительные учреждения и подчиняющиеся центру по властной вертикали управленческие органы [32, с. 21]. Децентрализация должна была укрепить субъектное равенство, распространив его даже на те окраины, которые имели административную обособленность. Польша и Финляндия обладали, в частности, в составе Российской империи более широким автономным статусом [32, с. 298–299].

П.А. Столыпин разделял, судя по всему, существовавшую у части интеллигенции и государственных служащих обеспокоенность по поводу «больших прав» окраин по сравнению с русскими губерниями [33, с. 85]. Отразив влияние намечавшейся в России реорганизации, определение «область содержательно в начале XX в. могло видоизмениться. Обобщая изложенное, отметим и то, что через административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе устанавливалось системное равновесие в пределах края, налаживалось солидарное межэтническое взаимодействие.

Некоторые народы края до вхождения в состав России не имели единой территории. Сформировавшееся пространство расселения у них отсутствовало.

Из-за существовавшей непростой этнодемографической ситуации и разделенных чересполосицей обособлений создание его, несмотря на предпринимаемые попытки, не было достигнуто и впоследствии [34, с. 13–15]. Этнические консолидации тем не менее везде находились еще на стадии переходности и в фазу завершения вступили под воздействием проводившейся политики и устанавливаемой при ее осуществлении субъектности. Лишь при российском подданстве она стала обретать конкретизирующую системность.

Происходило складывание как солидарного регионального, так и общегражданского фактора [35, с. 359]. Субъектное обустройство в составе Российской империи способствовало появлению данной реальности. На Северном Кавказе так же, как и на других окраинах, основывалось оно на сочетании внутренней автономности и внешних государственных ограничений. Со ставкой на долговременный компромисс и постепенность перемен обеспечивалось межэтническое сближение и на Северном Кавказе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. – Ф. 224. – Оп. 1. – Д. 134. – Текст : непосредственный.
2. Дзидзоев, В. Д. Национальная политика на Северном Кавказе: вызовы и ответы XXI века (проблемы российской государственности) / В. Д. Дзидзоев. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. – 2006. – № 3. – С. 54–60.
3. Калмыков, Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX века) / Ж. А. Калмыков. – Нальчик : Эльбрус, 1995. – 125 с. – Текст : непосредственный.
4. Россия. Энциклопедический словарь (Б/и.: Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. СПб., 1898). – Л. : Лениздат, 1991. – 922 с. – Текст : непосредственный.
5. Хасбулатов, А. И. Административно-территориальные и управленческие преобразования в Чечне во II половине XIX – начале XX в. / А. И. Хасбулатов. – Текст : непосредственный // Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития : Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия : доклады Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 22–23 декабря 1999 г.). – Ростов н/Д. : ИРУ, 2000. – С. 145–167.
6. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. Том 1: А–З / В. Даль. – М. : Русский язык, 1989. – 699 с. – Текст : непосредственный.
7. Словарь иностранных слов. – М. : Терра-книжный клуб, 2009. – 398 с. – Текст : непосредственный.
8. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля : в 4 томах. Том 2: И–О. – Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. – СПб., М. : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1881. – 807 с. – Текст : непосредственный.
9. Ишанов, А. И. Создание Бухарской Народной Советской республики (1920–1924 гг.) / А. И. Ишанов. – Ташкент : Издательство АН Узбекской ССР, 1955. – 180 с. – Текст : непосредственный.
10. Покровский, С. П. Международные отношения России и Бухары в дореволюционное время и при Советской власти – до национального размежевания Средне-Азиатских республик / С. П. Покровский. – Текст : непосредственный // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. – 1928. – № 17. – С. 52–57.

11. Шейэ, Ж. Современная Индия : в 2 частях. Часть 1 : Туземное общество : [пер. с фр.] / Ж. Шейэ. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1912. – 194 с. – Текст : непосредственный.
12. Шейэ, Ж. Современная Индия : в 2 частях. Часть 2 : Туземная политика : [пер. с фр.] / Ж. Шейэ. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1913. – 412 с. – Текст : непосредственный.
13. Индия под английским владычеством. Сочинение барона Барту де Паноэна : в 2 томах. Том 1 : [пер. с фр.]. – М. : Университетская типография, 1848. – 562 с. – Текст : непосредственный.
14. Гобсон, И. Империализм / И. Гобсон. – Л. : Государственная типография издательства «Ленинградская правда», 1927. – 286 с. – Текст : непосредственный.
15. Киняпина, Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. / Н. С. Киняпина. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 1983. – № 4. – С. 35–47.
16. Турецкая империя. Сочинение Альфреда де Бессе. Издание книгопродавца Манухина. : [пер. с фр.]. – М. : Типография В. Готье, 1860. – 314 с. – Текст : непосредственный.
17. Шмидт, П. П. Конспект лекций по политической организации Китая / П. П. Шмидт. – Владивосток : Издание Восточного института, 1911. – 63 с. – Текст : непосредственный.
18. Паркер, Э. Китай: его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней / Э. Паркер ; пер. с англ. 2-го изд. действительный член Императорского Русского географического общества Генерального штаба полковник Грулев. – СПб. : Типография Транке и Фюсно, 1903. – 569 с. – Текст : непосредственный.
19. Цуциев, А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004) / А. А. Цуциев. – М. : Европа, 2006. – 127 с. – Текст : непосредственный.
20. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1276 (Совет министров). – Оп. 19. – Д. 26. – Текст : непосредственный.
21. Шульгин, В. В. Годы. Дни. 1920 год / В. В. Шульгин. – М. : Новости, 1990. – 832 с. – Текст : непосредственный.
22. Згурский, Г. В. Словарь исторических терминов / Г. В. Згурский. – М. : Эксмо, 2008. – 464 с. – Текст : непосредственный.
23. Меликишвили, Л. Открытые и закрытые типы культур этнических систем / Л. Меликишвили. – Текст : непосредственный // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. Международный НИИ народов Кавказа. – Москва–Тбилиси : Издательство журнала «Звезда», 2003. – 256 с. – С. 18–23.
24. Большой юридический словарь. – М. : ИНФРА-М, 1998. – 790 с. – Текст : непосредственный.
25. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 1 (Канцелярия Военного министерства). – Оп. 1. – Д. 28963. – Текст : непосредственный.
26. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 4212. – Текст : непосредственный.
27. Кравченко, А. И. Теория некапиталистического развития для сельской общины / А. И. Кравченко. – Текст : непосредственный // Воронцов В. П. Артель и община : избранные сочинения. – М. : Астрель, 2008. – 1072 с. – С. 3–38.
28. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1276 (Совет министров). – Оп. 19. – Д. 1. – Текст : непосредственный.
29. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1318 (Наркомнац РСФСР). – Оп. 1. – Д. 645. – Текст : непосредственный.

30. Центральный исторический архив Грузии. – Ф. 13. (Канцелярия наместника на Кавказе. 1905–1917 гг.). – Оп. 1. – Д. 20. – Текст : непосредственный.

31. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1276 (Совет министров). – Оп. 19. – Д. 220. – Текст : непосредственный.

32. Столыпин, П. А. Нам нужна Великая Россия... : полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / П. А. Столыпин. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 411 с. – Текст : непосредственный.

33. Строганов, В. Русский национализм, его сущность, история и задачи / В. Строганов. – М. : Полиграфист, 1997. – 87 с. – Текст : непосредственный.

34. Керейтов, Р. Х. Ногайцы. Особенности этнической традиции и бытовой культуры / Р. Х. Керейтов. – Ставрополь : Сервисшкола, 2009. – 464 с. – Текст : непосредственный.

35. Кипкеева, З. Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.) / З. Б. Кипкеева. – М. : Издательство Ипполитова, 2006. – 360 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya. F. 224. Op. 1. D. 134 [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania].

2. Dzidzoev V. D. Natsional'naya politika na Severnom Kavkaze: vyzovy i otvety XXI veka (problemy rossiiskoi gosudarstvennosti) [National policy in the North Caucasus: challenges and responses of the 21st century (problems of Russian statehood)]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestvennye nauki* [Izv. universities. North-Kavk. region. Social Sciences], 2006, no. 3, pp. 54–60.

3. Kalmykov Zh. A. Ustanovlenie russkoi administratsii v Kabarde i Balkarii (konets XVIII – nachalo XX veka) [Establishment of Russian administration in Kabarda and Balkaria]. Nalchik: Elbrus, 1995. 125 p.

4. Rossiya. Entsiklopedicheskii slovar'. (B/i.: Brokgauz F.A. i Efron I.A. SPb., 1898). [Russia. Encyclopedic Dictionary]. Leningrad: Lenizdat, 1991. 922 p.

5. Khasbulatov A. I. Administrativno-territorial'nye i upravlencheskie preobrazovaniya v Chechne vo II pol. XIX – nach. XX v. [Administrative-territorial and managerial transformations in Chechnya in the II half XIX – early 20th century]. *Caucasus: problems of cultural and civilizational development. Reports of the All-Russian Scientific and Practical Conference Caucasian Region: Problems of Cultural Development and Interaction (Rostov-on-Don, December 22–23, 1999)*. Rostov-on-Don: IRU, 2000. Pp. 145–167.

6. Dal' V. *Tolkovi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: T. 1–4. T. 1: A–Z* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow: Rus. yaz., 1989. 699 p.

7. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow: Terra-book club, 2009. 398 p.

8. *Tolkovi slovar' zhivago velikoruskago yazyka. Vladimira Dalya. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i znachitel'no umnozhennoe po rukopisi avtora. T. 2: I–O* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. SPb., Moscow: Edition of the bookseller-typographer M.O. Wolf, 1881. 807 p.

9. Ishanov A. I. *Sozdanie Bukharskoi Narodnoi Sovetskoi respubliki (1920–1924 gg.)* [Creation of the Bukhara People's Soviet Republic]. Tashkent: Publishing House of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 1955. 180 p.

10. Pokrovskii S. P. Mezhdunarodnye otnosheniya Rossii i Bukhary v dorevolutsionnoe vremya i pri Sovetskoi vlasti – do natsional'nogo razmezhevaniya sredne-aziatskikh respublik [International relations between Russia and Bukhara in pre-revolutionary times and under Soviet power – before the national delimitation of the Central Asian republics]. Bulletin of the Central Asian State University, 1928, no. 17, pp. 52–57.
11. Sheie Zh. Sovremennaya Indiya. Ch. 1: Tuzemnoe obshchestvo: per. s fr. [Modern India. Part 1: Indigenous society: trans. from fr.]. SPb.: Brockhaus-Efron, 1912. 194 p.
12. Sheie Zh. Sovremennaya Indiya. Ch. 2: Tuzemnaya politika: per. s fr. [Modern India. Part 2: Native politics: trans. from fr.]. SPb.: Brockhaus-Efron, 1913. 412 p.
13. Indiya pod angliiskim vladychestvom. Sochinenie barona Bartu de Panoena. Per. s fr. T. 1 [India under English rule. Composition of Baron Barthou de Panoen. Per. from fr. T. 1]. Moscow: University Printing House, 1848. 562 p.
14. Gobson I. Imperializm [Imperialism]. Leningrad: State Printing House of the Leningradskaya Pravda Publishing House, 1927. 286 p.
15. Kinyapina N. S. Administrativnaya politika tsarizma na Kavkaze i v Srednei Azii v XIX v. [The administrative policy of tsarism in the Caucasus and Central Asia in the 19th century]. Questions of history, 1983, no. 4, pp. 35–47.
16. Turetskaya imperiya. Sochinenie Al'freda de Besse. Izdanie knigoprodavtsa Manukhina. Per. s fr. [Turkish Empire. Composition by Alfred de Besse]. Moscow: Printing house of V. Gauthier, 1860. 314 p.
17. Shmidt P. P. Konspekt lektsii po politicheskoi organizatsii Kitaya [Lecture notes on the political organization of China]. Vladivostok: Edition of the Oriental Institute, 1911. 63 p.
18. Parker E. Kitai: ego istoriya, politika i trgovlya s drevneishikh vremen do nashikh dni. Per. s angl. 2-go izd. deistvitel'nyi chlen Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva General'nogo shtaba polkovnik Grulev [China: its history, politics and trade from ancient times to the present day]. SPb.: Tranke and Fusno Printing House, 1903. 569 p.
19. Tsutsiev A. A. Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774–2004) [Atlas of the ethnopolitical history of the Caucasus]. Moscow: Europe, 2006. 127 p.
20. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. F. 1276 (Sovet ministrov). Op. 19. D. 26 [Russian State Historical Archive].
21. Shul'gin V. V. Gody. Dni. 1920. [Years. Days. 1920]. Moscow: Ed. Novosti, 1990. 832 p.
22. Zgurskii G. V. Slovar' istoricheskikh terminov [Dictionary of historical terms]. Moscow: Eksmo, 2008. 464 p.
23. Melikishvili L. Otkrytye i zakrytye tipy kul'tur etnicheskikh system [Open and closed types of cultures of ethnic systems]. Adat. Caucasian cultural circle: Traditions and modernity. International Research Institute of the Peoples of the Caucasus. Moscow–Tbilisi: Publishing house of the magazine Zvezda, 2003. Pp. 18–23.
24. Bol'shoi yuridicheskii slovar' [Big legal dictionary]. Moscow: INFRA-M, 1998. 790 p.
25. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. F. 1 (Kantselyariya Voennogo ministerstva). Op. 1 D. 28963 [Russian State Military Historical Archive].
26. RGVA. F. 400. Op. 1. D. 4212.
27. Kravchenko A. I. Teoriya nekapitalisticheskogo razvitiya dlya sel'skoi obshchiny [Theory of non-capitalist development for the rural community]. Artel and community. Moscow: Astrel, 2008. Pp. 3–38.

28. RGIA. F. 1276 (Sovet ministrov). Op. 19. D. 1.
29. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 1318 (Narkomnats RSFSR). Op. 1. D. 645 [State Archive of the Russian Federation].
30. Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Gruzii. F. 13 (Kantselyariya namestnika na Kavkaze. 1905–1917 gg.). Op. 1. D. 20 [Central Historical Archive of Georgia].
31. RGIA. F. 1276 (Sovet ministrov). Op. 19. D. 220.
32. Stolypin P. A. Nam nuzhna Velikaya Rossiya...: Poln. sobr. rechei v Gosudarstvennoi dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 gg. [We need Great Russia...: Full. coll. speeches in the State Duma and the State Council]. Moscow: Young Guard, 1991. 411 p.
33. Stroganov V. Russkii natsionalizm, ego sushchnost', istoriya i zadachi [Russian nationalism, its essence, history and tasks]. Moscow: Polygraphist, 1997. 87 p.
34. Kereitov R. Kh. Nogaitsy. Osobennosti etnicheskoi traditsii i bytovoii kul'tury [Nogais. Features of ethnic tradition and everyday culture]. Stavropol: Servisshkola, 2009. 464 p.
35. Kipkeeva Z. B. Narody Severo-Zapadnogo i Tsentral'nogo Kavkaza: migratsii i rasselenie (60-e gg. XVIII v. – 60-e gg. XIX v.) [Peoples of the North-Western and Central Caucasus: migrations and resettlement]. Moscow: Ippolitov Publishing House, 2006. 360 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Субъектность северокавказской окраины в составе Российской империи: дифференцирующие особенности / В. А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 127–138.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. North Caucasian Periphery as a Constituent Territory Within the Russian Empire: Differentiating Features / V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 127–138. (In Russian).

УДК 9.93/94

ЗАРУБЕЖНАЯ АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ 1871–1914 ГОДОВ

Я.В. Пуневский

FOREIGN ENGLISH-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY OF URBAN SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA 1871–1914

Ya. V. Punevsky

Аннотация. Статья посвящена анализу зарубежной англоязычной историографии городского самоуправления в России в период с 1871 по 1914 годы. В работе рассмотрены основные исследования англоязычных историков, посвященные данной проблематике. Автор выявляет основные проблемы местного самоуправления в России, ставшие предметом изучения англоязычных исследователей, источниковую базу, оценки роли городского самоуправления в истории России, а также причин его краха в 1917 г., основные подходы к оценке преобразований городского самоуправления, произведенных в 1870 и 1892 годах, поскольку устоявшийся в российской историографии термин «контрреформы» впервые был поставлен под сомнение именно зарубежными историками, характер и содержание взаимоотношений органов государственной власти и органов местного самоуправления в оценках зарубежных англоязычных историков.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the foreign English-language historiography of urban self-government in Russia in the period from 1871 to 1914. The paper considers the main studies of English-speaking historians devoted to this problem. The author identifies the main problems of local self-government in Russia, which have become the subject of study by English-speaking researchers, the source base, assessments of the role of urban self-government in the history of Russia, as well as the causes of its collapse in 1917, the main approaches to assessing the transformations of urban self-government carried out in 1870 and 1892, since the term "counter-reforms" was established in Russian historiography for the first time it was questioned by foreign historians, the nature and content of the relationship between state authorities and local self-government bodies in the assessments of foreign English-speaking historians.

Ключевые слова: зарубежная историография, городское самоуправление, городская дума, администрация, оценка, подход.

Keywords: foreign historiography, city self-government, city Duma, administration, assessment, approach.

Изучение российского городского самоуправления второй половины XIX – начала XX вв. в зарубежной англоязычной историографии началось в 1970-е годы. Первым исследованием самоуправления российских городов стала диссертация Л. Хаттона, защищенная в 1972 г. в университете Иллинойса [1]. Вслед за Л. Хаттоном свою работу в 1976 г. опубликовал В. Ханчет [2]. В своей работе В. Ханчет опирается главным образом на материалы московской городской думы. Предметом изучения автора стали избирательная система, хозяйственная

деятельность московской городской думы, развитие городского хозяйства, отношения с церковью и администрацией. Впервые в историографии автор выразил сомнение в применимости термина «контрреформа» по отношению к городским преобразованиям начала 1890-х годов [2, р. 131]. Среди других исследований 1970-х гг. следует отметить работы Р. Роланда и Дж. Баттера [3; 4].

В 1981 г. вышла работы Н. Вейсмана, в которой он сконцентрировался на анализе реформ в области местного управления в России в 1900–1914 годов [5]. Автор убежден, что ни одно общество не может существовать без той или иной степени свободы местной администрации, включения граждан в решение местных вопросов. По мнению Н. Вейсмана, «эффективность администрации в провинции была основным объектом беспокойства правительства» в условиях индустриализации и урбанизации [5, р. 4].

В конце 1980-х гг. появилось несколько интересных работ, посвященных местному самоуправлению в России. Исследование профессора кафедры истории и антропологии американского университета Монмута Т. Пирсона, посвященное взаимоотношениям имперской бюрократии и органов местного самоуправления, выполнено, главным образом, на материалах земских учреждений. Однако и городское самоуправления заняло в работах автора свое место [6]. Значение введения подлинного самоуправления в России Т. Пирсон видит в том, что оно, по словам автора «обеспечивало важнейшую связь между государством и обществом», что было особенно важно в условиях проведения великих реформ, когда Россия стала «великой и развивающейся державой» [6, р. 8]. По справедливому утверждению автора, «извечное стремление активизировать общественное самоуправление и, в то же время, нейтрализовать его политически, на самом деле, оказалось проклятием автократической власти» [6, р. 248]. Несмотря на то, что, по его выражению, «система общественного самоуправления породила административную неразбериху и политическую неудовлетворенность в провинции...», автор считает введение самоуправления в 1870-х гг. весьма оправданным. На его взгляд, оно было порождено «кризисом автократии». Исследование Т. Пирсона показало политические риски, с которыми сталкиваются автократические режимы при бюрократизации самоуправления, «особенно когда этот процесс осуществляется бессистемно или как часть политической реакции» [6, р. 259]. «В таких условиях местное самоуправление вполне может стать средством политической оппозиции режиму», отмечает Т. Пирсон. Действительно, исследователь приходит к выводу о том, что царский режим в начале XX века обнаружил неспособность «мобилизовать общественную поддержку», что помогало революционерам [6, р. 259–260].

Исследование американского советолога, почетного профессора истории университета Майами Роберта Терстона посвящено главным образом взаимоотношениям московской городской думы и органов государственной власти в период после городской реформы 1870 г. вплоть до 1917 года [7]. На материалах московской городской думы автор рассматривает городские

думы как часть либерального лагеря, противостоящего консервативному правительству. По мнению автора, городская дума, опасаясь повторения революционных событий 1905–1907 гг., активизировала деятельность по улучшению деятельности «низших классов» населения [7, р.3–9]. «До первой мировой войны московская городская дума была в целом либеральным органом, заинтересованным как в расширении гражданских прав, так и в улучшении условий жизни низших классов», – отмечает Р. Терстон [7, р. 59]. «Московская дума последовательно голосовала за выделение средств, даже когда это вредило кошелькам высших классов», продолжает автор [7, р. 138]. Особое значение в отвлечение московских рабочих от пропаганды социалистических идей автор видит в устройстве бесплатных библиотек-читален и общем повышении культурного уровня рабочего класса.

Исследуя социальный состав московской городской думе Р. Терстон, пришел к выводу о преобладании в ней купечества. Размышляя о характере и последствиях городской реформы 1892 г. Р. Терстон склоняется к мысли о ее консервативном характере, особенно подчеркивая тот факт, что любое постановление думы по положению 1892 г. могло быть заблокировано губернатором или губернским по городским и земским делам присутствием [7, р. 39]. Симпатии Р. Терстона, безусловно, находятся на стороне либеральной городской думы. Виновником того, что потенциал городского самоуправления так и не был полностью реализован, автор считает «консервативное» государство, не желавшее идти на поводу у общества. «Начало войны привело к временному прекращению разногласий муниципальных властей и государства... однако либеральное общество очень быстро вспыхнуло снова во время войны... хотя нет никаких доказательств, что члены городского правительства сыграли решающую роль в событиях, приведших к крушению царского режима... но городская элита проявила высокий уровень энтузиазма по поводу крушения монархии», утверждает Р. Терстон [7, р. 192–193]. Несмотря на печальный финал, опыт организации городского самоуправления не прошел бесследно. По мнению Р. Терстона, новые (большевистские. – Прим. авт.) власти Москвы унаследовали много из того, что было усилиями старого муниципалитета: школы, больницы, парки и т. п., которые «послужили ядром для последующего расширения масштабов деятельности... такие долги перед старой городской думой никогда не признавались советской властью». Эта «неблагодарность» отчасти обусловлена политическими моментами, но отчасти и тем, что к 1917 г. еще многое предстояло сделать. «Даже советское правительство не смогло справиться с потоком людей, мигрирующих в города, которые ежегодно приезжали в Москву в поисках еды и товаров», пишет исследователь. По мнению Р. Терстона, приход к власти большевиков разрушил старый идеологический антагонизм между городом и государством в поздний царский период, со всеми его «глубокими последствиями и препятствиями для перемен» [7, р. 195].

Значительный вклад в изучение российского городского самоуправления в западной англоязычной историографии внесла работа профессора университета

Калифорнии Даниэла Броуэра "The Russian City Between Tradition and Modernity 1850–1900" [8]. Магистральным сюжетом работы Д. Броуэра, как и исследования Р. Терстона стали взаимоотношения и борьба общества и государства. Д. Броуэр рассматривает проблемы урбанизации в городах и ее влияния на городское общество, развитие городского хозяйства: санитарной сферы, образования. Д. Броуэр также определяет русские городские думы как «купеческие». Причину преобладания купечества в городских думах в России автор видит в том, что «члены купеческого сословия были наиболее уязвимы для давления царизма с целью участия в государственной службе» [8, р. 19]. В то же время верхи купечества, по наблюдению автора, предпочитали не принимать прямого участия в городских делах. «Очень богатые граждане избегали муниципального руководства, оставляя гражданскую активность тому, кого к тому времени правильнее будет назвать средним классом», пишет Д. Броуэр [8, р. 123].

Оценивая значение городских реформ в России, Д. Броуэр отметил, что они «открыли потенциал для развития гражданской публичной сферы». В то же время автор отмечает: «Муниципальная политика стала ареной конфликта между активистами, стремящимися к обширным гражданским программам, и консерваторами, которые не одобряют расточительную политику и выступают за бережливость» [8, р. 104–112]. Оценивая городскую реформу 1892 г. Д. Броуэр, признавая усиление административного надзора за решениями городских дум, отмечал несовершенство такого надзора, когда «расширение полномочий муниципалитетом привело к формированию сложной сети дел, над которыми даже самый авторитарный губернатор был не способен осуществлять тщательный надзор» [8, р. 119]. Вслед за Р. Терстоном Д. Броуэр отмечает «социальную пропасть между высшими и низшими классами в городе» и отмечает попытки высших классов ее преодолеть: борьба за народную трезвость, борьба с проституцией, контроль за миграциями населения, борьба с эпидемиями, развитие медицинской помощи и народного образования [8, р. 123–140]. По мнению Д. Броуэра, либеральная бюрократия переоценила роль местного самоуправления, напрасно рассчитывая поднять на новый уровень городское хозяйство, да и страну в целом [8, р. 197].

В 1980-х гг. вышли работы британского историка Дж. Брэдли [9; 10]. В отличие от Р. Терстона, Дж. Брэдли не склонен преувеличивать потенциал московского городского самоуправления, возлагая на «городских либералов» ответственность за события 1917 г. и свертывание местного самоуправления. Исследование "Muzhik and Muscovite. Urbanization on the Late Imperial Russia" посвящено главным образом проблемам миграции населения, которая очень остро встала в крупных городах России в пореформенное время. По справедливому наблюдению автора, резкий рост миграции населения в Москву поставил новые задачи перед городской думой в сфере медицины, народного образования, общественного призрения и других социальных направлений ее деятельности [9, р. 299–337]. Как и Т. Пирсон, Дж. Брэдли в своем исследовании в основном опирается на материалы земских учреждений.

Таким образом, городское самоуправление в российских городах в 1870–1914 гг. нашло своих исследователей не только в российской, но и в зарубежной историографии. Изучение англоязычной историографии городского самоуправления показывает, что, несмотря на то что большинство западных историков ограничивались либо работами общего характера, либо исследованием московского городского самоуправления, либо уделяя более пристальное внимание земским учреждениям при изучении местного самоуправления в России, ее представителями были выдвинуты оригинальные подходы к оценке роли городского самоуправления. В 1970-е гг. ряд зарубежных историков впервые высказали утверждение о необходимости отказаться от термина «контрреформы» в оценке преобразований 1892 года. Перспективы местного самоуправления, его потенциал получили в исследованиях зарубежных историков противоречивые оценки. Так, Р. Терстон уверен, что только «консервативное государство» помешало либеральному большинству московской городской думы в полной мере реализовать потенциал местного самоуправления. Дж. Брэдли, наоборот, возлагает на лидеров московской городской думы изрядную долю ответственности за провалы в работе местного самоуправления города.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hutton L. Th. The reform in city government in Russia, 1860–1870 / Ph. D. dissertation university of Illinois at Urbana-Champaign, 1972. 348 p.
2. Hanchett W. Tsarists Statutory Regulation of Municipal Government in the Nineteen Century // The City in the Russian History / F. M. Hamm ed. The University Press of Kentucky, 1976. P. 91–113.
3. Richard H. Rowland Urban In-Migration in Late Nineteenth-Century Russia // The City in Late Imperial Russia / ed. By Michael Hamm. Lexington: University Press of Kentucky, 1976. P. 163–177.
4. James Bater, St. Petersburg: Industrialization and Change. London. St. Petersburg: Industrialization and Change, 1976. P. 434–450.
5. Neil B. Weissman Reform in Tsarist Russia. The State Bureaucracy and Local Government, 1900–1914. New Brunswick (N. J.): Rutgers univ. press, Cop. 1981. – 292 p.
6. Thomas S. Pearson Russian Officialdom in Crisis. Autocracy and local self-government 1861–1900. Cambridge university press, 1989. 284 p.
7. Robert W. Thurston. Liberal city, conservative state. Moscow and Russia urban crisis, 1906–1914. New York, 1987. 266 p.
8. Daniel R. Brower The Russian city between tradition and modernity 1850–1900. University of California press. 1990. XIV, 253 p.
9. Bradley J. Muzhik and Muscovite. Urbanization on the Late Imperial Russia. University of California Press, 1985. 422 p.

REFERENCES

1. Hutton L. Th. The reform in city government in Russia, 1860–1870. Ph. D. dissertation university of Illinois at Urbana-Champaign, 1972. 348 p.
2. Hanchett W. Tsarists Statutory Regulation of Municipal Government in the Nineteen Century. The City in the Russian History, F. M. Hamm ed. The University Press of Kentucky, 1976. P. 91–113.

3. Richard H. Rowland *Urban In-Migration in Late Nineteenth-Century Russia. The City in Late Imperial Russia*, ed. By Michael Hamm. Lexington: University Press of Kentucky, 1976. P. 163–177.

4. James Bater, *St. Petersburg: Industrialization and Change*. London. St. Petersburg: Industrialization and Change, 1976. P. 434–450.

5. Neil B. Weissman *Reform in Tsarist Russia. The State Bureaucracy and Local Government, 1900–1914*. New Brunswick (N. J.): Rutgers univ. press, Cop. 1981. – 292 p.

6. Thomas S. Pearson *Russian Officialdom in Crisis. Autocracy and local self-government 1861–1900*. Cambridge university press, 1989. 284 p.

7. Robert W. Thurston. *Liberal city, conservative state. Moscow and Russia urban crisis, 1906–1914*. New York, 1987. 266 p.

8. Daniel R. Brower *The Russian city between tradition and modernity 1850–1900*. University of California press. 1990. XIV, 253 p.

9. Bradley J. Muzhik and *Muscovite. Urbanization on the Late Imperial Russia*. University of California Press, 1985. 422 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пуневский, Я. В. Зарубежная англоязычная историография городского самоуправления в России 1871–1914 годов / Я. В. Пуневский. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 139–144.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Punevsky Ya. V. Foreign English-Language Historiography of Urban Self-Government in Russia 1871–1914 / Ya. V. Punevsky // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 139–144. (In Russian).

УДК 93/94

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ НА КУБАНИ
В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К НЭПУ
В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.**

А.Н. Стулов

**PROBLEMS OF TRADE DEVELOPMENT IN KUBAN
IN THE CON-TEXT OF THE TRANSITION TO NEP
IN THE EARLY 1920s**

A.N. Stulov

Аннотация. В статье рассмотрены основные мероприятия советской власти по развитию торговли при переходе страны от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике в начале 1920-х гг. Приведены практические шаги, способствовавшие оживлению деятельности торговых организаций и учреждений, а также меры, которые позволили изменить восприятие советскими руководителями государственного и областного уровня новых экономических подходов. Описаны трудности, возникшие при реализации мероприятий нэпа, в общегосударственном масштабе и на Кубани. Проведен анализ постановлений и решений партийных и советских органов, повлиявших на развитие торговой деятельности в данный период. Рассмотрены проблемы и сложности данного процесса в Кубано-Черноморской области и меры, принятые ее руководством для оживления торговли.

Abstract. The article considers the main measures of the Soviet government to develop trade in the country's transition from the policy of "war communism" to a new economic policy in the early 1920s. Practical steps are given that contributed to the revival of the activities of trade organizations and institutions, as well as measures that made it possible to change the perception by Soviet leaders of the state and regional level of new economic approaches. The difficulties encountered in the implementation of NEP measures are described on a national scale and in the Kuban. An analysis of the decisions and decisions of party and Soviet bodies that influenced the development of trade activities during this period was carried out. The problems and difficulties of this process in the Kuban-Black Sea region and the measures taken by its leadership to revive trade were considered.

Ключевые слова: новая экономическая политика, внутренняя торговля, Кубань, проблемы торговой деятельности, экономический кризис.

Keywords: new economic policy, domestic trade, Kuban, trade problems, economic crisis.

Развитие торговли на Кубани в начале 1920-х гг. происходило в условиях перехода от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике и было связано с преодолением ряда возникших в это время проблем. Началом нэпа стал, как известно, доклад В.И. Ленина на X съезде РКП(б) 15 марта 1921 г. «О замене разверстки натуральным налогом» [1, с. 57–84]. Принятая по докладу резолюция съезда способствовала активизации торговли

в общегосударственном масштабе. Исходя из новых подходов, крестьяне после выполнения ими натурального налога получали право распоряжаться своими запасами продовольственного сырья и фуража, т. е. осуществлять их продажу или обмен на промышленные товары [2, с. 201].

В дальнейшем ВЦИК принимает постановление о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом [2, с. 212]. В рамках реализации данного решения, 29 марта 1921 г. Совет Народных Комиссаров издает декрет, который утверждает право крестьянского населения, выполнившего государственные налоговые обязательства, свободно продавать и покупать излишки сельскохозяйственных продуктов [3].

Согласно доктринальным установкам новой экономической политики, осуществление товарообменных операций возлагалось на государственные и кооперативные организации, при этом деятельность частных предпринимателей и торговцев также допускалась, но с введением ограничительных мер. В связи с этим 7 апреля 1921 г. был издан декрет СНК «О потребительской кооперации», в соответствии с которым, потребительским обществам предоставлялось право обмена и скупки продуктов сельского хозяйства [4, л. 112].

Несмотря на все усилия Советской власти, осуществить переход к нэпу в 1921 г. в полной мере не удалось, а все проводимые организационные и практические мероприятия можно назвать только подготовительными или переходными, в том числе в законодательном плане и при реализации новых подходов на местах.

В ходе доклада на IX Всероссийском съезде Советов, прошедшем в конце декабря 1921 г., В.И. Ленин отметил, что главная работа в 1921 г. в рамках перехода к нэпу состояла в том, чтобы «сделать первые шаги на данном пути, научиться их делать, приспособить к этому законодательство и администрацию» [5, с. 12]. Вместе с тем В.И. Ленин утверждал, что, несмотря на это «для коммунистов весьма неприятное открытие» [5, с. 14], существующая действительность показала, что экономической связью между крестьянством и рабочим классом является не товарообмен, а торговля, принятие которой «неизбежно и необходимо» [5, с. 14].

В постановлении съезда было отмечено, что «при дальнейшем проведении новой экономической политики необходимо считаться с хозяйственной обстановкой, характерными чертами которой, надо считать, образование внутреннего рынка, как результата отказа от продразверстки, и развитие денежного обмена» [2, с. 277], т. е. осуществление торговли за деньги.

Переломным в процессе перехода к нэпу стал 1922 г., когда путем проб и ошибок партийные и государственные органы Советской России нашли соответствующие новой модели развития административные рычаги и экономические меры, которые способствовали перестройке экономики страны, в том числе создали условия для развития торговли.

Одним из факторов, который позволил оживить торговлю, было проведение денежной реформы. До марта 1921 г. советская власть стремилась

к уничтожению денег, стремясь к организации прямого продуктообмена между городом и деревней и безденежном распределении товаров по карточкам. Вместе с тем плательщиков налогов, кроме крестьян, не было, а государству необходимо было содержать свой аппарат. Для покрытия расходов оно выпускало все больше бумажных денег, которые постоянно обесценивались. В таких условиях превратить деньги в товар было невозможно, так как торговля была запрещена, а продовольствие и промышленные изделия продавались «из-под полы».

В условиях нэпа, вместе с разрешением частного предпринимательства и утверждением хозрасчетных начал на государственных предприятиях, происходит оживление товарно-денежных отношений, что в целом стимулирует рост производства и развитие торговли. Народный комиссар финансов Н.Н. Крестинский отмечал, что крестьянство по-прежнему должно было вносить налоги натурой, а остальное население уплачивать налоги деньгами. Данные меры должны были принести государству большие налоговые поступления. Кроме того, развитие торговли и арендных отношений способствовало увеличению поступления налогов в государственную казну. Предполагалось, что в 1922 г. продовольственный налог и основные денежные налоги с городского населения составят 575 млн руб. золотом, что покроет около $\frac{1}{3}$ всех государственных расходов [6].

Сделав выводы об отсутствии положительных результатов введения нэпа в 1921 г., заместитель Наркомфина Г.Я. Сокольников в начале января 1922 г. публикует в «Правде» статью, в которой отмечает первостепенную важность перехода от товарообмена к торговле за деньги, однако, сетует на то, что из-за отсутствия торгового аппарата в стране при «товарном голоде» продукцию некому продавать. Г.Я. Сокольников отмечает, что очередной задачей является установление государственного регулирования торговли путем непосредственного участия государства в частной торговле, организуемого по типу государственно-капиталистических (смешанных) обществ. Во избежание кризиса сбыта, он заявлял о необходимости допущения частного в торговую деятельность [7].

На основе принятых центральными органами власти решений происходило развитие торговли на Кубани. Для создания соответствующих условий этого развития местные партийно-государственные органы Кубано-Черноморской области предприняли ряд мер, направленных на сокращение количества контролирующих органов, в том числе, и осуществлявших взимание местных налогов и сборов. С этой целью Кубано-Черноморский областной исполнительный комитет в начале января 1922 г. издал постановление, в соответствии с которым аннулировались мандаты различных ведомств, выданных для проверки торговых органов во всех сферах, а также устанавливалась их новая форма и порядок выдачи [8].

Вместе с этим для упорядочения сдачи в аренду торговых помещений в области с начала февраля 1922 г. данный процесс сосредотачивался исключительно в ведении Коммухоза. В то же время Экономсовещанию было

поручено урегулировать взаимоотношения данной организации с другими учреждениями, связанными с арендой торговых площадей [9].

Понимая, что государственные и кооперативные торговые организации испытывают значительные финансовые сложности и с трудом конкурируют с частным предпринимателем, 7 марта 1922 г. Краснодарский горком РКП(б) принял решение предоставлять торговые помещения в первую очередь для рабочих кооперативов, а на торговые частные предприятия возложить всю тяжесть арендной платы [10, л. 202a].

Оживлению торговли на Кубани способствовали решения принятые на IV Кубано-Черноморской областной конференции РКП(б), состоявшейся в марте 1922 г. Большое значение в развитии торговли придавалось потребительской кооперации, на которую были возложены задачи по овладению процессом обращения товаров [11, л. 3а-4]. В своем докладе о кооперативном строительстве член областного комитета РКП(б) Л.Д. Сокольский отметил, что если до введения нэпа потребительские общества были органами распределительными, то теперь они становятся торговыми аппаратами [12].

В соответствии с решениями конференции, были поставлены задачи по дальнейшей централизации торговли, действующей в системе государственных и кооперативных организаций, ликвидации частного посредничества, оздоровлению государственных финансов путем сокращения эмиссий, созданию твердого бюджета и сосредоточению максимума продовольственных и сырьевых фондов в распоряжении государства [11, л. 3а-4].

Одним из действенных экономических инструментов, использованных руководством страны для оживления торговли, стала отмена государственной монополии на ряд ключевых товаров. В связи с этим, в середине марта 1922 г. Кубчероблисполком постановил отменить государственную монополию торговли поваренной солью по Кубано-Черноморской области, а взамен ее ввести акциз на соль [13].

В дальнейшем значительную роль в стабилизации экономического положения в стране и отдельных регионах сыграло постановление СНК от 20 мая 1922 г. об отмене государственной монополии на распределение и торговлю сельскохозяйственными орудиями, машинами и семенами. Кроме того, в соответствии с постановлением торговля этими товарами разрешалась не только государственным, общественным и кооперативным организациям, но и частным предпринимателям [14].

Интересен тот факт, что уже в начале марта 1922 г. в Петрограде на одном из совещаний, посвященных выходу из экономического кризиса, ГубЭкосо признало необходимым способствовать привлечению частного капитала к производству оптовой торговли. Предполагалось, что данное участие могло происходить исключительно в форме смешанных товариществ, в которых государству будет предоставлено не менее чем 51 % всех паев [15].

Важную роль в дальнейшем развитии торговой деятельности сыграли результаты Первого Торгового Всероссийского съезда, проведенного в конце

марта 1922 г. Ключевым вопросом в рамках съезда стало определение способности государственной промышленности собственной продукцией и товарными фондами покрыть существующий спрос населения и обеспечить сбыт товаров широкого потребления. При этом было признано необходимым привлечение частного торговца и частного предпринимателя для решения проблем удовлетворения потребительского спроса и сбыта продукции [16].

Большое значение в ослаблении экономического кризиса в стране сыграло Постановление Народного комиссара финансов о переходе с 1 мая 1922 г. по всем хозяйственным, финансовым и бухгалтерским расчетам на рубль образца 1922 г. [17]. Данная мера позволила к середине мая оживить торговые операции на текстильном рынке, а также усилить спрос на химические продукты. В то же время комиссией ВСНХ по изучению кризиса сбыта был разработан ряд мероприятий по его ликвидации, среди которых основными мерами признавались развитие государственной торговли и содействие расширению частной торговли [18].

Развитие торговой деятельности предполагало наличие соответствующей денежной массы в свободном обращении. В связи с этим, сложилось положение, когда многие государственные предприятия и учреждения, переведенные на хозяйственный расчет, держали в кассах значительные суммы, производя расчеты наличными средствами, что затрудняло денежное обращение, требуя увеличения денежных знаков в обороте. Для решения данного вопроса на Кубани 26 июня 1922 г. Кубчероблисполком постановил обязать все государственные органы, держать излишки финансовых средств на текущих счетах в отделениях Госбанка и в кассовых учреждениях Наркомфина [19].

С целью активизации торговли ряд государственных хозяйствующих органов пытались организовать торговую деятельность, используя имевшийся у них хозяйственный аппарат. Одним из них был Кубано-Черноморский Совет народного хозяйства (КЧСНХ). В июле 1922 г. в Краснодаре прошел съезд уполномоченных КЧСНХ. В соответствии с решением съезда, КЧСНХ и его органы должны были восполнить отсутствие торгового аппарата [20].

Состояние торговли в Кубано-Черноморской области характеризует доклад областного комитета РКП(б) от 4 августа 1922 г. «О торговой политике». В нем отмечалось, что начало торговой деятельности ознаменовалось кризисом сбыта, несмотря на колоссальные потребности населения в товарах государственной промышленности. Главной причиной кризиса называлось отсутствие покупательной способности населения. Вместе с тем обосновывалась необходимость создания регулирующего центра торговой деятельности, ввиду того, что из-за отсутствия подобного регулятора на Кубани наблюдался разброд, как в ценах, так и в методах работы отдельных торговых органов [10, л. 76].

Одним из проблемных вопросов в области торговли являлось также отсутствие кредитования. Госбанк вел политику, выразившуюся в распределении 75 % всех финансовых средств частным торговцам и производителям [10, л. 77]. В соответствии с отчетом о деятельности Краснодарского отделения Госбанка,

на 1 июля 1922 г. активные операции выражались в сумме 17 187 000 руб. денежными знаками 1922 г., а к 1 октября данная цифра достигла 229 100 000 руб. Объемы текущих счетов увеличились в среднем на 565 %, при этом активы частных лиц возросли на 3 152 % [21].

Действенной и необходимой мерой рассматривалась активизация деятельности Краснодарской торговой биржи. Однако, в соответствии с докладом Кубано-Черноморского областкома РКП(б), к осени 1922 г. биржа не являлась той организацией, которая бы без посредников связывала покупателя с продавцом, особенно при осуществлении торговых операций между государственными органами [10, л. 77].

Большим недостатком в организации торговой деятельности оставалось отсутствие подготовленных квалифицированных кадров. По мнению партийного руководства, ни одна организация ничего не сделала для отбора и переброски определенного количества государственных работников в торговое дело. В связи с этим советским торговым органам приходилось использовать специалистов старой формации – «превращающих торговлю в спекуляцию» [10, л. 77].

С целью усиления государственного контроля за развитием товарно-денежных отношений в начале сентября 1922 г. Коллегия Наркомфина учредила комиссию по установлению цен на главнейшие товары, производимые трестами. В то же время, для улучшения состояния фондового денежного рынка Комитет по урегулированию внутренней торговли внес в СНК проект постановления об организации фондовых бирж для торговли иностранной валютой, банкнотами, государственными ценными бумагами и акциями [22].

Реализация этих решений происходила в различных регионах страны, в том числе на Кубани. Так, в октябре 1922 г. Комиссия СТО по внутренней торговле запросила у Кубано-Черноморского Эконо перечень проводимых мероприятий, направленных на урегулирование и облегчение местной торговли, а также список планируемых мер, способных улучшить и упорядочить торговые операции в подведомственной области, в том числе с использованием торговых ярмарок [23]. В это же время, в соответствии с указаниями СТО, президиум КЧСНХ инициировал создание комиссии по урегулированию внутренней торговли – Комвнуторг, в обязанности которой вменялось согласование торговой деятельности органов КЧСНХ. При Комвнуторге была организована торговая инспекция [24].

Несмотря на принимаемые меры, ситуация в торговле оставалась сложной, о чем свидетельствует докладная записка члена Коллегии Комвнуторга от Президиума ВСНХ Л. Марьясина от 15 ноября 1923 г. «О деятельности Комвнуторга, опыте государственного регулирования торговли и об очередных мерах в этом направлении». Л. Марьясин отмечал, что разразившийся в стране экономический кризис являлся результатом бесхозяйственной деятельности Комвнуторга – организации, которая была призвана управлять торговлей и регулировать торговую деятельность. Несмотря на декларативные заявления, созданный торговый аппарат не способствовал, а, наоборот, затруднял обмен между городом и деревней [25, л. 97–102 а].

Данная ситуация была в полной мере свойственна Кубано-Черноморской области, где развитие торговли сталкивалось со значительными трудностями, основными причинами которых были как тяжелые последствия социально-политических потрясений предшествующих лет, упадок экономики и низкий платежеспособный уровень населения, так и организационные недостатки в работе партийно-государственных органов.

Таким образом, развитие торговли на Кубани в начале 1920-х гг. осложнялось процессом перехода страны от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике. Некоторые успехи были достигнуты в отношении перестройки восприятия партийными и советскими работниками выдвигаемых руководством РКП(б) политических требований и установок, в первую очередь, связанных с новыми подходами в восстановлении и функционировании экономики, в том числе и торговли. Наряду с этим в Кубано-Черноморской области было осуществлено совершенствование и реорганизация торговых органов, способствовавших оживлению торговли. Однако принятые в начальный период нэпа меры административного и экономического характера не позволили стабилизировать экономическую ситуацию и обеспечить поступательное развитие торговли. Следствием этого стало обострение экономического кризиса, преодоление которого произошло лишь в середине 1920-х гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин, В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом. X съезд РКП(б) / В. И. Ленин. – Текст : непосредственный // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 томах. Том 43. – М. : Политическая литература, 1970. – 561 с.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: 1917–1967 гг. : сборник документов за 50 лет : в 5 томах. Том 1: 1917–1928 гг. – М. : Политиздат, 1967. – 783 с. – Текст : непосредственный.
3. Красное знамя. – 1921. – 30 марта. – Текст : непосредственный.
4. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-263. – Оп. 1. – Д. 59. – Текст : непосредственный.
5. Доклад В.И.Ленина на IX Всероссийском съезде Советов. – Текст : непосредственный // IX Всероссийский съезд Советов : стенографический отчет. – М., 1921. – 64 с.
6. Красное знамя. – 1922. – 15 января. – Текст : непосредственный.
7. Красное знамя. – 1922. – 10 января. – Текст : непосредственный.
8. Красное знамя. – 1922. – 5 января. – Текст : непосредственный.
9. Красное знамя. – 1922. – 5 февраля. – Текст : непосредственный.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 14. – Д. 401. – Текст : непосредственный.
11. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 202а. – Текст : непосредственный.
12. Красное знамя. – 1922. – 17 марта. – Текст : непосредственный.
13. Красное знамя. – 1922. – 18 марта. – Текст : непосредственный.

14. Красное знамя. – 1922. – 24 мая. – Текст : непосредственный.
15. Красное знамя. – 1922. – 12 марта. – Текст : непосредственный.
16. Красное знамя. – 1922. – 26 марта. – Текст : непосредственный.
17. Красное знамя. – 1922. – 23 апреля. – Текст : непосредственный.
18. Красное знамя. – 1922. – 19 мая. – Текст : непосредственный.
19. Красное знамя. – 1922. – 29 июня. – Текст : непосредственный.
20. Красное знамя. – 1922. – 23 июля. – Текст : непосредственный.
21. Красное знамя. – 1922. – 22 октября. – Текст : непосредственный.
22. Красное знамя. – 1922. – 19 сентября. – Текст : непосредственный.
23. Красное знамя. – 1922. – 19 октября. – Текст : непосредственный.
24. Красное знамя. – 1922. – 29 октября. – Текст : непосредственный.
25. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 68. – Д. 499. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Lenin V. I. Doklad o zamene razverstki natural'nym nalogom. X s"ezd RKP(b) [Lenin V. I. Report on the replacement of the deployment with in-kind tax. X Congress of the RCP(b), Moscow, Politicheskaya literatura, 1970, vol. 43. 561 p. (In Russian).
2. Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam. V 5 t. 1917–1967 gg. Sbornik dokumentov za 50 let. [Decisions of the party and the government on economic issues. In 5 vols. 1917–1967. Collection of documents for 50 years.], Moscow, Politizdat, 1967, vol. 1, 1917–1928, 783 p. (In Russian).
3. Krasnoe znamya [Red banner]. 1921. March 30. (In Russian).
4. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of the Krasnodar Territory]. Fund R-263, inventory 1, case 59. (In Russian).
5. Doklad V.I. Lenina na IX Vserossijskom s"ezde Sovetov [Report by V.I. Lenin at the IX All-Russian Congress of Soviets], IX Vserossijskij s"ezd Sovetov: stenografičeskij otchet, Moscow, 1921, 64 p. (In Russian).
6. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. January 15. (In Russian).
7. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. January 10. (In Russian).
8. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. January 5. (In Russian).
9. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. February 5. (In Russian).
10. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. Fund 17, inventory 14, case 401. (In Russian).
11. Centr dokumentacii novejshej istorii Krasnodarskogo kraja [Center for Documentation of the Latest History of the Krasnodar Territory]. Fund 1, inventory 1, case 202a. (In Russian).
12. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. March 17. (In Russian).
13. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. March 18. (In Russian).
14. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. May 24. (In Russian).
15. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. March 12. (In Russian).
16. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. March 26. (In Russian).
17. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. April 23. (In Russian).
18. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. May 19. (In Russian).
19. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. June 29. (In Russian).
20. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. July 23. (In Russian).

21. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. October 22. (In Russian).
22. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. September 19. (In Russian).
23. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. October 19. (In Russian).
24. Krasnoe znamya [Red banner]. 1922. October 29. (In Russian).
25. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. Fund 17, inventory 68, case 499. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Стулов, А. Н. Проблемы развития торговли на Кубани в условиях перехода к нэпу в начале 1920-х гг. / А. Н. Стулов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 145–153.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Stulov A. N. Problems of Trade Development in Kuban in the Context of the Transition to Nep in the Early 1920s / A. N. Stulov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 145–153. (In Russian).

УДК 94(5)

**ОСВОЕНИЕ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ
В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ
ВО ВРЕМЕНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Ян Шангронг

**DEVELOPMENT OF WATER RESOURCES
IN THE CONTEXT OF MANAGEMENT IN CENTRAL ASIA
DURING THE RUSSIAN EMPIRE**

Yang Shangrong

Аннотация. В статье в качестве основного метода используется исторический анализ трансформации системы управления в государствах Средней Азии во времена Российской империи. По отношению к каждому периоду автор выделяет те изменения, которые происходили в социально-политической и общественной жизни стран Средней Азии и имели важнейшее значение для истории. Одним из важнейших контекстов работы является исследование процесса освоения водных ресурсов в Средней Азии в 18-19 вв. при взаимодействии с Российской империей. Работа отражает обзор российских и зарубежных источников по данной проблематике, а также основные авторские выводы, сделанные в ходе исследования.

Abstract. The article uses the historical analysis of the transformation of the management system in the states of Central Asia during the Russian Empire as the main method. In relation to each period, the author highlights the changes that took place in the socio-political and public life of the countries of Central Asia and were of crucial importance for history. One of the most important contexts of the work is the study of the process of water resources development in Central Asia in the 18th and 19th centuries in cooperation with the Russian Empire. The work reflects an overview of Russian and foreign sources on this issue, as well as the main author's conclusions made during the study.

Ключевые слова: внешняя политика, Российская империя, политическая ситуация, завоевательная политика, Средняя Азия, система управления, историческая периодизация, завоевательные походы.

Keywords: foreign policy, Russian Empire, political situation, conquest policy, Central Asia, management system, historical periodization, conquest campaigns.

Среднеазиатский регион на протяжении долгого исторического периода, не исключая и современность, являлся достаточно противоречивым в политическом и дипломатическом планах, но был достаточно выгодным для экономического сотрудничества, в том числе, и для России. Однако установление внешнеполитических, торговых и хозяйственных связей между странами Средней Азии и Российским государством сопряжено с рядом сложностей, которые на каждом историческом этапе обусловлены рядом факторов. Во времена Российской империи к таким факторам относились феодальная раздробленность, спад экономического развития и сложность освоения того небольшого количества водных ресурсов, которыми характеризуется средняя Азия. В контексте этого нам

представляется интересным исследовать не только содержание взаимоотношений Российской империи и Среднеазиатских государств в период 18 – начала 20 веков, но и особенности управления в данной системе, а также сложности, связанные с использованием водных ресурсов для организации земледелия и скотоводства в Средней Азии.

Целью исследования является определение влияния управления в Средней Азии на освоение водных ресурсов во времена Российской империи.

В связи с этим нами определяются задачи:

- выявление специфики взаимоотношений России с государствами Средней Азии за период 18 – начала 20 веков;
- определение особенностей российской политики в Средней Азии как в «сложноуправляемом регионе»;
- исследование сложностей освоения водных ресурсов в Средней Азии 18 – начала 20 вв.

Основными методами исследования мы определили теоретико-методологический анализ российских, американских и европейских источников по данной тематике, исторический анализ данных, представленных в вышеуказанных исследованиях, а также формулировку авторских выводов.

Специфический характер исторических связей между Средней Азией и Россией, обусловленных географическим положением, политическими и экономическими взаимоотношениями, а также сопредельными границами, определил структуру и содержание управления в среднеазиатском регионе, которые претерпели наибольшие изменения во времена Российской империи (18 – начало 20 вв.).

В качестве основных факторов, влияющих на изменение и закрепление межгосударственных отношений, необходимо определить:

- насыщенный характер торговых связей таких сопредельных среднеазиатских государств как Бухарское, Кокандское и Хивинское ханства и эти связи установились еще задолго до Петра 1. По свидетельствам историков [1, с. 54] торгово-дипломатические обмены происходили с 16 века между государствами Средней Азии и Московским государством. В частности, одним из первых торговые связи во времена Ивана Грозного с Москвой установило Казахское ханство [3, с. 5];
- неустойчивость внутри среднеазиатских государств и междоусобные войны среди ханств обуславливали необходимость у правителей поиска помощи со стороны, а соседним сильным и структурированным государством, способным оказать серьезное влияние в разрешении конфликтов, была Российская империя.

Ко второй половине 19 века стремление к укреплению внешних связей с Россией становилось все более явным. Азиатские государства нуждались в сопровождении, оказании помощи и защите, чему способствовал ряд военно-политических мер, создавших довольно прочные позиции Российской империи в Средней Азии.

До начала активной политики Российской империи в отношении среднеазиатских государств регион находился в кризисной ситуации, как в экономическом, так и политическом и общесоциальном плане. В связи с тем что были открыты новые пути в Индию и произошла колонизация страны англичанами, «Великий шелковый путь» уже не был столь актуален, торговые связи со многими государствами Европы были разрушены, и экономика шла на спад. Это влекло за собой политическую нестабильность в ханствах, правителям которых была важна не столько независимость, сколько стабильность в существовании и развитии под патронатом русского императора. При этом необходимо отметить, что у местной правительственной элиты (ханов, наместников) был достаточный суверенитет в решении местных, региональных дел.

Положительное влияние Российского управления на среднеазиатские княжества в плане развития экономики, хозяйства, земледелия отмечали современники в письмах и путевых заметках. К примеру, в путевых записях солдата Хуснира было отмечено, что в небольших городах и селениях наблюдалась разруха и упадок, реки почти пересохли, жители практически ничего не выращивали и не производили, а вот в Ташкенте – городе под властью русских, живет множество жителей, чисто и порядок и видно культуру [8, с. 1239].

Данный факт, как и множество других, подчеркивает важность установления единого управленческого центра в процессе присоединения среднеазиатских ханств к Российской империи. Это способствовало не только формированию политической стабильности, но и становлению капиталистических отношений, развитию промышленности и сельского хозяйства, и, в свою очередь, освоения ресурсов Средней Азии. По большей части это степи, которые использовались для животноводства и меньшей степени – для выращивания различных культур, в силу скудности, практически отсутствия полива, а также водных ресурсов – небольших, почти обмелевших рек.

Больше всего земледелие процветало в Хивинском ханстве, которое к середине 19 века простиралось от Каспия до Приаралья [5, с. 8]. Ввиду наличия таких мощных водных ресурсов как реки, впадающие в вышеуказанные моря, население данного государства занималось выращиванием хлопка, зерна, фруктов в садах, а также была развита сфера животноводства – коневодство и овцеводство. Однако данные виды деятельности, приносящей прибыль жителям страны, быстро приходили в упадок, т. к. доход облагался непомерными налогами со стороны ханов и иных местных мелких правителей. Безусловно, недовольство местных жителей росло и выражалось в протестах, восстаниях и это пошло на пользу Российскому государству, когда в 1783 году был осуществлен поход на Хиву и был подписан Гендемянский договор. В результате данных мероприятий рабство и работоторговля были отменены, а также было представлено право беспошлинной торговли для русских купцов, что шло на пользу и России и Хивинскому ханству, привлекая туда исследователей, купцов, коммерсантов, инженеров – тех социальных групп, которые могли способствовать всестороннему развитию государства, находя в нем актуальные ресурсы.

Говоря о динамике развития российско-азиатских отношений, необходимо отметить, что максимально быстрые темпы Среднеазиатские ханства развили в середине 17 в. с увеличением приездов бухарских и хивинских послов в Москву и русских – в государства Средней Азии. На наш взгляд, это обусловлено как актуализацией необходимости развития водных торговых путей, к примеру, в низовьях Волги, а также по Каспийскому морю, которые все большее значение приобретают в 17–18 вв., с поднятием производства, скотоводства и земледелия в странах Средней Азии, а следовательно, увеличения количества перевозимых товаров. Из Средней Азии в Россию и страны Европы вывозились преимущественно шелковые и хлопчатобумажные ткани, холодное оружие и пряности, а также породистые лошади и овцы.

В связи с этим с обеих сторон увеличилась работа по освоению водных ресурсов на территории Средней Азии. К примеру, интерес туркмен, проживающих на Каспийском побережье, обусловил разработку плана Ходжи-Непеса с помощью Российской империи повернуть русло Аму-Дарьи в Каспийское море и возродить почти заброшенное в Туркмении земледелие [10, с. 500]. Данный план был лично изложен Петру I в Санкт-Петербурге и повлек за собой множество прогрессивных изменений в плане освоения водных ресурсов в Средней Азии, хотя и сопряженных с большими трудностями.

По свидетельствам исторических документов [7, с. 115] можно установить, что в 10–16 веках в Средней Азии работали ученые, отличающиеся значительными достижениями в области гидротехники и ирригации, которые к 17 веку создали отдельную школу ирригации. Сохранившиеся об ирригационных сооружениях сведения иллюстрируют не только высокий научный уровень гидромелиоративных разработок, но и развитость системы ирригации, и, как следствие, культуры земледелия на территории Среднеазиатских государств. При этом, как отмечают исследователи (Ш.Б. Мухамедов), строительство водных каналов и сооружений, определение мест будущих каналов, а также освоение крупнейших рек среднеазиатского региона было одной из самых трудных задач во все времена. Одной из сложнейших целей для ирригаторов в Хорезме можно назвать определение места, откуда должен начинаться будущий ирригационный канал. Это обуславливалось определенной спецификой движения воды в период наводнений, т. к. в это время существовала угроза размывания канала. Поэтому при разработке проекта было необходимо учитывать не только близость и доступность водного ресурса, но и тип почвы, обеспечивающий прочность стен канала – глинистые или каменистые. Берега среднеазиатских рек такими свойствами не обладали: они были в основном илистыми и поэтому дамбы, предназначенные для направления водных потоков в канал, часто размывались дождями и вызванными ими наводнениями. Однако в дождях среднеазиатские оросители находили положительный момент: каналы всегда были полны, а если дождей и наводнений долго не было, то старались найти возможность питания от рек. В связи с этим реки выбирались такие, где вода текла спокойно и не меняла направление в период наводнений.

В период развития политического и экономического сотрудничества с Российской империей в различных районах средней Азии началось активное освоение водных ресурсов и строительство водных сооружений разных типов. К примеру, в разных районах Узбекистана было построено множество водных сооружений (накопительных бассейнов, оросительных каналов), и в связи с этим земледельческие традиции народов, живущих в дельте Аму-Дарьи, имели специфический характер, отражающий в качестве единственного источника полива систему искусственного орошения и выращивание определенных видов культур.

Аму-Дарья как крупнейший ресурс региона и основной источник воды в Хорезме оказывала существенное влияние на развитие Хорезмского оазиса. В горах Хиндикуш брала начало небольшая река, которая протекала по всему району Чоржуй, поэтому ирригаторы соорудили множество каналов для орошения полей, где выращивались пшеница, кукуруза, рис, просо, ячмень и бахчевые культуры. Однако еще одна особенность освоения водных ресурсов была обусловлена наводнениями, о которых мы говорили выше. В период наводнений на некоторых реках возникали течения, которые вымывали новые русла и образовывали новые ветви рек. С одной стороны, это способствовало возникновению новых возможностей полива и орошению большего количества площадей, с другой – разрушало все построенные ранее ирригационные сооружения и затапливало посевные площади, снижая урожайность и, тем самым уменьшая количество продаваемой Российской империи сельхозпродукции, ослабляя торгово-экономические связи между государствами.

В середине 19 века была проведена категоризация водных ресурсов Средней Азии. Данная категоризация, и, следовательно, возможности освоения ресурсов, базировались на основных положениях шариата и, соответственно принималась жителями всех Среднеазиатских государств.

Толкователь мусульманского права Бурхануддин аль-Маргинани разделил водные ресурсы Средней Азии на четыре категории [7, с. 113]:

- моря (Аральское и Каспийское);
- большие реки (Сырдарья и Амударья);
- речки и воды, которые были отданы ранее ханами и наместниками в собственность разным лицам;
- вода, зачерпнутая в посуду.

В соответствии с определенным видом, устанавливалось право владения и пользования водными ресурсами, и собственно, необходимость или ее отсутствие освоения. К примеру, первая и вторая категории, относятся к категории всеобщих, по правилам шариата, который провозглашал, что всем людям доступно свободное пользование водой, огнем и травой в степи. В соответствии с этим, в продвижении и развитии освоения морей и рек заинтересовано все население, которое занимается земледелием, скотоводством либо торговлей. Третья категория предполагает ограниченное пользование водоемами, и в соответствии с этим, актуален интерес владельцев к освоению и использованию этих ресурсов, сдаче их в наем. Четвертая категория является частной

собственностью и в соответствии с масштабами, освоения не требует. Нас, в контексте исследования, безусловно, интересует первая категория, т. к. ее освоение способствует реализации интересов как среднеазиатских государств, так и Российской империи, однако такие исследователи, как О.О. Зарипов, отмечают, что в систему водных ресурсов для орошения включались все три первые категории [6, с. 96].

С древних времен население Средней Азии в земледелии, скотоводстве использовало воду протекающих на территории государств рек – Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, а также небольших озер и источников. Данные водоемы исследователями характеризуются как темноводные, мутные, илистые, содержащие множество полезных веществ, важных для растениеводства [7, с. 108]. Полив такой водой повышал плодородность скудной почвы, а за счет ила повышался еще и почвенный слой, во многих местах глинистый и каменистый. Все это, безусловно, способствовало расширению способов освоения водных ресурсов, а также более широкому их использованию в целях развития государств Средней Азии и реализации их торговых и экономических интересов [7, с. 110].

Как мы уже отмечали ранее, интерес к оросительным и водным проектам в государствах Средней Азии, увеличился после включения в состав Российской империи в 1873 г. Хивинского ханства. Разработка и реализация данных проектов началась с работ князя Н.К. Романова, жившего в Ташкенте в ссылке, который первый в России начал обводнение Голодной степи [7, с. 120]. Данная территория включала современный Узбекистан, Казахстан, а также часть Таджикистана – достаточно большие просторы, которые необходимо было освоить, выявить потенциал водных ресурсов и направления их использования. Именно поэтому в 1879 г. князь снарядил экспедицию и отправился с ней по Туркестану в целях исследования бассейна Аму-Дарьи и прилегающих к нему территорий. Данное исследование было одним из самых масштабных в плане освоения водных ресурсов Средней Азии и продолжалось в 19 веке в работах профессора Ризенкампа и руководителем краевой администрации в Туркестане К.П. фон Кауфманом, которые разработали ряд гидростроительных и оросительных проектов, не имеющих аналогов в мировой практике того времени.

Проект Г. Ризенкампа конца 19 – начала 20 века предполагал развитие среднеазиатских государств на основе освоения водных ресурсов и включал строительство пяти городов, каждый численностью не менее 25 тысяч человек, пяти заводов по очистке хлопка, нескольких ирригационных систем. Основой всего этого должны были служить Каспийское море и ресурсы внутренних рек – Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, однако позднее, при создании Советского Союза, элементы данного проекта утратили свою актуальность [6, с. 93].

В 19 веке освоение водных ресурсов в Средней Азии пошло гораздо активнее и были построены крупнейшие каналы Андижансай, Янгиарык и Шахрихансай, длиной каждый около 100 км. В 1868–1871 гг. в Ташкентской области были вырыты магистральный канал Улугнар и оросительный канал

Ханарык, которые обеспечили устойчивую инфраструктуру и полив огромных территорий. В Бухарском районе тоже был проведен ряд реконструкций: воссоздание оросительной системы реки Зарафшан и проведение новых арыков на север.

Однако необходимо отметить, что часть расходов и компетенций ведения местных дел при присоединении к Российской империи была оставлена местным властям Среднеазиатского региона и поэтому правители не выделяли достаточное количество средств на создание, реконструкцию и ремонт ирригационных сооружений. Поэтому водные ресурсы осваивались не в полной мере, а в основном за счет средств Российской империи, частичных местных вложений и практически бесплатного труда огромных масс работников, обслуживающих данные сооружения.

Поэтому можно сделать вывод о сохранявшемся в течение 18 – начала 20 вв. противоречии, которое заключалось в стремлении правителей Среднеазиатских ханств к развитию политических и торгово-экономических связей с Российской империей, для чего необходимо было развивать имеющиеся и создавать новые, в том числе и водные, ресурсы, и при этом, недостаточным желанием активного участия путем вложения собственных средств. Участие могло достигаться путем разработки технических проектов освоения различных видов водных ресурсов и использованием бесплатной силы рабов, которое минимизировалось в период отмены рабовладения.

В качестве основного вывода необходимо отметить сложность и противоречивость освоения водных ресурсов в Средней Азии в контексте специфики управления во времена Российской империи. Особенности управления заключались в постоянном регулировании феодальных междоусобиц и ряде завоевательных походов России на различные среднеазиатские ханства. Данные походы своим результатом имели некий компромисс, содержанием которого было включение ханств в состав Российской империи с сохранением суверенитета решения местных вопросов за местными правителями Средней Азии. Однако, несмотря на это, торговые связи Средней Азии и России, активно развивались, и, безусловно, обе стороны были заинтересованы в полноценном освоении водных ресурсов, которых на территории Среднеазиатского региона в том состоянии в 18–19 вв. было не вполне достаточно для полноценного развития земледелия и скотоводства и отправления товаров данных отраслей на продажу в Российскую империю.

Однако ландшафтные особенности, климатические условия, а позже и активизация средневековых феодальных междоусобиц определяли достаточно длительный характер и высокую сложность освоения водных ресурсов в Средней Азии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акунова, Г. Ч. Особенности водной дипломатии в Центральной Азии / Г. Ч. Акунова. – Текст : непосредственный // Проблемы постсоветского пространства. – 2021. – Том 8. – № 2. – С. 229–241.

2. Большакова, О. В. Кэмпбелл Й.В. Знание и окраины империи: казахские посредники и российское управление в степи, 1731–1917 / О. В. Большакова. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – 2020. – № 1. – С. 69–79.
3. Боронин, О. В. К вопросу о периодизации политики России в Средней Азии во второй половине 60-х – первой половине 80-х гг. XIX в. / О. В. Боронин. – Текст : непосредственный // Известия АлтГУ. – 2005. – № 4. – С. 28–32.
4. Волков, А. П. Развитие военно-административного управления в российской Средней Азии во второй половине XIX в / А. П. Волков, В. В. Попов. – Текст : непосредственный // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 8 (64). – С. 3–6.
5. Джумагалиева, К. В. Завоевательная политика России в Средней Азии во второй половине XIX века / К. В. Джумагалиева. – Текст : непосредственный // Наука без границ. – 2020. – № 3 (43). – С. 7–12.
6. Зарипов, О. О. Система водного права и водопользования в Ташкенте, сложившаяся к моменту российского завоевания / О. О. Зарипов. – Текст : непосредственный // Метаморфозы истории. – 2020. – № 16. – С. 91–111.
7. Мухамедов, Ш. Б. Особенности землевладения и водопользования в Средней Азии и Алжире в XIX в / Ш. Б. Мухамедов. – Текст : непосредственный // Метаморфозы истории. – 2019. – № 13. – С. 107–124.
8. Надергулов, М. Х. К вопросу присоединения средней Азии к России (обзор некоторых башкирских письменных источников второй половины XIX в.) / М. Х. Надергулов, И. С. Игдавлетов. – Текст : непосредственный // Вестник КИГИ РАН. – 2020. – № 5. – С. 1234–1242.
9. Буканова, Р. Г. Российско-казахские отношения в XVI–XIX вв. / Р. Г. Буканова, Ю. В. Бондаренко. – Текст : непосредственный // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2021. – № 3 (103). – С. 51–58.
10. Central Asia 130 Years of Russian Dominance, A Historical Overview. Duke University press, London, 1994, 673 p.
11. Morison A. The Russian Conquest of Central Asia. A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. – 2021. – 383 p.

REFERENCES

1. Akunova G. Ch. Osobennosti vodnoj diplomatii v Central'noj Azii [Features of water diplomacy in Central Asia]. Problemy postsovetskogo prostranstva = Problems of the post-Soviet space. 2021; 8(2): 229-241. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-229-241>. (In Russian).
2. Bol'shakova O. V. Kempbell J.V. Znanie i okrainy imperii: kazahskie posredniki i rossijskoe upravlenie v stepi, 1731–1917 [Knowledge and the Outskirts of the Empire: Kazakh Intermediaries and Russian Governance in the Steppe, 1731–1917]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5: Istoriya. 2020. No. 1. Pp. 69–79. (In Russian).
3. Boronin O. V. K voprosu o periodizacii politiki Rossii v Srednej Azii vo vtoroj polovine 60-h – pervoj polovine 80-h gg. XIX v. [On the Question of the Periodization of Russia's Policy in Central Asia in the Second Half of the 60s and the first Half of the 80s of the XIX century]. Izvestiya AltGU = News of AISTU. 2005. No. 4. Pp. 28–32. (In Russian).

4. Volkov A. P., Popov V. V. Razvitie voenno-administrativnogo upravleniya v rossijskoj Srednej Azii vo vtoroj polovine XIX v. [Development of military-administrative management in Russian Central Asia in the second half of the XIX century]. Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: philosophy, history, culture. 2019. No. 8 (64). Pp. 3–6. (In Russian).

5. Dzhumagaliyeva K. V. Zavoevatel'naya politika Rossii v Srednej Azii vo vtoroj polovine XIX veka [The aggressive policy of Russia in Central Asia in the second half of the XIX century]. Nauka bez granic = Science without borders. 2020. No. 3 (43). Pp. 7–12. (In Russian).

6. Zaripov O. O. Sistema vodnogo prava i vodopol'zovaniya v Tashkente, slozhivshayasya k momentu rossijskogo zavoevaniya [The system of water law and water use in Tashkent, which had developed by the time of the Russian conquest]. Metamorfozy istorii = Metamorphoses of history. 2020. No. 16. Pp. 91–111. (In Russian).

7. Muhamedov Sh.B. Osobennosti zemlevladieniya i vodopol'zovaniya v Srednej Azii i Alzhire v XIX v. [Features of land ownership and water use in Central Asia and Algeria in the XIX century]. Metamorfozy istorii = Metamorphoses of history. 2019. No. 13. Pp. 107–124. (In Russian).

8. Nadergulov M. H., Igdavletov I. S. K voprosu prisoedineniya srednej Azii k Rossii (obzor nekotorykh bashkirskih pis'mennykh istochnikov vtoroj poloviny XIX v.) [On the question of the Annexation of Central Asia to Russia (review of some Bashkir written sources of the second half of the nineteenth century)]. Vestnik KIGI RAN = News of KSTI RAS. 2020. No. 5. Pp. 1234–1242. (In Russian).

9. Bukanova R.G., Bondarenko Yu.V. Rossijsko-kazahskie otnosheniya v XVI–XIX vv. [Russian-Kazakh relations in the XVI–XIX centuries]. Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan = Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. 2021. No. 3 (103). Pp. 51–58. (In Russian).

10. Central Asia 130 Years of Russian Dominance., A Historical Overview. Duke University press, London, 1994, 673 p.

11. Morison A. The Russian Conquest of Central Asia. A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. 2021. 383 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ян Шангронг. Освоение водных ресурсов в контексте управления в Средней Азии во времена Российской империи / Ян Шангронг. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 154–162.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Yang Shangrong. Development of Water Resources in the Context of Management in Central Asia During the Russian Empire / Yang Shangrong // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 154–162. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 304.4

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ БЫТИЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ИСТОРИОСОФСКИЙ РАКУРС**

С.В. Кулик

**GEOPOLITICAL EXISTENCE OF RUSSIAN CIVILIZATION:
HISTORIOSOPHICAL PERSPECTIVE**

S.V. Kulik

Аннотация. Автор исходит из «островной» интерпретации цивилизационного феномена. Бытие российской цивилизации насчитывает около пятисот лет, и ее специфика определялась во многом контекстом противоборства с западной цивилизацией, генезис которой происходил одновременно с российской. В настоящий момент Западный мир, претендующий на универсализм собственной культурно-цивилизационной модели, представляет собой комплексный вызов российской цивилизационной инициативе, активизируя воздействие на переходные территории, что выражается в том же обострении Украинского вопроса. В то же время цивилизационная неопределенность постсоветской России объясняется в том числе колебаниями политики российского руководства, то ориентирующегося на логику национального государства, то не скрывающего имперских цивилизационных намерений. В заключении делается предположение о том, что под давлением объективных обстоятельств в будущем фактически неизбежно превращение России в «цивилизацию для себя».

Abstract. The author proceeds from the "island" interpretation of the civilizational phenomenon. The existence of Russian civilization dates back about five hundred years, and its specificity was largely determined by the context of the confrontation with Western civilization, the genesis of which took place simultaneously with the Russian one. At the moment, the Western world, claiming the universalism of its own cultural and civilizational model, is a complex challenge to the Russian civilizational initiative, activating the impact on transitional territories, which is expressed in the same aggravation of the Ukrainian issue. At the same time, the civilizational uncertainty of post-Soviet Russia is explained, among other things, by fluctuations in the policy of the Russian leadership, which either focuses on the logic of the nation-state or does not hide its imperial civilizational intentions. In conclusion, an assumption is made that, under the pressure of objective circumstances, in the future, the transformation of Russia into a "civilization for itself" is virtually inevitable.

Ключевые слова: российская цивилизация, западная цивилизация, лимитроф, лимб, островная концепция, этнонациональная политика.

Keywords: Russian civilization, Western civilization, limitroph, limbus, island concept, ethno-national policy.

Нет смысла особенно доказывать ставшим уже расхожим утверждение об обострении отношений России с Западным миром, в рамках которого специальная военная операция выступает наиболее острым симптомом проявления упомянутого противостояния. Последнее целесообразно рассматривать именно с методологических позиций цивилизационного подхода, об актуализации которого писал отнюдь не только С. Хантингтон, весьма прозорливо увидевший линии снова заявляющих о себе международных противоречий, которые, собственно говоря, никуда не исчезали, но зачастую существовали латентно. Этот подход был поддержан рядом видных отечественных ученых уже в конце 90-х годов (Б. Ерасов, А. Панарин, В. Цымбурский и др.). В 2000-е годы показательно, что в наиболее расширенном социально-философском осмыслении глобализационных процессов, предложенном директором Института глобализации М. Делягиным, именно цивилизационной конкуренции придавалось одно из решающих значений. Не менее важно, что в рамках упомянутого исследования его автор не спешил объявлять о субъектности российской (православной) цивилизации. По его мнению, можно пока говорить «о продолжающей распадаться советской или о складывающейся на ее руинах российской цивилизации», находящейся в стадии формирования [4, с. 599–600].

Вместе с тем сам факт СВО и брошенный западному миру вызов, с нашей точки зрения, позволяют ставить вопрос о заявившей о себе российской цивилизационной сущности. В связи с этим представляются уместными рассуждения о проблемах и перспективах Российской цивилизации на глобальном поприще. Сразу следует подчеркнуть, что Россия может выступить социокультурным барьером в плане распространения западного проекта политкорректности, ознаменовывающего фактически полное забвение традиционных христианских ценностей, которые выступают фундаментом как Европы, так и России. Последняя пока еще в состоянии выстроить глубоко эшелонированную оборону из традиционного культурного фундаментализма, не допустив разгула ЛГБТ, гомосексуальных браков и т. п. Тем не менее социокультурный проект политкорректности – далеко не единственная проблема, с которой сталкивается Россия, пытающаяся обрести собственную цивилизационную устойчивость. Не похоже, чтобы внутренний политический истеблишмент в полной мере осознал отечественную цивилизационную самодостаточность.

В данной статье мы намерены заняться обоснованием правомерности наделения России цивилизационным статусом, через историософское рассмотрение ее главным образом геополитического и культурно-исторического бытия. Общая *цель* настоящей работы заключается в доказательстве онтологической сущности российской цивилизации, сделав основной упор на рассмотрение процессов ее внешнего контекста. В рамках этого намерения мы прежде всего рассмотрим суть «островного» подхода Вадима Цымбурского, который после смерти мэтра развивается воронежским исследователем Станиславом Хатунцевым. Именно «островная» концепция служит для нас методологической опорой при исследовании отечественного цивилизационного бытия. Затем нам предстоит

экскурс в исторические аспекты российской цивилизации, который будет сопровождаться рассмотрением ситуации в европейском сегменте пространств Великого лимитрофа, откуда зачастую исходят ключевые геополитические вызовы в отношении России. Наконец, некоей завершающей задачей будет краткий анализ шагов российского политического руководства с точки зрения их цивилизационного самосознания. С нашей точки зрения, новизна предложенного небольшого исследования заключается в уточнении как сущности отечественной цивилизации через рассмотрение геополитического контекста, так и некоторых проблемных вопросов, связанных с цивилизационной идентичностью.

Согласно концепции В. Цымбурского и С. Хатунцева, любая цивилизация представляет собой своеобразный «остров», или этноцивилизационное ядро, имеющее сакральную (религиозную или идеологическую) легитимацию. При этом цивилизационное ядро обрамляют «проливы» – лимитрофы и лимбы, куда менее устойчивые в культурно-цивилизационном отношении. Ученые предлагают весьма гибкую модель переходных территорий, интерпретируемых в качестве «проливов». Например, расположенные между российской этноцивилизационной платформой и романо-германской пространства, включающие восточноевропейские страны, «которые примыкают к этой коренной Европе, но не входят в нее» [15]. Такие переходные территории получили обозначение «лимитрофов» (от латинского слова лимес – граница). В то же время существуют и такие цивилизационные окраины – лимбы, которые сохраняя политико-культурную приверженность в отношении «своей» цивилизации, тем не менее испытывают кое-какие воздействия соседней цивилизации» [14]. Если обратиться к российской цивилизационной проблематике, то характеристиками лимитрофа на данный момент времени обладает современная Украина, стремящаяся утвердиться в качестве национального государства, в то время как в качестве лимбов можно рассматривать большинство восточноевропейских стран, ставших окраиной (периферией) западного мира, тогда как лимбом российской цивилизации, по нашему мнению, все еще можно считать Республику Беларусь.

Ядро отечественной цивилизации сформировалось уже в допетровское время (XVI–XVII вв.) на базе окраинных, азиатских, тюрко-монгольских территорий. В. Цымбурский солидарен с расхожим евразийским тезисом, возводящим во главу угла синтез славянских, финно-угорских и тюрко-монгольских элементов, отрицающим весомость идеи панславизма. Славян следует отнести к таким этническим группам, которые размещаются на промежуточных лимитрофных пространствах, в то время как «становящиеся» русские занимают пространство, только слабо соприкасающееся с областями проживания славян по окраине «коренной» Европы [14].

Пояс Великого Лимитрофа охватывает «мир междумирий», который протянулся на протяжении от Финляндии до Кореи огромной дугой, соприкасающейся со всеми основными цивилизациями Старого Света. Нынешняя культургеография материка сформировалась прежде всего благодаря российским

действиям XVI–XX вв., что положили предел внутриконтинентальным протяженностям евро-азиатским перифериям старых цивилизаций Европы, ислама и Китая. Россия от них оставила только «дугу земель по периметру огромной платформы, присвоенной, хотя и полностью не освоенной русскими. Эта дуга соединила все материковые подступы к ядровым платформам цивилизаций теплых морей в потенциально единую мегасистему Великого Лимитрофа – от Финляндии до Кореи» [14].

По мысли В. Цымбурского, становление отечественной цивилизации происходило фактически одновременно с западной. Если в X–XV вв. земли Руси представляли собой цивилизационные окраины как «коренной» Европы, так и Передней Азии, то в XVI веке происходит очевидная перетрубация в православном геокультурном пространстве – «святые места Византии захлестнул тюрко-мусульманский прилив, зато на севере ислам проигрывает православию, создавшему эсхатологический миф последнего Третьего Рима». Выступая сперва оплотом «другого христианства», которое католичество воспринимало как «схизму», Россия впоследствии заявила собственную самодостаточность в отношении как Запада, так и Востока будучи «отмеченной сразу и православием, и большевистским коммунизмом как двумя неизбежно отложившимися в истории воплощениями российской сакральной вертикали» [14].

По сути дела сразу же российская цивилизация вступила в конкуренцию с западной за расширение сфер влияния. В средневековый период, когда только происходило самоопределение восточно-православного и западного миров, между ними существовали весьма расплывчатые границы. Так, большинство населения ВКЛ (Великого Княжества Литовского) было православным, что выступало серьезным определителем политики литовских князей. Но впоследствии неравноправная уния с Польшей закрепляет за литовскими землями статус окраины западного мира. Другой стороной названных процессов явилась переориентация на Москву многих территориальных субъектов (княжеств), ранее в период монголо-татарской экспансии добровольно вошедших в состав ВКЛ.

Ареной наиболее интенсивных межцивилизационных антагонизмов выступали все же западные окраины Московского царства, а впоследствии и Российской империи. Показательно в этом плане стремление России закрепиться на Балтийском побережье, чему постоянно стремился всячески помешать западный мир. На острие подобных усилий могли выступать либо окраинные государства вроде Швеции, либо межцивилизационные (лимитрофные) страны, вроде Речи Посполитой.

В период Империи Россия предприняла ряд вполне успешных экспансий на Запад, что В. Цымбурский определяет через концепт «циклов похищения Европы» [15, с. 12]. Произошло присоединение польских земель, что с российской стороны, как можно полагать, инициировалось в первую очередь из социально-экономических соображений – плодородные земли Восточной Европы.

Политико-идеологическая мотивация оставалась скорее на задворках, так как полякам была предоставлена широкая внутренняя автономия, а ни о какой русификации речь поначалу не шла. И все же исторический характер отношений России с ее польскими окраинами наглядно демонстрировал, что эти территории явно выбивались из российского политико-культурного пространства, даже несмотря на очевидные преференции, сделанные Александром I (Конституция 1815 г.).

Целесообразно считать, что для Польши были весьма типичны черты, присущие практически всем лимитрофным территориям, выступающим «в качестве ключевой связки двойной цивилизационной системы Европа – Россия» [7, с. 180]. Согласно выкладкам В. Цымбурского и его коллеги М. Ильина, в этих землях «сплошь и рядом возникают искусственные «подвижки к Европе» через подчеркивание неких квазиевропейских качеств». Местные народы упорно стремятся «вернуться» или «вписаться» в Европу, что тем не менее встречает противодействие экономических, социально-психологических и иных обстоятельств. Национальные элиты относят себя к «настоящей» Европе, воспринимая собственных восточных соседей только в качестве азиатов [14]. Из этого возможно предположение, что в декларировании собственной европейской (западнической) идентичности восточноевропейскими элитами надо видеть средство их собственного национального самоутверждения. Подобный тренд есть результат успешного навязывания видения Западной модели в качестве мирового цивилизационного образца.

Между тем применительно к Восточной Европе можно назвать как минимум два мешающих этому обстоятельства. Во-первых, собственно Запад не спешит включать названные территории в свой цивилизационный ареал [3]. Например, если поляки видят азиатчину в русских, то немцы приписывают то же самое уже самим полякам. Имеется множество примеров непоследовательности западной политики в отношении восточных европейцев. Здесь можно вспомнить коллективную помощь Запада независимой Польше в 1920 г., которая воспринималась в качестве форпоста против распространения большевизма и спустя девятнадцать лет оставление той же Польши на растерзание армиям вермахта, несмотря на существующие дипломатические договоренности.

Во-вторых, типичная «европейскость» отнюдь не полностью вписывается в социокультурные характеристики восточноевропейских народов, а порой даже противоречит им. Так, беспроblemный отказ от советского мышления тем не менее не сопровождался тотальным принятием сугубо западных либеральных ценностей. По мысли Н. Коровицыной, культурному сознанию чехов присущ «гибрид» ценностей индивидуализма и «семейно-родственной» солидарности. Даже во время Пражской весны 1968 г. на волне реформаторских устремлений лишь 5 % утвердительно отвечали на вопрос – «хотели бы вы возвращения капитализма?». В разгар бескровной «бархатной революции» в конце 1989 г. твердо высказались за капиталистический порядок те же 5 %, в то время как 90 % разделились на две примерно

одинаковые группы. Если первая склонялась к «социализму с человеческим лицом», то вторая за смешанную экономику [8, с. 272–273]. Даже известная своим антикоммунизмом польская «Солидарность» была довольно далека от западного либерализма, склоняясь «скорее к предшествующему периоду консервативной модернизации», чем к рыночному прагматизму [8, с. 159]. Эксперт восточноевропейских стран Н. Коровицына приходит к выводу, что экспансия рыночных структур не стимулировала здесь ожидаемый рост индивидуализма [8, с. 276].

И все же лимитрофный характер восточноевропейских территорий их межцивилизационность, на наш взгляд, предопределили конечную неудачу отечественной цивилизации сделать из этих земель собственную окраину. Откровенно утопичными оказались проекты панславянизма, популярные в XIX в., а в следующем веке не продемонстрировала особенной устойчивости и социалистическая система, развалившаяся при ослаблении политико-идеологических скреп.

Предлагая в 1993 году свое видение отечественного гецивилизационного неоиоляционизма, В. Цымбурский констатировал: «Россия, покидая «территории-проливы», отходит «к себе», на «остров», с предельным восстановлением дистанцированности от иных евроазиатских этноцивилизационных платформ» [15, с. 21]. Однако довольно быстро этот же ученый вынужден был признать, что пространства, от которых «отхлынула» Россия, тут же стали полем экспансии иных геостратегических центров. Причем если одни из них представляют собой соперничающие цивилизации (Запад), то другие, даже являясь народами-интервалами, тем не менее претендуют на собственное лимитрофное империостроительство (пантюркизм). Как писал В. Цымбурский, «идет борьба за контроль над различными секторами Лимитрофа, причем она постоянно увязывается с общей игрой его народов на повышение своего статуса и веса, в том числе за счет ядерных платформ». Причем нередко лимбы соскальзывают в лимитрофы и наоборот [14].

На более современный лад перекладывает данные идеи С. Хатунцев, констатируя претензии западного сообщества на универсальную цивилизованность, что является серьезным вызовом русскому миру. Запад небезуспешно распространяет свое влияние на лимитрофы и на непосредственные окраины – лимбовые территории российского культурно-исторического мира. Уже давно Запад стремится к утверждению в Центральной Азии – сегменте Великого Лимитрофа, что тем самым усиливает его и без того «хроническую систематизирующую нестабильность» [13, с. 45–46, 48].

Закономерно, что со стороны Западной цивилизации не прекращаются активные попытки поколебать гецивилизационные позиции России. По данному поводу рефлексия западного мира носит безальтернативный характер. Идеолог II Рейха П. Рорбах писал в годы Первой мировой войны: «Устранение русской опасности, если время будет этому способствовать, последует путем отделения Украинской от Московской России – или эта опасность

вообще не сможет быть устранена» [2, с. 455]. К сожалению, обстоятельства последних лет четко свидетельствуют о том, что поставленная задача в целом выполнена, а современная Украина вошла прочно в орбиту западного влияния. Последовательные шаги, которые предпринимает Запад, заключаются в том, чтобы всячески ограничить российское влияние посредством внесения культурной сумятицы не столько в ядро российской цивилизации, сколько в окраины, дабы усилить здесь и без того ощутимые тенденции противоположного цивилизационного воздействия. Неслучайно идея украинской нации как политический проект стала реализовываться первоначально на территории Галиции, находящейся под юрисдикцией Австро-Венгрии, а уже затем на подконтрольных Российской империи землях. Причем по ходу применялось совокупность мер идеологического и административно-политического плана, включая прямые репрессии [2, с. 480].

В то же время следует признать, что вызовы отечественной цивилизации исходят не только от Запада. Вряд ли маловажное значение имеют внутренние процессы, многие из которых целесообразно рассматривать в исторической ретроспективе, видя здесь инерцию советской политики. По словам М. Ильина, СССР проводил политику «симуляции государственности союзных республик», в рамках которой имелось противоречивое сочетание национализаторской и советизаторской политических линий. Первая из них предполагала усиление национальной составляющей, поддержку культурного развития титульной нации и продвижение ее представителей в республиканские органы власти. Вектор второй был направлен на консолидацию «новой исторической общности советских людей», или по-другому, на укрепление советского патриотизма. В тех или иных союзных республиках складывались собственные комбинации обозначенных линий. Если в Молдавии и Прибалтике доминантой выступала национализаторская тенденция, то в Белоруссии на первый план вышла советизация, а на Украине обе эти линии «не только сочетались, но порой вступали в конфликт или производили неожиданные эффекты, а главное – их контрапункт заметно отличался во времени и в пространстве» [7, с. 191].

Со временем проект советской национальной политики обнаружил собственный внутренний антитезис, который заключался в непреодолимости особенностей этнического сознания. Советские руководители, как оказалось, неоправданно полагали, что этническая специфика легко нивелируется классовой коммунистической идеей (лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь!»). Политика коренизации, принятая советским руководством, содействовала развитию этнокультурной составляющей нерусских народов, формированию культурно-политических элит этнических меньшинств, которые впоследствии охотно приняли роль акторов национального сепаратизма. Стоит согласиться с Е. Нориным, который констатировал, что этнонациональные проблемы в СССР «никуда не делись, хотя их долгое время удавалось более или менее успешно загонять вглубь». Однако в перестроечный период кризис советской идеологии и духовно-политический вакуум стимулировал массовую популяризацию националистических идей среди нерусских народов [9, с. 7–9]. Это явилось значительным

фактором распада советской цивилизации. СНГ, который предполагался на смену СССР, так и не состоялся в качестве жизнеспособного проекта. Нынешняя Россия все еще сохранила определенную инерцию советской национальной политики, что вызывает раз за разом неоднозначную реакцию общественности. Наконец, никуда не делось глубокое социально-экономическое размежевание регионов, вплоть до поляризации, что проанализировано в ряде работ [12]. По мнению экспертов, дезинтеграция Российского цивилизационного пространства приморожена, но не остановлена [10], или, по словам Е. Норина, СССР давно не существует, но, как ни парадоксально, продолжается его распад [9, с. 287].

Данное обстоятельство не в последнюю очередь обусловлено расплывчатостью российской постсоветской идентичности во многом из-за непоследовательности государственного идеологического обеспечения. Бывший украинский политолог А. Ваджра, констатирует промежуточную идентичность современной России, считая ее балансирующей «на грани между типичным полувосточным / полуазиатским государством и Империей» [2, с. 496]. Схожую проблему ставит американец Дж. Фридман, считая, что в современном геополитическом раскладе всплывет «фундаментальный русский вопрос: если Россия – единое национальное государство, то где находятся ее границы и каковы ее отношения с соседями?» [11, с. 141]. Наконец, А. Дугин вынужден признать, что нынешний российский политический истеблишмент не собирается «ни растворяться в Западе, ни признавать того, что Россия есть самостоятельная цивилизация, и давать Западу последний бой. Ни власть, ни общество не готовы к столь резкому шагу» [5, с. 167]. Справедливость подобной позиции иллюстрируется 2014 годом, когда решительные действия по присоединению Крыма так и не получили продолжения, сменившись на крайне осторожную политику в отношении самопровозглашенных республик Восточной Украины: ДНР и ЛНР.

Таким образом, в качестве общего заключения мы намерены утверждать, что российская цивилизация в свете островной концепции выступает историческим явлением. Время ее онтологического генезиса насчитывает не менее пятисот лет. Отечественное цивилизационное бытие, с нашей точки зрения, подтверждается следующими фактами. Во-первых, враждебной реакцией западного мира, вполне естественной и типичной для цивилизационного конкурента. Во-вторых, спецификой политических и культурных процессов в Восточной Европе и постсоветском пространстве, вполне характерной для переходных и окраинных пространств. В то же время постсоветская цивилизационная неопределенность долгое время объяснялась политической непоследовательностью российского руководства. Последнее в одних случаях действовало как национальное государство, при этом ориентируясь прежде всего на западные критерии международной политики, в других – следовало логике империи с цивилизационными амбициями. Такие стратегические метания во многом препятствуют самоутверждению отечественной цивилизационной идентичности, а следовательно, и отстаиванию насущных геополитических интересов. Выходит, что постсоветская Россия выступала по большей части как «цивилизация в себе». И все же в настоящий момент происходит все большее ее втягивание в орбиту цивилизационной логики,

что происходит в первую очередь под воздействием самодовлеющих внешних обстоятельств, обусловленных активностью глобальных цивилизационных конкурентов. Это делает фактически неизбежным превращение России в «цивилизацию для себя» в недалеком будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анурин, В. Ф. От Москвы до самых окраин (социальное неравенство: региональный разрез) / В. Ф. Анурин. – Текст : непосредственный // Социология. – 2005. – № 3-4. – С. 232–252.
2. Ваджра, А. Украинский лимитроф в геополитическом раскладе Евразии / А. Ваджра. – Текст : непосредственный // Ваджра А. Распад. Хроника и анализ украинской катастрофы. – М. : Книжный мир, 2019. – С. 455–632.
3. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф. – М. : Новое литературное обозрение, 1994. – 560 с. – Текст : непосредственный.
4. Делягин, М. Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Том I. Общая теория глобализации / М. Г. Делягин. – М. : Книжный мир, 2019. – 832 с. – Текст : непосредственный.
5. Дугин, А. Г. Четвертая политическая теория / А. Г. Дугин. – М. : Амфора, 2009. – 351 с. – Текст : непосредственный.
6. Ерасов, Б. С. Социокультурные и геополитические принципы евразийства: вызовы новой эпохи / Б. С. Ерасов. – Текст : непосредственный // Историческая психология и социология истории. – 2017. – № 2. – С. 122–148.
7. Ильин, М. Балто-Черноморская система. Матрицы и перспективы восточно-европейского политического развития / М. Ильин. – Текст : непосредственный // Космополис. – 2008. – № 1 (20). – С. 180–195.
8. Коровицына, Н. В. С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития / Н. В. Коровицына. – М. : Алгоритм, 2003. – 288 с. – Текст : непосредственный.
9. Норин, Е. Под знаменами демократии. Войны и конфликты на развалинах СССР / Е. Норин. – СПб. : Питер, 2018. – 288 с. – Текст : непосредственный.
10. Адекватны ли действия Москвы в СНГ? – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FivmV1vRU48&t=1264s> (дата обращения: 30.01.2023). – Текст : электронный.
11. Фридман, Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века / Д. Фридман. – М. : Эксмо, 2010. – 336 с. – Текст : непосредственный.
12. Халиков, М. С. Социологическая типология моделирования распределительных отношений в региональном социально-экономическом пространстве / М. С. Халиков. – Текст : непосредственный // Человек и современный мир. – М. : ИНФРА-М, 2002. – С. 287–299.
13. Хатунцев, С. В. Запад и «Евразийская квадрига» (Россия, Китай, Индия, Иран) / С. В. Хатунцев. – Текст : непосредственный // Политические исследования. – 2015. – № 6. – С. 45–52.
14. Цымбурский, В. Л. Народы между цивилизациями / В. Л. Цымбурский. – Текст : электронный // Pro et Contra. – 1997. – Том 3. – № 3. – URL: http://intelros.ru/2007/08/27/vadim_cymburskijj_narody_mezhdu_civilizacijami.html (дата обращения: 30.01.2023).
15. Цымбурский, В. Л. Остров Россия / В. Л. Цымбурский. – Текст : непосредственный // Политические исследования. – 1993. – № 5. – С. 6–27.

REFERENCES

1. Anurin V. F From Moscow to the Outskirts (Social Inequality: Regional Section). *Sociologiya = Sociology*, 2005, no. 3-4, pp. 232–252. (In Russian).
2. Vadzhra A. Ukrainian limitrophe in the geopolitical alignment of Eurasia. *Raspad. Hronika i analiz ukrainskoj katastrofy = Decay. Chronicle and analysis of the Ukrainian catastrophe*. M., Knizhnyj mir, 2019. Pp. 455–632. (In Russian).
3. Woolf L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu. Karta civilizacii v soznanii epohi Prosveshcheniya = Inventing Eastern Europe. Map of civilization in the mind of the Enlightenment*. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 1994. 560 p. (In Russian).
4. Delyagin M. G. *Konec epohi: ostorozhno, dveri otkryvayutsya! Tom I. Obshchaya teoriya globalizacii = The end of an era: be careful, the doors are opening! Volume I. General Theory of Globalization*. M., Knizhnyj mir, 2019. 832 p. (In Russian).
5. Dugin A. G. *Chetvertaya politicheskaya teoriya = The fourth political theory*. M., Amfora, 2009. 351 p. (In Russian).
6. Erasov B. S. Sociocultural and geopolitical principles of Eurasianism: challenges of a new era. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii = Historical psychology and sociology of history*, 2017, no. 2, pp. 122–148. (In Russian).
7. Ilyin M. Balto-Chernomorskaya system. Matrices and prospects of Eastern European political development. *Kosmopolis = Cosmopolis*, 2008, no. 1 (20), pp. 180–195. (In Russian).
8. Korovitsyna N. V. *S Rossiej i bez nee: Vostochnoevropejskij put' razvitiya = With and without Russia: East European way of development*. M., Algoritm, 2003. 288 p. (In Russian).
9. Norin E. *Pod znamenami demokratii. Vojny i konflikty na razvalinah SSSR = Under the Banners of Democracy. Wars and conflicts on the ruins of the USSR*. SPb., Piter, 2018. 288 p. (In Russian).
10. *Adekvatny li dejstviya Moskvy v SNG? = Are Moscow's actions in the CIS adequate?* URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FivmV1vRU48&t=1264s>. (In Russian).
11. Fridman D. *Sleduyushchie 100 let: prognoz sobytij XXI veka = The Next 100 Years: A Forecast of the Events of the 21st Century*. M., Eksmo, 2010. 336 p. (In Russian).
12. Khalikov M. S. Sociological typology of modeling distribution relations in the regional socio-economic space. *Chelovek i sovremennyy mir = Man and the modern world*. M., INFRA-M, 2002. Pp. 287–299. (In Russian).
13. Khatuntsev S. V. The West and the "Eurasian Quadriga" (Russia, China, India, Iran). *Politicheskie issledovaniya = Political studies*, 2015, no 6, pp. 45–52. (In Russian).
14. Tsymbursky V. L. Peoples between civilizations. *Pro et Contra = Pro et Contra*, 1997, vol. 3, no. 3. URL: http://intelros.ru/2007/08/27/vadim_cymburskijj_narody_mezhdu_civilizacijami.html. (In Russian).
15. Tsymbursky V. L. Ostrov Russia. *Politicheskie issledovaniya = Political Studies*, 1993, no. 5, pp. 6–27. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кулик, С. В. Геополитическое бытие российской цивилизации: историософский ракурс / С. В. Кулик. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 163–172.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kulik S. V. Geopolitical Existence of Russian Civilization: Historiosophical Perspective / S. V. Kulik // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 163–172. (In Russian).

УДК 316.33:101.8

ДИАЛОГИЗМЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

А.Д. Похилько, М.А. Губанова, В.Е. Лоба, И.А. Абдулаева

DIALOGISMS OF SOCIAL AND HISTORICAL CONSCIOUSNESS

A.D. Pokhilko, M.A. Gubanova, V.E. Loba, I.A. Abdulaeva

Аннотация. Диалогизм рассматривается в статье как условие сознательного диалога с его порождением личностных смыслов. Авторы соотносят диалогизм и диалог как бытие и сознание в их диалектическом соотношении и информационной взаимосвязи в культуре и российской истории. Диалог требует личностной автономии, которая раскрывается в диалогическом отношении с другой автономной личностью. В свою очередь, диалогизм близок по своему понятийному содержанию к коллективному информационному тезаурусу. Смыкание коллективных тезаурусов обеспечивает взаимопонимание людей на основе общих ценностей без сознательной рефлексии на индивидуально-личностные смыслы. Приводятся примеры диалогизмов российского социально-исторического сознания. Делается вывод о том, что личностный диалог является перспективным для дальнейшего цивилизационного развития российского общества и предпосылкой смягчения доминанты монологизма как антипода или закономерного дополнения диалогизма в российской истории.

Abstract. Dialogism is considered in the article as a condition for a conscious dialogue with its generation of personal meanings. The authors correlate dialogism and dialogue as being and consciousness in their dialectical relationship and informational relationship in culture and Russian history. Dialogue requires personal autonomy, which is revealed in a dialogical relationship with another autonomous personality. In turn, dialogism is close in its conceptual content to the collective information thesaurus. The closure of collective thesauri ensures mutual understanding of people on the basis of common values without conscious reflection on individual personal meanings. Examples of dialogisms of the Russian socio-historical consciousness are given. It is concluded that personal dialogue is promising for the further civilizational development of Russian society and a prerequisite for softening the dominant of monologism as an antipode or a natural addition to dialogism in Russian history.

Ключевые слова: диалог, диалогизм, монологизм, сознание, личность, российское общество, российская история.

Keywords: dialogue, dialogism, monologism, consciousness, personality, Russian society, Russian history.

Актуальность темы обусловлена противоречивостью исторического сознания, в частности, доминированием монологичности в массовом сознании, а также утратой многих естественных диалогических традиций духовной культуры. Диалогическое право и диалогическая политика имеют свои преимущества, поскольку выражают интенцию ненасилию. В ходе диалога прокладывается путь к согласию социальных субъектов, появляется возможность выработать программу политической деятельности в духе гуманизма и нравственности, сохранить права человека. Политический диалог –

важное условие демократии и становления гражданского общества. Несомненно, гражданское общество предполагает личностную автономию и сформированную правовую личность. В гражданском обществе идет перманентный диалог разнообразных социальных сил, разворачивается коммуникацию данных сил с государством и другими видами власти. Приобретает все большую значимость положение О.В. Орловой, считающей, что неартикулированность социальных позиций различных субъектов, социальных групп и социальных слоев общества, недостаточная коммуникация всех этих сил с мощной государственной властью не приближают, а удаляют российское общество от подлинного гражданского состояния [9, с. 12–18] .

Следует отметить, что тема недостаточно разработана. М.М. Бахтин, В.С. Библер, М. Бубер, Э. Левинас, С.Л. Франк заложили основы социально-философской методологии исследования диалогизмов социально-исторического сознания. Их творческое наследие изучают и развивают Е.П. Александров, Н.К. Антропова, А.В. Гурьянова, В.И. Кудашов, Т.В. Излученко и другие [1; 2; 4; 6; 7].

Наша задача – уточнение терминов и тезисное обозначение проблемы, выделение значимых эпистемологических трудностей, связанных с ее изучением. В частности, речь идет о выявлении онтологических диалогизмов, которые выражаются в различных эпистемологических формах диалога в социально-историческом познании и сознании. Вначале о терминах «историческое сознание», «диалог», «диалогизм» и другие.

Что касается важного требования логики – дать определение основного понятия, привести дефиницию термина «исторического сознания», то в данном случае нет претензий на строгое определение, поскольку для решения поставленной задачи достаточно дать характеристику термина, выделив его существенные и отличительные признаки. Историческое сознание мы понимаем как общественно-индивидуальную форму духовности, которая включает такие компоненты, как:

- знание истории (историческая память);
- осмысление исторического опыта и вытекающих из него уроков;
- социальное прогнозирование;
- осознание социальной ответственности за свою деятельность.

В данном контексте особый интерес представляет осмысление личностью исторического опыта и вытекающих из него уроков, осознание личной экзистенциальной ответственности за индивидуальную историчность.

Диалог выступает атрибутом современного социально-гуманитарного знания и познания. Однако при этом диалог в социально-гуманитарных науках понимается не только и не столько как литературная форма разговора двух лиц, а гораздо более сложный и содержательно богатый социокультурный феномен. Понимание диалога только как обмена обезличенной информацией, а тем более как обмена языковыми формами, репликами, завуалировало бы или исказило аутентичность диалога. Конечной целью выступает не информационный обмен

или его внешняя сторона – языковое взаимодействие, не механическая аккумуляция, аддитивное суммирование готовых смыслов-значений, а совместное нахождение или порождение качественно новых смыслов. В процессе диалога происходит становление, корреляция, приращение когерентных смыслов. Аутентичное диалогическое взаимодействие приводит к смысловому обогащению субъектов этого взаимодействия. Диалог – важная форма личностного взаимодействия, условие понимания участников общения. Само понимание – это обнаружение смысла, смысловое освоение действительности [1, с. 52].

Понимание – это результат и предпосылка диалога индивидуальных и социальных субъектов, цивилизаций и культур. Явно устаревшее значение термина «диалог» широко употреблялось и иногда употребляется в настоящее время для вопросно-ответного изложения сложных вопросов с помощью подобной сократической «диалектики». Новейшая диалогическая методология связывается с социально-историческим познанием и текстами культуры [4; 6; 16]. Однако в нашем случае мы ведем речь не только о познании, но и о сознании. Если познание направлено на получение знания, то сознание направлено на получение смыслов.

Однако мы бы предложили аксиологически заостренное понимание диалога. В диалоге реализуются два основных человеческих стремления: с одной стороны, это стремление «высказать» свое отношение к ситуации и потребность быть «услышанным», понятым; с другой стороны, желание понять другого и быть, в свою очередь, понятым самому Другим. Способ этой реализации аналогичен способу бытия философии. Поиск и анализ такого способа означает обращение к истоку философии в античности [1, с. 52].

Среди современных философов и ученых, исследовавших диалог, следует назвать Ю. Хабермаса, который предлагает перейти от конфронтации к коммуникации, плодотворному дискурсу представителей различных культурных и социальных традиций. Надо вовлечь Другого, то есть возможного противника, в дискуссию. Сама языковая коммуникация подразумевает признание собеседника равным себе [13].

Понятие «диалогизм» также требует пояснения в связи с новым пониманием его квазиобъективного содержания. В этом термине мы бы подчеркнули «объективную» сторону в отличие от субъективного употребления данного термина, когда диалогизмом обозначаются субъективные формы ценностно-смыслового взаимодействия. Под диалогизмом понимается традиция диалога в духовной сфере и рефлексивные историко-философские образования по поводу тех или иных диалогов. В контексте данного исследования под диалогизмом мы предлагаем понимать онтологическую корреляцию указанных диалогических рефлексивных формообразований. Диалогизм – это онтологическое условие и предпосылка активного диалога. В этом смысле диалогизмы могут существовать, но достаточно активного диалога при этом не будет.

Следует высказать тезис о том, что исследование диалогичности исторического сознания сталкивается с трудностями. Например, возникает такая своеобразная апория: как возможен диалог с прошлым, которого нет, с мыслителями, которых уже нет?

Личность осмысливает развитие общественной реальности, занимая определённое отношение к ней. Это отношение и есть историческое сознание в том случае, если личность изначально исторична. Индивидуальная историчность позволяет находить онтологический диалогизм в виде исторически развернутой личности, которая берет свое начало в «осевом времени», или в «осевой эпохе», по терминологии Карла Ясперса. Например, историчность религиозного сознания выражается в том, настоящее – это не одна точка, не один миг между прошлым и будущим, а отрезок в две тысячи лет. Религии спасения – это рефлексия на личность, один из вариантов преодоления страха перед неизбежным индивидуальным концом света с помощью веры в бессмертие родовой жизни.

Сознание человека является диалогичным по самой своей сути. Так исторически религиозное сознание с необходимостью создает особую инстанцию диалога – личностную инстанцию – «персонифицированную совесть», которая наделена отличающимися от человека признаками: справедливостью, истинностью и другими атрибутами абсолюта. Совесть обретает качества сверхъестественного существа, приобретает сакральную святость, абсолютность и непогрешимость [7, с. 196].

В религиозном сознании и диалоге с инстанцией абсолюта совесть олицетворяется в виде Бога или иных духовных существ. Данная идея развита В. Франклом. Он полагает, что Бог выступает как собеседник в интимном диалоге, а совесть репрезентирована в качестве сверхличности. Настоящий диалог – это не разговор с самим собой, а сакральное общение с высшей инстанцией [12, с. 126]. Выражением переживания опыта религиозного диалога стала молитва. Как раз в ней, в таком действии далекие сверхъестественные существа приобретают в личностном сознании свойства непосредственного собеседника. Исследователи подчеркивают и негативные тенденции в абсолютизации субъективной нравственной инстанции диалогизма в религиозном сознании [6]. На наш взгляд, Т.В. Излученко и В.И. Кудашов преувеличивают эти возможные негативные стороны диалога в религиозном сознании. По их мнению, в экстремистских организациях религиозного вида «диалогичность сознания участников направлена на укрепление экстремистских идей» [6, с. 134], якобы на обоснование этих идей догмами вероучения и сознательное противопоставление другим мировоззренческим установкам и их носителям (позиция «Мы – Они» как позиция ксенофобии). Однако, на наш взгляд, лучше было бы вести речь о монологизме как основе подобных религиозных сообществ; монологизме и фанатизме, которые выступают препятствием для диалога. Обманчивую видимость создает внешнее проявление монологизма в обилии этикетных и ритуальных диалогов, которые являются диалогами по чисто формальным, языковым признакам.

Еще одна трудность возникает тогда, когда встает вопрос о русском народе, который П.Я. Чаадаев охарактеризовал в качестве неисторического народа. Как возможен диалог в коллективистском обществе? Возможен ли он вообще? Западники и славянофилы спорили не столько о Западе или Востоке, сколько о личности в России. Исторически российскому обществу присущи как раз гетерономия и антипод диалогизма – онтологический монологизм. Эти исторические тенденции (гетерономия и монологизм) выступают как основные направления социального развития, общественного бытия и общественного сознания. Несомненно, монологизм – это традиционный способ ригидного, жесткого способа управления в обществе, которое часто попадает в полосу кризисов, в котором, по выражению А.С. Пушкина, «народ безмолвствует» и подчиняется командам и приказам, не обсуждая их, а неукоснительно выполняя. Отсутствие диалога политической власти с молчаливым народом выступает своеобразным «знаком согласия» даже с неправовым законом, беззаконием и с произволом. Интересно отметить, что, современное информационно-компьютерное общество с его значительными возможностями демократизации общественной жизни также встречается с проблемой бессубъектных, как бы «молчащих» (неспособных к диалогу) масс. На этот факт обращает внимание Ж. Бодрийяр, высказывая мысль о конце социального [3].

По-своему прав был К.Д. Кавелин, когда предлагал императив автономности личностного сознания и личностного бытия для русского человека. Диалог на личностном уровне – это самораскрытие автономности личностного сознания. Первые шаги, которые делает человек на этом пути – это обретение собственности и осознания своих фундаментальных прав на жизнь и свободу. Право – ключ к развитию российской цивилизации, поскольку без права нет и цивилизации. История культуры на Руси, согласно аргументам К.Д. Кавелина [8, с. 19], начиналась с полного отсутствия личного начала. Задача истории по отношению к русскому племени и в отношении германских племен была различна, полагал К.Д. Кавелин. Так, германским племенам надо было усовершенствовать, развить уже существующую историческую личность, превратив личность воинственную в личность человеческую; а нам, российско-славянскому племени, предстояло вообще создать личность как таковую [8, с. 19–20]. И затем этот цивилизационный процесс шел очень медленно. Индивидуальное начало, автономная личность, адекватная индивидуализация традиционно коллективистского общества – это важный цивилизационный вызов для современного этапа российской истории. Такое отсутствие личности, способной к общественно значимому открытому диалогу, спровоцировало жесткий легизм советской системы.

Несомненно, своя истина была и у славянофилов. Крайний индивидуализм замыкает человека в своем отчужденном мире, и диалог становится невозможным. Между буберовским Я и Ты возникает пропасть, которую можно преодолеть только чудесным способом. Это чудо называется Встреча с большой

буквы. В России само личностное начало находит особые формы выражения. Личность в контексте христианской культуры становится соборной, симфонической, что обеспечивает предпосылки диалога в виде онтологических диалогизмов духовной культуры. Поэтому ответ на вопрос, возможен ли диалог в коллективистском обществе, на наш взгляд, может быть положительным.

Ключом к пониманию особенностей российских диалогизмов и их места в российской ментальности служит концепт коллективных тезаурусов. Коллективный тезаурус у Ю.А. Шрейдера рассматривается как открытая, нелинейно развивающаяся, упорядоченная система ряда смысловыражающих элементов, между которыми заданы смысловые отношения [15, с. 147–159]. Преобразование этих отношений идет посредством потребления и преобразования, переработки получаемой информации в ходе жизнедеятельности общества [10, с. 140–147]. Понятие тезауруса мы распространяем на социальную память, включающую не только знания, но и ценности, вследствие чего это понятие (тезаурус) можно применять не только в чисто информационном, но и в аксиологическом смысле. Основанием для такого предположения может служить то, что в настоящее время внимание ученых все более привлекает к себе процесс передачи «эстетической информации», «нравственной информации», «религиозной информации» в силу практической важности этих концептов. Происходит осознание, что воспитание людей нельзя мерить только количеством научной информации. Однако даже модель информационная делает понятие тезауруса интересным для рассмотрения одного из ключевых терминов – термина «понимание». Смыкание информационных тезаурусов служит онтологическим основанием для взаимного понимания. Отметим, что критерием монологизма, напротив, служит нестыковка, несмыкание или неадекватное смыкание коллективных информационных тезаурусов, их закрытость, замкнутость на себя.

Понятие коллективных тезаурусов выступает как особенное, если принять общественное и индивидуальное сознание за общее и единичное соответственно. Это основное звено, соединяющее индивида с миром духовной культуры общества. В понятии тезауруса можно выразить некоторые процессы коммуникации и условий диалога. Придем для наглядности простой пример. Почему, академики не могут обучать первоклассников? Конечно, не потому, что академики мало знают. Наоборот, именно потому, что они знают много. У них несоизмеримые информационные тезаурусы. Тезаурус приемника (первоклассника) очень мал относительно тезауруса источника (академика). Такое обучение было бы неэффективным, потому что первоклассники ничему практически не научились бы. Чтобы повысить эффективность обучения иными словами, увеличить количество информации, извлекаемой приемником из сообщения необходимо уменьшить различие в тезаурусах ученика и учителя. Тогда лучшим вариантом оказывается знающая только само главное и необходимое учительница первого класса соответствующим тезаурусом.

В этом отношении интерес представляет также и позиция С.Л. Франка. Он доказывает, что «я», «ты» и «мы» соотносительны и «одинаково первичны» [11]. Они заданы сразу в качестве единой структуры. Они диалектически взаимно порождают друг друга.

Отметим важность такой дилеммы, как мораль или право, выбора альтернативных регуляторов человеческой деятельности. Исторической традицией российского общества стал панморализм, сопряженный с правовым нигилизмом и парадоксально вытекающим из него легизмом. Панморализм на уровне общественной жизни не исключает такого явления как жизнь по понятиям и оправдание противоправного и аморального насилия. Было бы ложной дилеммой противопоставлять панморализму легизм с его сухим нормативизмом, который вытесняет богатство традиционного нравственного сознания русского народа. Реальной альтернативой выступает правовой и нравственный диалог.

Отметим в этой связи такой специфический для истории России феномен, как учительство. Сущность учительства как особого социокультурного феномена в истории России заключается в том, что оно отражает традиционность общества с его способами устной трансляции социального опыта от одного поколения к другому и одновременно стремление российского общества к социальной рационализации и модернизации. В учительстве причудливо переплетены монологизмы и диалогизмы. Охарактеризованы многообразные формы учительства: кроме естественного педагогического учительства существует религиозное, философское, художественно-эстетическое, политическое, правовое, моральное, научное. Поэт в России больше чем просто поэт, писатель – больше, чем писатель. Они все Учителя с большой буквы, учителя жизненной мудрости.

Для нас важно не только и не столько обсудить адекватность выражения имплицитных онтологических диалогизмов в живом диалоге, сколько их наличие. Для России характерны такие диалогизмы, как православная нравственность как особое культурное формообразование, русская художественная литература (особенно в XIX веке), панморализм, фольклор.

К сказанному следует добавить, что и само собственно педагогическое (особенно деятельность педагогов-новаторов и великих просветителей) учительство приобретает обобщенную форму жизнеучительства. Учитель больше, чем учитель. Ему делегирована власть морального авторитета. Элементы диалога в этой форме диалогизма (учительстве) приобретают принудительную модальность, становятся сакральным и асимметричным отношением, напоминающим гегелевскую диалектику рабства и господства. В умеренной форме учительства, несомненно, заключается прогрессивное содержание агональной культуры, способствующей становлению и развитию личностного начала.

Однако часто учительство в его всеобщей форме приобретает характер взаимной ненависти, стремления возвыситься за счет унижения другого. Так, например, О.В. Хахордин проанализировал массовое стремление к обличению,

которое показывает, что все люди плохие, но они лицемерят, хотят казаться хорошими, поэтому надо срывать с них маски, обличать [14]. Простой колхозник под одобрительные жесты односельчан должен обязательно «срезать» кандидата наук, который, оказывается, не знает простых вещей, о которых пишут в газетах (рассказ В.М. Шукшина «Срезал»). Еще раз подчеркнем, что умеренное учительство как форма диалогизма отличается от монологизма. Крайними формами монологизма являются приказ и команда, которые не осмысливаются, а только бездумно исполняются. Вытеснение диалога из жизни человека и замена его приказами и командами приводит к тому, что жало приказа парализует сознание, задает установку на фанатизм и человеконенавистничество. Даже такой фанатизм, который основан на абстрактной идее «чистой любви» (например, у сторонников одной конфессии [6]), ведет к монологизму (своего рода инквизиции и гонениям на инакомыслящих). Диалог ведет к пониманию, следовательно, открывает дорогу к взаимному уважению и подлинной альтруистической любви.

Постановка вопроса о диалогизме как квазиобъективном формообразовании предполагает дальнейшее исследование. Диалог всегда нагружен аксиологически, он органично включает ценности, сознание и склонен к морализаторству. Сторонники объективного подхода к личности вынуждены погружаться в проблематику социального действия и бессознательного, элиминируя диалог. Однако, на наш взгляд, исследование диалогизмов могло бы прояснить наличие или отсутствие взаимосвязи между объективными отношениями личности в обществе и субъективными способами диалога и общения между личностями. Пока же отношение между объективными отношениями и диалогом остаются скорее, эпистемологически дуальными, совместимыми только в соответствии с принципом дополнительности, разработанным Нильсом Бором.

Таким образом, под диалогизмом можно иметь в виду онтологическую реальность, определенные социокультурные формообразования, которые близки к понятию коллективных информационных тезаурусов. На основе онтологических диалогизмов обеспечивается взаимное понимание людей в обществе и продуцируются живые диалоги, а также эксплицитные эпистемологические рефлексии над имплицитными социально-психологическими по своей природе диалогизмами и живыми диалогами. Историческое развертывание диалогизмов в социально-историческом сознании представляет инновационный путь трансформации социальности, который сопряжен с социальной традицией учительства и симбиозами монологизмов и диалогизмов. Историческое доминирование традиции в развитии России предполагает наличие механизмов аутопозиса в ценностно-смысловой структуре диалогизмов. Однако инновационное развитие, необходимо вытекающее из диалектики самой социокультурной традиции, требует личностного и межличностного диалога для укрепления механизмов социальной саморегуляции системы. Именно на таком диалоге строится межкультурный и межцивилизационный диалог, моделирующий нравственные ценности на глобальном уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, Е. П. Проблема диалога в современном гуманитарном знании / Е. П. Александров. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2014. – № 1 (19). – С. 52–57.
2. Антропова, Н. К. Проблема диалога в русской философии конца XIX – начала XX вв. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Антропова Наталья Константиновна. – Екатеринбург, 1999. – 25 с. – Текст : непосредственный.
3. Бодрийар, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийар. – URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt> (дата обращения: 05.02.2023). – Текст : электронный.
4. Гурьянова, А. В. Диалогизм как основополагающий принцип познания истории / А. В. Гурьянова. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского государственного университета. – 2012. – № 2-2. – С. 155–159.
5. Зарапин, О. В. Философский диалог как деятельность: культура и текст / О. В. Зарапин. – Симферополь : Антика, 2023. – 220 с. – Текст : непосредственный.
6. Излученко, Т. В. Негативное проявление диалогичности в экстремистском религиозном сознании / Т. В. Излученко, В. И. Кудашов. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 5 (33). – С. 130–143.
7. Излученко, Т. В. Проявление диалогичности в религиозном сознании / Т. В. Излученко. – Текст : непосредственный // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2012. – № 1. – С. 193–197
8. Кавелин, К. Д. Собрание сочинений К.Д. Кавелина : в 4 томах. Том 1: Монографии по русской истории : разсуждения, критические статьи и заметки К. Д. Кавелина / К. Д. Кавелин. – СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1897. – XXXII с., 1052 стлб. – (Пагинация основного текста в столбцах). – Текст : непосредственный.
9. Орлова, О. В. Автономия личности и автономия гражданского общества / О. В. Орлова. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2006. – № 1. – С. 12–18.
10. Сахарова, Ю. В. Коллективный тезаурус: системно-структурный аспект / Ю. В. Сахарова. – Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 140–147.
11. Франк, С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию / С. Л. Франк. – Paris : YMCA-press, 1930. – 313 с. – Текст : непосредственный.
12. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 366 с. – Текст : непосредственный.
13. Хабермас, Ю. Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2022. – 878 с. – Текст : непосредственный.
14. Хархордин, О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности / О. В. Хархордин. – 2-е изд. – СПб. : Европейский университет, 2016. – 507 с. – Текст : непосредственный.
15. Шрейдер, Ю. А. Информация в структурах с отношениями / Ю. А. Шрейдер. – Текст : непосредственный // Исследования по математической лингвистике, математической логике и информационным языкам. – М. : Наука, 1972. – С. 147–159.

16. Эзри, Г. К. К вопросу о соотношении понятий «диалог» и «объектные отношения» в истории философии XIX–XX веков / Г. К. Эзри. – Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 8-2 (71). – С. 78–81. – DOI 10.24412/2500-1000-2022-8-2-78-81.

REFERENCES

1. Aleksandrov Ye. P. *Problema dialoga v sovremenном gumanitarnom znanii* [The problem of dialogue in modern humanitarian knowledge]. *Vestnik Taganroгskogo institute upravleniya i ekonomiki = Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*, 2014, no. 1 (19), pp. 52–57. (In Russian).

2. Antropova N. K. *Problema dialoga v russkoy filosofii kontsa XIX – nachala XX vv. : avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk* [The problem of dialogue in Russian philosophy of the late XIX – early XX centuries : abstract dis. ... candidate of philosophical sciences]. Yekaterinburg, 1999, 25 p. (In Russian).

3. Bodriyar Zh. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [In the Shadow of the Silent Majority, or the End of the Social]. Yekaterinburg, 2000. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt>. (In Russian).

4. Gur'yanova A. V. *Dialogizm kak osnovopolagayushchiy printsip poznaniya istorii* [Dialogism as a fundamental principle of knowledge of history]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Samara State University*, 2012, no. 2-2, pp. 155–159. (In Russian).

5. Zarapin O. V. *Filosofskiy dialog kak deyatel'nost': kul'tura i tekst* [Philosophical dialogue as activity: culture and text]. Simferopol': Antikva, 2023, 220 p. (In Russian).

6. Izluchenko T. V., Kudashov V. I. *Negativnoye proyavleniye dialogichnosti v ekstremistskom religioznom soznanii* [Negative manifestation of dialogicity in extremist religious consciousness]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 2016, no. 5 (33), pp. 130–143. (In Russian).

7. Izluchenko T. V. *Proyavleniye dialogichnosti v religioznom soznanii* [Negative manifestation of dialogicity in extremist religious consciousness]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'yeva = Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University*. 2012, no. 1, pp. 193–197. (In Russian).

8. Kavelin K. D. *Sobraniye sochineniy K.D. Kavelina* [Collected works of K.D. Kavelin]. SPb. : Tip. M.M. Stasyulevicha, 1897–1900, Vol. 1: *Monografii po russkoy istorii* [Monographs on Russian history], 1897, XXXII p., 1052 p. (In Russian).

9. Orlova O. V. *Avtonomiya lichnosti i avtonomiya grazhdanskogo obshchestva* [Autonomy of the individual and the autonomy of civil society]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2006, no. 1, pp. 12–18.

10. Sakharova Yu. V. *Kollektivnyy tezaurus: sistemno-strukturnyy aspekt* [Collective thesaurus: system-structural aspect]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki = Bulletin of the Tula State University. Humanitarian sciences*, 2013, no. 2, pp. 140–147. (In Russian).

11. Frank S. L. *Dukhovnyye osnovy obshchestva: vvedeniye v sotsial'nuyu filosofiyu* [Spiritual foundations of society: an introduction to social philosophy]. Paris, YMCA-press, 1930, 313 p. (In Russian).

12. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning]. M., Progress, 1990, 366 p. (In Russian).

13. Habermas Y. U. *Teoriya kommunikativnoy deyatelnosti* [Theory of communicative activity]. М., Ves' mir, 2022, 878 p. (In Russian).

14. Kharkhordin O. V. *Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiyskoy lichnosti* [Reveal and hypocrisy: the genealogy of the Russian personality]. 2-ye izd. SPb., Yevropeyskiy universitet, 2016, 507 p. (In Russian).

15. Shreyder Yu. A. *Informatsiya v strukturakh s otnosheniyami* [Information in relational structures]. *Issledovaniya po matematicheskoy lingvistike, matematicheskoy logike i informatsionnym yazykam = Studies in Mathematical Linguistics, Mathematical Logic and Informational Languages*. М., Nauka, 1972, pp. 147–159. (In Russian).

16. Ezri G. K. *K voprosu o sootnoshenii ponyatiy "dialog" i "ob"yektnyye otnosheniya" v istoriifilosofii XIX–XX vekov* [On the question of the relationship between the concepts of "dialogue" and "object relations" in the history of philosophy of the XIX–XX centuries]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk = International Journal of the Humanities and Natural Sciences*, 2022, no. 8-2 (71), pp. 78–81. DOI 10.24412/2500-1000-2022-8-2-78-81. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Диалогизмы социально-исторического сознания / А. Д. Похилько, М. А. Губанова, В. Е. Лоба, И. А. Абдулаева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 173–183.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pokhilko A. D., Gubanova M. A., Loba V. E., Abdulaeva I. A. Dialogisms of Social and Historical Consciousness / A. D. Pokhilko, M. A. Gubanova, V. E. Loba, I. A. Abdulaeva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 173–183. (In Russian).

УДК 316.3

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Н.Н. Равочкин

COGNITIVE BASES OF SOCIAL DEVELOPMENT

N.N. Ravochkin

Аннотация. В статье рассматривается значение когнитивных оснований для современного социального развития. Изучаются наиболее значимые теоретические работы, позволяющие дать интегральное понимание когнитивных оснований, а также содержательно раскрывающие родовую для них модель «общество знания». Обоснована роль знаний как инструмента социальной инженерии. Продемонстрирована связь когнитивного развития обществ и их успеха в различных сферах жизнедеятельности. На примере с возобновляемыми источниками энергии подробно изучены и описаны детерминационные возможности знаний для экономического превосходства государств. Представлена и раскрыта природа обладания необходимыми для современного этапа общественного развития компетенциями, обеспечивающими превосходство как отдельных индивидов, так и целых общностей. Репрезентированы трансформации обществ после имплементации обуславливающих цифровизацию интеллектуальных конструктов. Показана специфика зарубежного и отечественного опыта. В заключение работы подведены основные итоги исследования.

Abstract. The article discusses the importance of cognitive foundations for modern social development. The most significant theoretical works are studied, which allow to give an integral understanding of the cognitive foundations, as well as meaningfully revealing the "knowledge society" model that is generic for them. The role of knowledge as a tool of social engineering is substantiated. The connection between the cognitive development of societies and their success in various spheres of life is demonstrated. On the example of renewable energy sources, the determinative possibilities of knowledge for the economic superiority of states are studied and described in detail. The nature of possessing the competencies necessary for the current stage of social development, which ensures the superiority of both individuals and entire communities, is presented and disclosed. The transformations of societies after the implementation of intellectual constructs that determine digitalization are represented. The specificity of foreign and domestic experience is shown. In conclusion, the main results of the study are summed up.

Ключевые слова: когнитивные основания, интеллект, общество, цифровизация, институт, управление, развитие, социальные трансформации.

Keywords: cognitive foundations, intellect, society, digitalization, institution, management, development, social transformations.

Проблема знаний и их применимости к социальной практике все чаще формулируется в качестве одной из значимых тематик при осмыслении современного общества. Предполагается, что подобного рода информация и сведения могут быть использованы для формирования принципиально новых институтов или трансформации существующих структур, обеспечивающих

социальные интеракции и разрешающих значимые для конкретного общества вопросы. Таким образом, поиск вынесенных в заглавие работы оснований общественного развития и выявление их истоков является актуальным вопросом не только в сугубо теоретическом, но и в прикладном аспекте.

На наш взгляд, одним из наиболее значимых методологических описаний проблемного поля когнитивных оснований социального развития является позиция, предложенная Ц.В. Жигмытовым и Л.Г. Сандаковой: «Задача развития общества, пусть даже поставленная в таком общем, приблизительном виде, с необходимостью подразумевает задачи выявления и постановки проблем, выстраивания их иерархии, а также поиска эффективного их решения» [7, с. 81]. Отсюда полагается, что детекция, формулировка, выбор вариантов для категорирования и разрешения проблем, как, впрочем, и сопряженные с ними процедуры являются когнитивными процессами, протекающими как в индивидуальном, так и в коллективном сознании. Следовательно, наличие таких знаний и обладание ими детерминируют сами возможности реализации необходимых социальных преобразований. Отметим, что именно наличие подобных оснований позволяет сформулировать адекватный инструментарий так называемых «инженерных» методов, каждый из которых позволяет вносить в общественное бытие динамизм. Это вполне закономерно, поскольку ускорение и усложнение общественной жизни являют собой резонную альтернативу статическим моделям социума, которые не способны быстро генерировать новые знания либо адаптировать успешный опыт преобразований, а траектории их трансформаций, подкрепленные упрощенными решениями, чреваты деградацией. В связи с этим для преодоления излишних дифференциаций обществ, доходящих до поляризации, образуется панорама из целого ряда злободневных вопросов и задач, требующих решения для возможности минимизации нежелательных сценариев социальных изменений. Таковыми средствами, как известно, являются определенные ментальные конструкты, чаще всего их модификации и конфигурации, которые определяют векторы развития, адаптированные под контекстуально определенные факторы, способствующие и/или препятствующие преобразованиям.

В качестве базовой гипотезы исследования имеет смысл взять логику ученых, проводивших всесторонний анализ принципов развития социальности постиндустриального транзита и сформулировавших концепт так называемого «Общества знания» в качестве варианта новой стадии коллективного бытия человека. Напомним, что данный термин предложен Р. Лэйном в целях описания детерминационных возможностей науки применительно к сфере публичной политики и социального управления. Также рассматриваемая дефиниция, описывающая одну из версий современного общества, явилась результатом многочисленных дискуссий интеллектуалов о техно- и экспертократии. Отметим, что в рамках обозначенной парадигмы предполагается абсолютизация роли знания и всестороннее использование интеллектуальных ресурсов для решения значительной части социальных проблем.

Базисом для формирования представленных интенций стали ситуации, при которых к началу 1960-х годов в индустриально развитых странах наметился рост квалифицированных специалистов и менеджеров по обработке и дальнейшему использованию знаний, общее количество которых начало превышать численность рабочих, занятых в непосредственном производстве на «классически понимаемых» заводах. Так, постепенно сформировались целые слои специалистов по работе с любыми формами знания. Более того, совершенствование ИКТ послужило дополнительной причиной развития компьютеризации и сетей, что в итоге привело к появлению Интернета и новых форм взаимодействий [6]. Все это объясняет схемы и принципы необходимости использования знаний в качестве ресурса современных интеракций между субъектами, значит, справедливо полагать, что когнитивные установки являются основаниями и принципами развития общества.

Рассуждая далее, нельзя не сказать, что в книге «Третья волна» Э. Тоффлер прямо указывает на связи между третьей научно-технической революцией и знаниями как важнейшего элемента экономического развития общества. Другим уточнением американского футуролога является уже отмеченное нами возрастание значимости компьютерных технологий. Тоффлеровская позиция интересна и тем, что «Третья волна» как детерминанта трансформации общественных технологий предполагает применение новых знаний и их последующее умножение при воспроизводстве, а также обязательную трансляцию в открытый доступ. Одним из злободневных вариантов реализации когнитивных оснований на практике может являться ответ на энергетический кризис, при котором знания предстают в форме проектов и разработок возобновляемых источников энергии [14, с. 225–235].

Говоря про сферу энергетики в общепланетарном масштабе, укажем, что интеллектуальные конструкты ложатся в основу концепций и программ государственного развития, связанных с внедрением конгруэнтной экологически ответственной политике и использование экологически чистых и возобновляемых источников энергии. Содержательно такие идеи одобряются властными акторами большинства стран, следовательно, предполагают формирование комплекса знаний, направленных на выработку и создание ряда технологий, которые бы могли стать адекватным и полноценным ответом на обозначенный вызов, заменив невозобновляемые источники. К примеру, в Германии на энергобалансе находится порядка 50 % рассматриваемых технологий, в то время как в России принята к исполнению и реализуется государственная программа по формированию аналогичных технологий и претворению ее в жизнь. Успешность применения в Российской Федерации знаний, которые реализуются в рамках ВИЭ, анализируется на основании целевого показателя снижения средней величины плановых капитальных затрат на 1 кВт установленной мощности. В своем анализе инвестпроектов А. Максимов демонстрирует позитивную динамику, в соответствии с которой за последние годы данный показатель снизился почти на 60 % [12]. Это, в свою очередь, подтверждает необходимость

вложений в знания, поскольку реализация рассматриваемых в рамках энергетики проектов доказала свою эффективность.

Представленные идеи формирования научно обоснованного использования возобновляемых источников энергии также включают в себя конкурсные отборы инвестиционных проектов по строительству различных электростанций, работающих на энергии Солнца и ветра. Полагается, что на уровне государства проводятся инвестиции и оформляется соответствующая отчетность по внедрению и использованию возобновляемых источников энергии. Использование необходимых знаний в форме технологий позволяет государству искать инвесторов и использовать ресурсы только тех из них, которые на практическом уровне оказываются максимально эффективными [9].

Пример с отечественной практикой не единственный. Так, в Западной Европе предпочитают руководствоваться принципом замены ранее используемых невозобновляемых источников энергии их так называемыми «зелеными» аналогами, что получило широкое практическое применение в германском обществе с их стремлением использовать вплоть до половины ВИЭ от всех способов получения энергии. Также заслуживает внимание подход, суть которого состоит в ориентации на создание производственной базы для «зеленой» энергетики. Смысл этого положения заключается в том, что технологии ВИЭ представляют собой конечный продукт, достижение которого связывается с возможностью получения дополнительных полезных эффектов [3; 8; 9; 11; 12].

Таким образом, когнитивные основания становятся причиной формирования рынка возобновляемых источников энергии и тенденции к понижению себестоимости итогового произведенного продукта (электроэнергии). Повсеместно действуют механизмы поддержки возобновляемых источников энергии, в том числе и в первую очередь на оптовых рынках. Также полагается, что инвесторы могут рассчитывать на гарантию возврата своих вложений и получать при этом фиксированные формы доходности благодаря платежам за мощность. Получается, что необходимые когнитивные основания укоренены в области науки и техники, что позволяет трансформировать не только энергетический комплекс, но и связанные с ним сферы общественной жизни ввиду открытости современных социальных систем.

Учет многомерности, которая отныне свойственна любым социальным преобразованиям, способствует формированию полноценного научно-производственного комплекса, который связан с разработкой, внедрением и опытным производством компонентов энергетической отрасли. Речь также идет о необходимости подготовки и развития персонала, который в дальнейшем может найти применение своим компетенциям не только в энергетике, но и, к примеру, машиностроении или же химической промышленности. Использование передового опыта и знаний инструментальным образом может способствовать повсеместному становлению «зеленой» энергетики, что открывает компаниям возможности для более выигрышного позиционирования на внутренних и международных рынках. Формируется новый способ реализации экономическими

агентами своего конкурентного потенциала в структуре международного рынка, где вместо монетаристских факторов ведущую роль приобретает именно интеллектуальный капитал организаций [3; 8; 9; 11; 12].

Важным когнитивным основанием социального развития является усиление внутреннего потенциала организаций, что обусловливается возрастанием возможностей и умножением ресурсов рынка. Именно внутрикорпоративный аспект деятельности понимается многими исследователями в качестве фундамента, конституирующего взаимодействия игроков рынка в самых различных областях. Выходит, знания, доказавшие свою прагматику, способствуют формированию фундамента для пересмотра архаизирующихся вариантов взаимодействий. Такой подход по поводу критической ревизии практик маркируется в качестве эффективного, поскольку именно здесь содержатся ресурсы для сообразования последующих действий в зависимости от одобряемых в организации интенций, что позволяет снять противоречия при формулировании миссии и стратегического видения развития, а также их артикулирования при выстраивании конкуренции с другими агентами экономических отношений.

Получается, что развитие как отдельных субъектов интеракции, так и всего общества представляет собой результат познания и практического использования ресурсов, прежде всего собственных. Исследователям, которые придерживались такой логики, удалось ввести «в научный оборот термин „ключевые компетенции“ для обозначения способностей, имеющих определяющее значение для результатов фирмы и ее стратегии» [8, с. 7]. Такие способности формируются и закрепляются индивидами в себе, что позволяет относить их к таким субъектам, которые способны активизировать процессы и предлагать новации по улучшению качества выполняемых действий и, как следствие, вывести компанию, сообщество или целое государство на более высокий уровень развития.

Закономерно, что систематическое применение сформированных компетенций на практике способствует усилению конкурентного потенциала. Исходя из этого, принципиальным оказывается положение по поводу «ресурсной концепции»: «Устойчивый успех фирмы зависит от наличия у нее уникальных ресурсов и организационных способностей или компетенций, которые, в свою очередь, являясь причиной недоступных соперникам экономических рент, определяют конкурентные преимущества» [3, с. 278]. Получается, когнитивные основания социального развития определяют способности отдельных агентов актуализировать навыки и оперировать с новой информацией, что дает ключевым акторам шанс стать первыми в освоении ранее неисследованных областей.

Разумеется, в этом плане показательна детерминационная роль когнитивных ресурсов для развития современного цифровизирующегося общества [1]. Наряду с технико-технологическими переменными, интеллектуальный капитал занимает особое место, поскольку как в локальных, так и в наднациональных форматах способен задавать основные векторы социальных трансформаций. Аналогичные формы и способы воздействия реализуются в отношении эффективности деятельности в других областях общественной жизни – культуре,

политике, экономике, что позволяет обществам ориентироваться на более высокий уровень своего развития, главным образом высвечивает их стремления выйти на желаемый эволюционный сценарий.

Так, в образовательной деятельности многие государства руководствуются подходами, формирующими «цифровое миропонимание» с соответствующими поведенческими и познавательными навыками для более быстрой адаптации к перманентно изменяющимся контекстуальным реалиям. Усиление идей мультикультурализма и ускорение процессов глобализации предполагает развитие навыков интересубъективных взаимодействий и толерантности, что также подтверждается усилившейся коммуникативной природой современных социальных институтов. Также возросший объем информации предполагает необходимость использования различных средств его получения и трансформации в знание [10].

В условиях Постмодерна тем более целесообразно осуществить некоторую типологизацию имеющегося плюрализма знаний для преодоления клипового мышления и разграничения всего поступающего из цифровой среды массива информации по реально полезным для жизнедеятельности индивидов категориям. В таком ключе принципиальную значимость для современной эпохи приобретает разграничение понятий «знание» и «информация». В первом из них отражается совокупность данных, эмпирически проверенных человеком, тогда как содержание второго понятия образует все множество сведений, значимость которых определяется реципиентом самостоятельно и лишь в дальнейшем может быть структурирована и трансформирована в знания. Таким образом, основанием знания является информация, которую в свою очередь правомерно понимать и как его инструмент. Примечательно, но даже «совершенная» или «улучшенная», то есть без помех и ошибок полученная информация, в абсолютном большинстве случаев может быть осмыслена неверно, в результате чего индивиды, целые группы и общества могут идти вразрез с желаемыми траекториями [2]. Проведение демаркационных линий между этими понятиями мыслится полезным еще и потому, поскольку они основываются на современных тенденциях цифровизации и ускоряющемся процессе создания и получения информации. Важным оказывается не только и не столько накопление информации или переводение его человечеством в область знаний, а одновременность протекания этих процессов [13, с. 45].

На саммите G20 была предложена оценка цифровой грамотности, включающая в себя пять индикаторов, среди которых выделяются такие критерии, как «информационная и компьютерная грамотность, медиаграмотность, коммуникативная грамотность, отношение к технологическим инновациям» [10, с. 227]. Результаты таких оценок применительно к странам полупериферии и периферии позволили обнаружить, что высокой цифровой грамотностью обладают менее половины населения, тогда как более четверти и вовсе обладают крайне низким уровнем или, говоря другими словами, не достигли дигитальной зрелости. Такое значительное число людей, не обладающих даже средним уровнем соответствующей грамотности, предполагает наличие высоких рисков для совершения

большого количества различных цифровых и киберпреступлений. По авторскому мнению, необходимость исправления такого положения дел усматривается в докладе ЮНЕСКО «К обществам знания»: «И тогда многие осознают, что не они владеют информацией, а, наоборот, она овладела ими» [4, с. 21].

Цифровое общество содержит в себе ресурс распространения информации в любых ее формах, среди которых можно выделить такие крайности, как фейковые данные, транслируемые неизвестными источниками, а также научные и обоснованные знания, расположенные на страницах известных и уважаемых изданий. Таким образом, умение работать с потоками информации в современности становится принципиальным для достоверности и точности получения объективных знаний о процессах, протекающих в мире. Как итог, процессы формирования умений работы с цифровыми источниками информации оказываются крайне важными и полезными. Именно поэтому для современных индивидов в целях адаптации к цифровой реальности навыки критической оценки воспринимаемых данных являются витальными, поскольку в обратных случаях они предстанут лишь в виде набора невразумительных сведений. Вдобавок к этому данные умения позволяют реализовывать выполняемыми знаниями креативную и критическую функции, в результате чего гарантируется дополнительная валидность для устранения недостоверности получаемой информации.

Другим значимым способом реализации когнитивных оснований социального развития в цифровом социуме становится ремоделирование форм транслирования информации. Так, Н.Н. Шамардин полагает, что «концепт общества знаний активно используется рефлексирующими учеными не просто в контексте осмысления процессов экономической, политической жизни, но и работает в информационной, научно-образовательной сфере, а также в сфере коммуникаций» [15, с. 186]. В координатах цифрового общества именно отмеченные выше коммуникативные основания являются важнейшим ресурсом преобразования вариантов коллективных взаимодействий в социальном бытии. Можно сказать, что при постиндустриальном транзите происходит обновление бэконовской максимы «Знание – сила», которая порождает новую модель социума и способно перманентно осуществлять его преобразование [11]. Для ускорения динамики социального развития часть знаний отчуждается в целях совершенствования рутинных действий за счет автоматизации процессов или роботизации, при этом наиболее интеллектуально сложные виды и способы взаимодействий остаются за людьми.

В современных реалиях можно также наблюдать многочисленные факты формализации взаимодействий посредством чат-ботов и иных продуктов искусственного интеллекта. С другой стороны, техника, способная упростить сложные и физически тяжелые производственные процессы или позволяющая перевести работу в удаленный формат, может привести к амбивалентным для когнитивного развития результатам, создав иллюзию совершенного мира и в некотором смысле обусловить стагнацию интеллектуального поиска. Еще одним практическим выражением данной тенденции становятся процессы

рурбанизации, которые напрямую связаны с формированием так называемого «электронного коттеджа» [14]. В первую очередь эти процессы начались в США, но затем они развернулись по всему миру, вследствие чего люди стремятся жить не в городах и мегаполисах, но за пределами урбанизированных территорий. В этих случаях профессиональная деятельность может осуществляться в дистанционном формате при помощи ресурсов глобальной сети и системы видеочатов, что, по мнению сторонников технократизма, существенным образом не влияет на качество. Знания, фундирующие процессы рурбанизации, способствуют преобразованию структуры современного социума, изменяя облик городов и открывая новые возможности как для внутренних коммуникаций внутри конкретного пространства, так и на более высоких уровнях своего масштабирования. В результате использования ресурсов знаний, вложенных в электронные коттеджи, последние становятся формой общежития, преобразующей структуры современного общества, в котором на заводских площадях сложные и физически тяжелые процессы становятся все более и более авто- и роботизированными, в то время как индивиды все чаще заняты в области информации и интеллектуальных услуг.

В России обладание несколькими объектами недвижимости позволяет выбирать место жительства как в пределах урбанизированных территорий, так и в иных адресных объектах, что также изменяет морфологию отечественного социума. Однако в российских реалиях зачастую трансформируются и формы отдыха, при которых коттеджный поселок становится лишь промежуточным звеном между городом и деревней, по сути, выражая собой последнюю, но при этом вышедшую на определенный уровень апгрейда [5]. Говоря другими словами, это неоформа сельской жизни, доведенная в ряде аспектов до уровня городской среды. В рассматриваемых контекстуальных реалиях на современном этапе своего развития детерминационные возможности когнитивных ресурсов все еще не так выражены, однако это можно объяснить затянувшимся переходным периодом большинства государств постсоциалистического пространства. Справедливо отметить, что импорт зарубежного опыта содержательно не привел к избыточным негативным социальным эффектам, как, например, это произошло после слепого переноса демократических институтов и практик. Стоит признать, что имеющиеся на практике недостатки цифровизации представляются нам легко устранимыми в обозримом будущем за счет реальных достижений проводимой дигитализации общественной жизни.

Подводя итоги, можно говорить о том, что знания выступают основанием социального развития. Когнитивный фундамент трансформации общественной ткани выражается в том, что обладание соответствующими инструментами, реализованными в технологиях или же принципах организации социальных практик, детерминирует последующие векторы изменений интересующих взаимодействий. В первом случае знания позволяют модифицировать текущий научно-технологический уровень развития. Так, на примере возобновляемых

источников энергии было установлено, что в различных социальных системах неповторимым образом применяется многообразие сведений и представлений о конкретных технологиях и их релевантном для конкретной экономики и общества использовании. Более того, знания, включенные в систему компетенций индивидов, могут явиться как драйвером развития организации, так и фактором успешной адаптации к перманентно меняющимся и усложняющимся контекстуальным реалиям. Полагается, что применение компетентностного подхода к когнитивным основаниям социального развития позволяет раскрыть потенциал как отдельного человека, так и целых общностей, открывая возможности для проведения ревизии знаний, умений и навыков по принципам «точечной эффективности». Причём делать это для каждого конкретного случая, а уже позднее отказываться от архаизирующихся компетенций, повышая общий прагматический результат использования ресурсов. Наконец, актуальными социальными трансформациями становятся те, что неразрывны от процессов цифровизации и связаны с применением новейших информационно-коммуникативных технологий. В рамках данных тенденций именно обладание знаниями, главным образом верифицированными, позволяет странам ремоделировать собственные социальные структуры и в более широких масштабах определять уровень динамики инноваций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асалиев, А. М. Формирование профессиональных компетенций работников под потребности цифровой экономики / А. М. Асалиев. – Текст : непосредственный // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2018. – № 6 (102). – С. 67–76.
2. Бунина, В. Г. От информационного общества к обществам знания : международные документы об управлении в сфере образования / В. Г. Бунина. – Текст : непосредственный // Право и управление. XXI век. – 2008. – № 2 (7). – С. 1–11.
3. Винник, А. В. Компетенции как ресурсы экономической системы / А. В. Винник. – Текст : непосредственный // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. – 2016. – № 6. – С. 278–282.
4. Всемирный доклад Юнеско. – Париж, 2005. – 239 с.
5. Дыльнова, Т. В. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России / Т. В. Дыльнова. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2004. – № 1 (6-7). – С. 161–168.
6. Ефременко, Д. В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы / Д. В. Ефременко. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2010. – № 1. – С. 49–61.
7. Жигмытов, Ц. В. Развитие общества и задача социальной когнитивистики / Ц. В. Жигмытов, Л. Г. Сандакова. – Текст : непосредственный // Идеи и идеалы. – 2017. – Том 2. – № 1 (31). – С. 80–92.
8. Ковылин, Д. М. Управление знаниями как новая стратегическая парадигма организации / Д. М. Ковылин. – Текст : непосредственный // Российское предпринимательство. – 2011. – № 3 (2). – С. 4–10.

9. Коновалова, О. Е. Предварительные итоги российской программы поддержки развития генерирующих объектов на основе возобновляемых источников энергии / О. Е. Коновалова. – Текст : непосредственный // Труды Кольского научного центра РАН. – 2016. – № 5-13 (39). – С. 166–176.

10. Круподерова, Е. П. Формирование компетенций цифровой экономики в условиях информационно-образовательной среды вуза / Е. П. Круподерова, К. Р. Круподерова. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 70-1. – С. 227–230.

11. Лопастейский, С. А. Знание как стратегический ресурс: методологические аспекты исследования / С. А. Лопастейский. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Том 18. – № 1. – С. 47–50.

12. Максимов, А. ВИЭ 2.0: Новая программа развития «зеленой» энергетики в России / А. Максимов. – Текст : непосредственный // Энергетическая политика. – 2020. – № 11 (153). – С. 22–27.

13. Савченко, И. В. Информационное общество или общество знаний? / И. В. Савченко. – Текст : непосредственный // Современные наукоемкие технологии. – 2008. – № 10. – С. 45–46.

14. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Текст : непосредственный. – М., 1999. – С. 225–235.

15. Шамардин, Н. Н. «Общество знаний»: философско-методологическая критика понятия / Н. Н. Шамардин. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2015. – № 14 (211). – С. 185–192.

REFERENCES

1. Asaliev A. M. Formation of professional competencies of employees to meet the needs of the digital economy. Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova = Bulletin of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, 2018, no. 6 (102), pp. 67–76. (In Russian).

2. Bunina V. G. From Information Society to Knowledge Societies: International Documents on Educational Governance. Pravo i upravlenie. XXI vek = Law and management. XXI Century, 2008, no. 2 (7), pp. 1–11. (In Russian).

3. Vinnik A. V. Competencies as resources of the economic system. Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V.G. Shuhova = Bulletin of the Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, 2016, no. 6, pp. 278–282. (In Russian).

4. UNESCO World Report. Paris, 2005. 239 p. (In Russian).

5. Dyl'nova T. V. Social Justice and Social Inequality in the Conditions of Modern Russia. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology, 2004, no. 1 (6-7), pp. 161–168. (In Russian).

6. Efremenko D. V. The Concept of the Knowledge Society as a Theory of Social Transformations: Achievements and Problems. Voprosy filosofii = Questions of Philosophy, 2010, no. 1, pp. 49–61. (In Russian).

7. Zhigmytov Ts. V., Sandakova L. G. The development of society and the task of social cognitive science. Idei i idealy = Ideas and ideals, 2017, vol. 2, no. 1 (31), pp. 80–92. (In Russian).

8. Kovylin D. M. Knowledge management as a new strategic paradigm of the organization. *Rossijskoe predprinimatel'stvo = Russian entrepreneurship*, 2011, no. 3 (2), pp. 4–10. (In Russian).

9. Konovalova O. E. Preliminary results of the Russian program to support the development of generating facilities based on renewable energy sources. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN = Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2016, no. 5-13 (39), pp. 166–176. (In Russian).

10. Krupoderova E. P., Krupoderova K. R. Formation of competencies of the digital economy in the information and educational environment of the university. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern teacher education*, 2021, no. 70-1, pp. 227–230. (In Russian).

11. Lopasteisky S. A. Knowledge as a Strategic Resource: Methodological Aspects of Research. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika = News of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, no. 1, pp. 47–50. (In Russian).

12. Maksimov A. RES 2.0: A new program for the development of "green" energy in Russia. *Energeticheskaya politika = Energy policy*, 2020, No. 11 (153), pp. 22–27. (In Russian).

13. Savchenko I. V. Information Society or Knowledge Society? *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*, 2008, no. 10, pp. 45–46. (In Russian).

14. Toffler E. *The third wave*. M., 1999. Pp. 225–235. (In Russian).

15. Shamardin N. N. "Knowledge Society": Philosophical and Methodological Criticism of the Concept. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo = Scientific statements of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 2015, no. 14 (211), pp. 185–192. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Равочкин, Н. Н. Когнитивные основания социального развития / Н. Н. Равочкин. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 184–194.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ravochkin N. N. Cognitive Bases of Social Development / N. N. Ravochkin // *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2023, No. 1, pp. 184–194. (In Russian).

УДК 1 : 316

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ КОРРЕКЦИИ ВЕСА ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

А.М. Руденко

**SOCIO-CULTURAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS
OF SOLVING THE PROBLEM OF CORRECTION OF HUMAN BODY
WEIGHT IN MODERN RUSSIAN SOCIETY**

A.M. Rudenko

Аннотация. В статье с позиций социальной философии и психологии раскрываются причины и специфика решения проблемы коррекции веса тела человека в условиях современного российского общества. Автор всесторонне показывает, что человеческая телесность обладает качеством неразрывной связанности с душевно-духовным измерением человеческой жизни. Любое исследование человека, любая проблема, в том числе и связанная с коррекцией веса тела человека, должна исходить из принципа его психосоматического единства, из предпосылки психосоматической целостности его экзистенции. Поэтому самым эффективным способом сделать тело человека здоровым и красивым является построение такого образа жизни, который бы основывался на философии эффективности целедостижения, включающей гармоничное и сбалансированное развитие интеллектуальной, духовной, физической и социально-эмоциональной составляющей.

Abstract. The article reveals the reasons and specifics of solving the problem of human body weight correction in the conditions of modern Russian society from the standpoint of social philosophy and psychology. The author comprehensively shows that human physicality has the quality of inseparable connection with the spiritual dimension of human life. Any study of a person, any problem, including those related to the correction of a person's body weight, should proceed from the principle of his psychosomatic unity, from the premise of the psychosomatic integrity of his existence. Therefore, the most effective way to make a person's body healthy and beautiful is to build a lifestyle that would be based on the philosophy of the effectiveness of goal attainment, including harmonious and balanced development of intellectual, spiritual, physical and socio-emotional components.

Ключевые слова: человек, телесность, социальное здоровье, духовность, тело, коррекция, вес тела, общество, социальная философия, психология.

Keywords: man, physicality, social health, spirituality, body, correction, body weight, society, social philosophy, psychology.

Проблема человеческой телесности является одной из актуальных проблем современной социальной философии, философии культуры и психологии. При этом в рамках *социально-философского подхода* акцент в изучении телесности делается на выявлении фундаментальных основ телесности, а также выявлении

ее специфики в соотношении с духовностью человека [6, с. 57–59]. *Культурно-философский подход* концентрируется на вопросах формирования телесности как культурно опосредованного феномена, развивающегося онтогенетически под влиянием не только биологических, но и социокультурных факторов. *Психологический подход* акцентирует внимание на влиянии телесных (соматических) факторов на развитие и трансформацию тех или иных свойств личности. При этом значительная часть исследований в этом направлении посвящена изучению влияния фактора телесности в возникновении психосоматических расстройств, в том числе расстройств пищевого поведения и, прежде всего, булимии и анорексии, приводящих к избыточной и недостаточной массе человеческого тела. Но эта проблема не является чисто психологической и даже не является одна диетологической. Это проблема, решение которой возможно лишь с помощью арсенала категорий, подходов и методов, выработанных на междисциплинарном уровне с обязательным применением категориального аппарата современной социальной философии. Всяческие попытки частнонаучного решения данной проблемы как на теоретическом, так и на практическом уровне обречены на провал. Именно поэтому цель данной статьи заключается в *выявлении и анализе социокультурной и психологической специфики решения проблемы коррекции веса тела человека в условиях современного российского общества, призванной внести вклад в сохранение и укрепление социального здоровья населения.*

Как избыточный, так и недостаточный вес тела является распространенной и серьезной проблемой, приводящей к серьезным последствиям, разрушающим не только соматическое здоровье человека, но и приводящим к дисфункциям смысложизненной сферы их. Как избыточный, так и недостаточный вес невозможно скрыть от окружающих людей: это приводит к снижению самооценки человека, психологическому и социальному давлению со стороны общества, которое не является толерантным к людям, страдающим ожирением или дистрофией. Доминирующие в обществе стандарты красоты и стройности вызывают у людей, которые не соответствуют этим стандартам комплекс неполноценности, чувство неадекватности и ущербности. Средства массовой коммуникации пропагандируют стройность, которая ассоциируется с успехом, сексуальной привлекательностью, большими возможностями для построения карьеры, что откладывается в глубинах бессознательного человека и даже зачастую имеет сознательно высокую значимость в иерархии ценностей большинства людей. Несоответствие задаваемому массовой культурой эталону собственного телесного облика порождает у многих людей потребность, желание и стремление ему соответствовать. Но, к сожалению, многочисленные попытки большинства людей сделать это самостоятельно оборачиваются провалом и неудачей, которая еще больше усугубляет совокупность психологических проблем фрустративного характера, которая возникает вследствие этого. Становится очевидным, что усилия по коррекции веса тела отдельного человека без участия диетолога, эндокринолога, тренера и психолога зачастую оказываются тщетными. При этом роль психолога,

обладающего не только чисто психологическими, но и философскими знаниями в этом вопросе зачастую оказывается решающей.

Люди с ожирением почти всегда страдают заниженной или откровенно низкой самооценкой. Но зачастую верно и обратное: люди, имеющие низкую самооценку, но стройную фигуру, могут считать себя толстыми и даже провоцировать деструктивное пищевое поведение: «На ожирение влияет неадекватная самооценка. Человек имеет вполне «нормальное», гармоничное тело, с точки зрения окружающих, но он видит в себя зеркале как очень полного, человека, страдающего избыточным весом. Он сам себя не любит и занижает действительное представление о себе. Именно это является ключевым фактором. Человек начинает себя унижать» [2, с. 21]. Последнее порождает комплекс неполноценности человека, снижение не только его самооценки, но и работоспособности, веры в себя, свою привлекательность и способность быть успешным не только в отношениях с противоположным полом, но и в деловых отношениях. Как правильно пишет Д. Майерс, «полнота может влиять на взаимоотношения между людьми и на самочувствие» [5, с. 729]. Люди часто считают полных людей обжорами, неповоротливыми, ленивыми. Таких людей многие воспринимают неискренними, недружественными, мелочными и неприятными. Не случайно они становятся жертвами всеобщих насмешек и дискриминации при приеме на работу, а также страдают от трудностей в отношениях с противоположным полом.

Осознание необходимости коррекции веса тела для людей с излишними килограммами связано обычно с попытками садиться на диеты или даже голодать. Многие люди хотя бы раз в жизни пытались решить проблему с лишним весом различными диетами. Иногда это помогает, но чаще всего сидение на диетах приводит лишь к появлению кратковременного результата, либо служит причиной для отчаяния. И это понятно: жизнь человека в условиях культуры XXI века часто наполнена неприятностями в семье или на работе, переживаниями, стрессом, беспокойством, тревогой, переживанием внутриличностных или межличностных конфликтов, сексуальной неудовлетворенностью и т. п. И прием пищи в этих условиях выступает антидепрессантом. А после того, как человек садится на диету, соблюдает режим питания, мучает себя голодом – он как бы лишается радости в жизни. Дело в том, что организм человека и его сознание имеют очень тонкую и чувствительную взаимосвязь, которая, конечно, интуитивно чувствуется практически каждым человеком, но многими слабо осознается. Чтобы понять, как стать здоровым, стройным и красивым, недостаточно просто сесть на диету или принимать соответствующие медицинские препараты, что само по себе зачастую наносит непоправимый вред жизни и здоровью человека. Для этого, прежде всего, надо выявить и четко осознать причину или совокупность причин, вследствие которых человек имеет излишний, либо, наоборот, недостаточный вес.

Что касается причин дефицита веса или, другими словами, недостатка массы тела, что также можно считать заболеванием, при котором масса тела

становится ниже допустимой отметки индекса массы тела, то они также многообразны. Среди наиболее часто встречающихся, характерных и вероятных причин данного явления следует отнести [7]:

- заболевания желудочно-кишечного тракта, которые препятствуют нормальному усвоению пищи и потреблению полезных веществ;
- заболевания эндокринной системы, которые способствуют гормональным сбоям (например, гиперфункция щитовидной железы);
- несбалансированное питание с чрезмерно малым содержанием жиров и углеводов;
- привычка не заедать голод, а наоборот активно голодать во время стресса, курение, недостаток сна;
- чрезмерная физическая активность.

Негативных последствий недостатка массы тела не меньше, чем избытка: это мышечная слабость, снижение иммунитета, склонность к частым и долгим болезням, снижение умственной и физической работоспособности, поражение различных систем организма, в том числе половой, сердечно-сосудистой, нервной и др.

Что касается избыточного веса, то одна из самых очевидных и самых действенных его причин заключается в том, что с каждым днем снижается двигательная активность людей: современный человек двигается меньше наших предков. Что же делать? Садиться на мучительные и изнуряющие диеты? Нет, это ошибочный путь, который не принесет долгосрочного результата. Но удивительно то, что именно так поступает большинство людей, особенно женщин. В нашей стране почти каждая среднестатистическая женщина прибегает к диете более тридцати раз в жизни. Не получив желаемого результата, многие впадают в отчаяние и больше не пытаются ничего изменить. Но изменять в лучшую сторону вес тела не только можно, но и нужно, поскольку это не только неэстетично, но и элементарно вредно для здоровья: «Ожирение представляет собой хроническое рецидивирующее заболевание, связанное с избыточным накоплением жировой ткани в организме и тесно ассоциированное с сахарным диабетом 2 типа (СД2), сердечнососудистыми, онкологическими заболеваниями, патологией опорно-двигательного аппарата, нарушениями функций репродуктивной системы и др. В настоящее время темпы нарастания распространенности ожирения принимают масштабы пандемии» [1, с. 42]. Ожирение встречается как в развитых странах, так и в развивающихся странах. Ожирению подвержены миллионы людей и в нашей стране. Ожирение – это фактор, резко снижающий качество и продолжительность жизни человека. Рассмотрим ключевые психологические причины, которые приводят к ожирению:

1. Лень, которая проявляется как нежелание худеть. Многие люди спокойно живут с ожирением, не пытаясь что-то предпринять для похудения. Им нравится их привычный распорядок дня. Одна только мысль, что нужно что-то изменить, вызывает у них негативную реакцию. Поэтому они изо дня в день продолжают оправдывать свою лень.

2. Низкая мотивация корректировать вес тела. Как известно, мотивация – это то, что побуждает человека что-то делать. Но в функции мотивов входит не только побуждение, но и направление и смыслообразование. Появление сильного мотива похудения – это не только фактор, способный разрушить все имеющиеся отговорки, но и то, что будет направлять, поддерживать весь путь похудения, а также наделит худеющего человека мощным смыслом худеть. Это чрезвычайно важно, и именно это чаще всего лежит в основе успеха тех, кому удастся реально, серьезно и надолго скорректировать свой вес тела. Нужен, сильный, жизненно важный мотив похудеть. А вот с этим у среднестатистического человека имеются серьезные проблемы. И ценность высококалорийной и вкусной еды у него гораздо выше ценности стройного и здорового тела.

3. Генетическая предрасположенность, нарушение обмена веществ, гормональные факторы и неправильные семейные традиции пищевого поведения. Как верно утверждает Е.А. Леонтьева, «пищевые привычки человека определяются традициями семьи и общества, жизненным опытом, советами врачей, модой, экономическими возможностями...» [3, с. 80]. Следует отметить, что большинство людей, имеющих излишний вес, чаще всего оправдываются перед самими собой и окружающими людьми тем, что он достался им от родителей. Отчасти, это верно, но следует отметить, что, согласно открытиям современных психологов и диетологов, любое количество избыточного веса не может быть объяснено особенностью конституции тела, а должно трактоваться как развивающееся серьезное заболевание. Однако в нашем обществе это слабо осознается на уровне массового сознания людей. И многие родители просто заставляют своих детей все доедать до конца, не выпуская из-за стола тех, кто этого не сделал. В результате формируется деструктивное отношение к самой процедуре принятия пищи.

4. Передача из поколения в поколение культурной традиции, связанной с восприятием сладостей как награды. На протяжении уже многих десятилетий, начиная с раннего детства, дети за хорошее поведение поощряются именно такими продуктами: газированной водой, пирожными, конфетами, печеньем, вафлями, мармеладом, шоколадом, зефиром и т. п. Они становятся наградой для детей за хорошее поведение и ассоциируются с похвалой от взрослых, победой, наградой за успешную учебу и примерное поведение. Стоит ли потом удивляться, откуда берется у детей и подростков излишний вес, который сохраняется и умножается у них уже в зрелом возрасте.

5. Переедание и употребление большого числа легкоусвояемых углеводов как способ снятия эмоционального напряжения или облегчения депрессии. Эта причина чисто психологического характера, связанная с выработанной привычкой «заедать» стресс: то есть использовать продукты, обычно содержащие большое количество легкоусвояемых углеводов (особенно сахаросодержащие продукты), как средство, позволяющее получить удовольствие за счет выработки серотонина, эндорфина и проч., что способствует снятию напряжения, расслаблению и т. п. Пристрастие к еде становится похожим на наркотическое

пристрастие, физиологический и микроэлементарный голод дополняется голодом психологическим, когда есть, по сути, не хочется, а еда используется как фактор получения расслабления, наслаждения. Это самая прямая дорога не только к избыточному весу, но и ожирению разной степени тяжести. И пока человек не осознает действие данного механизма, он вряд ли сможет избавиться и от пристрастия к еде, и, как следствие, от избыточного веса. Однако бывают случаи, что человека прекрасно это осознает, но ничего не может с этим поделать. Особенно, если данный способ снятия напряжения, у человека является единственным легкодоступным способом (при наличии проблем, например, в полноценной сексуальной жизни, высокой степени стрессогенности профессии, наличия чрезмерной физической и эмоциональной перегруженности и т. п.). Еда становится мощным антидепрессантом, что особенно характерно для тех городов, деревень или сельских поселений, где все серо и уныло, мало развлекательных центров и иных культурно-досуговых мероприятий.

6. Переедание как способ проявления аутоагрессии. Блокировка удовлетворения жизненно важных биологических и социальных потребностей, например, потребности в любви и привязанности, может приводить и чаще всего приводит к аутоагрессии, причинению вреда себе в виде переедания, которое может принимать форму протеста против себя. Это также случается тогда, когда человек не справляется с чрезмерными требованиями, предъявляемыми к нему в семье или на работе, когда он слишком много взваливает на тебя, но ему не удается удерживать высокую планку, что приводит к комплексу фрустративных эмоций (разочарование, гнев, обида, досада, отчаяние), и человек, словно наказывая себя за свои неудачи, усталость и разочарование, начинает использовать еду как сознательный способ аутодеструкции.

7. Восприятие еды как заменителя сексуального голода, дефицита любви и привязанности. Как верно пишет И.В. Литовченко, «у людей с лишним весом возникает психологическая зависимость от еды и от приема пищи, как достижение состояния психологического комфорта, психологического влечения, удовольствия и наслаждения, которая характеризуется постоянными мыслями о еде и улучшения настроения от предвкушения приема пищи» [4, с. 193]. Многие семейные пары, находящиеся в браке, сталкиваются с изменами супругов, заводят отношения на стороне, которые впоследствии очень часто становятся достоянием «общественности», что формирует крайне негативный психоэмоциональный фон супружеских отношений, связанный с крушением веры в партнера, а иногда с и разочарованием в представителях противоположного пола в целом. Это создает дефицит положительных эмоций, формирует острые переживания, которые компенсируется употреблением продуктов, содержащих легкоусвояемые углеводы, а, иногда, и сахаросодержащие алкогольные напитки. Жажда получить удовольствие от любви и (или) секса утоляется с помощью кофе, шоколада, пирожных, конфет, вина и проч.

8. Невротизация личности, наличие хронических соматически и психосоматических проблем и расстройств, связанных с нарушением обмена веществ

и сбоях в деятельности эндокринной системы. Данная причина опасна тем, что она слабо осознается человеком и практически никогда, за исключением обращения к специалистам (психологам, диетологам, эндокринологам) не учитывается человеком, у которого даже имеется уже сформированное желание похудеть. Человек начинает задумываться о своей проблеме только тогда, когда нормальное существование затрудняется в силу, например, появления, серьезной одышки, сердечных приступов, иных реальных угроз собственному здоровью или возникновение трудностей бытового плана.

9. Низкий уровень физической активности и культуры здоровья в целом. Формула, при которой человек не набирает вес, элементарна: нужно потреблять такое количество энергии, содержащейся в продуктах, столько килокалорий, сколько затем он сможет растратить с помощью физической или иной активности. Проблема в том, что у многих людей – малоподвижный образ жизни, характер трудовой деятельности не предполагает высокого уровня двигательной активности, а наоборот, связан с работой за столом, компьютером, предполагает высокую степень умственной концентрации, сопровождается стрессовыми и психоэмоциональными перегрузками. В таком контексте перерыв на обед воспринимается не только, как временный отдых, но и как источник получения удовольствия от принятия пищи, что, однако, сопровождается накоплением энергии в виде излишних килокалорий, которые в дальнейшем при возвращении к работе накапливаются в организме в виде жировых отложений. Но проблема усугубляется тем, что даже осознание необходимости увеличения двигательной активности далеко не всегда решает проблему, а чаще всего – не решает и вовсе.

10. Нарушение режима сна и отдыха, а также количества и качества питания. Данная причина является одной из самых непосредственных и очевидных. Многие семьи являются малоимущими и питаются исключительно дешевыми продуктами, полуфабрикатами, продуктами низкого качества. Конечно, данная причина усиливается и теми, которые были перечислены выше. Например, депрессией. Но интересно и то, что само по себе ожирение тоже способно вызывать депрессию. Так, согласно статистике, более 20 % людей в мире с серьезными проблемами, связанными с нарушением веса, страдают от глубокой депрессии. Это состояние так и называется: синдром ночного или вечернего переедания. Его сущность в том, что люди, им страдающие, днем едят очень мало и большую часть (около 80 %) всех калорий, прежде всего углеводов, потребляют после семи часов вечера, а затем это все закрепляют ночным набегом на холодильник, поглощая гораздо больше энергии, чем требуется организму. Это приводит к утреннему отсутствию аппетита, возникновению чувства беспомощности или вины во время еды и частыми пробуждениями для того, чтобы съесть что-нибудь вкусное.

11. Ошибочные представления о тех факторах, причинах и условиях, которые привели человека к ожирению, а также негативный прошлый опыт похудения. Садясь на жесткую диету из нелюбимых и невкусных продуктов,

человек наносит себе психологическую травму, которая сама по себе может привести к нервному расстройству. Еда кажется ватной, безвкусной, при этом человек зачастую начинает есть еще больше и впадает в еще большее отчаяние и еще больше полнеет. По статистике, около 30 % людей, испытывая депрессию, полнеют, что заставляет говорить о такой разновидности депрессии, как диетическая депрессия, которой в большей степени подвержены женщины, чем мужчины. Все это становится основанием для отчаянного размышления о злом роке, несчастной доле, порочной генетике, слишком широкой кости. Человек начинает искать для себя не объяснения, а оправдания.

12. Отсутствие активного целенаправленного идеала в жизни, четко осознаваемой жизненной миссии, стремления самосовершенствоваться и достигать каких-либо жизненно важных целей, не связанных с чисто биологическим существованием. Это чисто психологическая причина, которая, однако, имеет, пожалуй, самую большую значимость и по своему весу может быть положена на одну чашу весов со всеми остальными причинами. Как правильно гласит народная мудрость, безделье – мать всех пороков. Человека определяет та цель, которую он перед собой ставит. Масштаб цели определяет масштаб личности. Если у человека есть серьезная, значимая продуктивная и созидательная цель, которая требует от него каждодневных усилий, хорошей физической формы, внешней привлекательности и здорового тела и духа, то вряд ли человек будет использовать пищу и переедание как способ получения наслаждения или успокоения. В этом случае человек, скорее всего, будет придерживаться знаменитой формулы: есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть. Все беды, и не только качающиеся переедания, лишнего веса или ожирения, наваливаются на человека тогда, когда, собственно, такой серьезной, захватывающей, увлекательной, будоражащей воображение цели нет. Тогда человек начинает плыть по течению, его существование становится жизнью массового человека, нацеленного на удовольствия и потребительство. На какие бы диеты он ни садился, он все равно будет страдать ожирением. В этом смысле ожирение – это, действительно, философская и психологическая проблема. Для чего человеку худеть, если, кроме получения удовольствий, он никаких особенно других целей перед собой не ставит? А еда, в том числе алкоголь, и секс, как известно, являются наиболее мощными психофизиологическими источниками удовольствий. В этом смысле проблема избавления от ожирения становится проблемой формирования у человека общей интеллектуальной, философской и психологической культуры. Это проблема формирования у него ценностей и идеалов, которые бы превосходили в его сознании ценность вкусно поесть и получить сиюминутное наслаждение от вкусной еды. Только в этом случае, когда у человека будет такая цель и совокупность целей и когда они будут достаточно сильными и стойкими, можно садиться на диеты, заниматься тренировками, улучшать качество питания, сна и отдыха.

Комплексный философско-психологический подход к коррекции веса тела человека предполагает изменение образа жизни на основе философии

эффективности целедостижения. Любая цель, особенно цель серьезная и ответственная, сложная и требующая длительных усилий человека, достигается лишь тогда, когда человек осознанно или неосознанно руководствуется простыми, но действенными принципами, сущность которых была уже частично раскрыта. Настало время подвести итог и систематизировать их применительно к коррекции веса тела, хотя они подойдут к достижению любой созидательной цели. Человек, который собирается скорректировать свой вес, должен знать, что для этого необходимо развиваться в четырех направлениях.

1. *Развиваться интеллектуально*, поскольку сильный интеллект и именно он управляет всем остальным: он дает возможность ставить правильные цели, искать адекватные ресурсы по их достижению, рационально распределять и координировать энергию между разными аспектами и факторами, способствующими целедостижению и достигать гармонии и баланса между ними. Наоборот, слабый интеллект приводит к ошибочным, иллюзорным целям либо их полному отсутствию и плаванию по течению, не дает возможности подобрать адекватные средства и приводит к тому, что человек хочет одного, а делает совсем другое (прямо противоположное). У человека с неразвитым интеллектом нет никакой упорядоченности в жизни, нет целей, нет критериев оценки проживаемой жизни, он живет ощущениями, стремится к приятным ощущениям любой ценой, не задумываясь о последствиях. Именно поэтому, чтобы избавиться от ожирения, нужно развиваться интеллектуально, хотя бы для того, чтобы понять, откуда оно появилось, чем оно грозит человеку и как от него избавиться. Удивительно то, что даже низкоинтеллектуальный человек, глядя в зеркало и ужасаясь своей фигурой, может рано или поздно захотеть похудеть, но вряд ли у него это получится, т. к. то, что он будет делать (например, начнет голодать или изнурять себя тренировками, послушает новоиспеченного блогера-диетолога и будет следовать его чудо-диете), скорее всего, приведет его к жесткому разочарованию и провалу. Источниками интеллектуального развития является чтение развивающих книг и статей (учебников, учебных пособий, статей, диссертаций, монографий и т. п.), общение с профессионалами, повышение своего профессионального уровня, решение новых профессиональных задач) и т. п. Высокий интеллектуальный уровень и хорошая эрудиция позволяют человеку хорошо ориентироваться и в профессиональной литературе, относящейся к вопросу о похудении, и подобрать правильную диету, и сформировать индивидуальный комплекс гимнастических упражнений, и в целом выработать идеальную систему питания, даже если образ жизни человека малоподвижен. Развитый интеллект – это то, что позволяет человеку всегда делать правильный выбор, а критерием этого выбора всегда является то, что укрепляет здоровье и долголетие.

2. *Развиваться духовно*, что крайне важно и без чего любое усилие человека может рано или поздно оказаться тщетным и напрасным, ибо духовное развитие формирует у человека нравственное сознание и поведение,

которое проявляется в установке достигать собственного счастья не за счет счастья и благополучия других, а на основе золотого правила морали, сущность которого выразил великий Конфуций: «Относись к людям так, как ты хотел бы, чтобы они относились к тебе!» Человек, который чрезмерно отходит от этого принципа, рано или поздно оказывается в проигрыше, чего бы он ни достиг. Ему не поможет ни интеллект, ни богатство, ни слава, ни власть. Поэтому к чему бы ни стремился человек, любую свою цель он должен соотносить и проверять на основе данного морального принципа. Таким образом, человек обеспечивает себе безопасность. И даже если история и знает случаи безнаказанных злодеяний, но точно не стоит их брать за основу собственного поведения. Это опасно, это приведет к несчастьям, страданиям, а они в свою очередь спровоцируют невротизацию личности и, как следствие, ожирение либо дистрофию. Поэтому необходимо духовно развиваться, для чего полезны прогулки на природе в любое время суток и в любое время года, изучение философии и взгляд на свою собственную жизнь не в сиюминутном контексте, а в контексте предельно широкого социокультурного развития, что даст понимание того, в каком направлении нужно идти и развиваться в целом, что даст понимание своего предназначения в жизни, своего смысла жизни. А это и есть вакцина против депрессии, ощущения своей незначительности и прочего, что служит основой для появления или недостаточного избыточного веса.

3. *Развиваться физически*, что дает необходимые силы и дополнительную энергию, не связанную с принятием пищи. Физическое развитие формирует дисциплину, сильную волю и выносливость, без которых невозможно достичь ничего более-менее значимого. Диеты не дают никакого результата потому, что человек, сядящий на нее, не развит физически и у него, как следствие этого, слабая воля, он постоянно срывается и снова набирает вес, а иногда еще больше прежнего. Для того чтобы успешно развивать свое тело, человек должен знать, как оно устроено и как оно функционирует, особенно когда еда становится навязчивой идеей. Источниками физического развития являются: правильное питание, обязательная утренняя зарядка, высокая двигательная активность, регулярная и полноценная сексуальная жизнь, а также присутствие в жизни человека спорта (это может быть фитнес-центр, танцы, плавание и многое другое). Все это развивает у человека валеологическую культуру личности, при которой человек, ведя здоровый образ жизни, имеет наполненную смыслом, созидательную и активную счастливую жизнь, а не занимается лечением болезней.

4. *Развиваться социально-эмоционально*, что означает формирование, поддержание и развитие значимых, эмоционально насыщенных, близких и доверительных, деловых и межличностных отношений человека с другими людьми. Данный вид развития предполагает формирование умения выстраивать долгосрочные дружеские и любовные отношения. Их отсутствие и переживание одиночества – это и есть самый короткий путь к холодильнику и ожирению.

Важнейший принцип построения таких отношений – это принцип ровни, при котором рядом с человеком оказывается другой человек, примерно равный по душевно-духовному плану (интеллекту, темпераменту, ценностям и проч.). Отсутствие навыка формировать подобного рода контакты и связи с другими людьми крайне пагубно сказывается на жизни и здоровье человека. Он начинает остро переживать свою ненужность, невостребованность, одиночество, непонимание другими людьми, а это, как уже неоднократно отмечалось, и приводит к неврозу и многочисленным проявлениям депрессии, острота которых заглушается неумеренным отношением к еде. Собственно, и мотивация коррекции веса тела – крайне важный и во многом исходный фактор коррекции тела – будет формироваться лишь тогда, когда человек ориентирован на построение отношений с другими людьми. Если такой ориентации нет, то сильной, прочной и стойкой мотивации не будет.

Таким образом, человеческая телесность обладает качеством неразрывной связанности с душевно-духовным измерением человеческой жизни. Любое исследование человека, любая проблема, которая требует решения относительно человека, должна исходить из принципа его психосоматического единства, из предпосылки психосоматической целостности его экзистенции. Поэтому самым эффективным способом сделать тело человека здоровым и красивым является построение такого образа жизни, который бы основывался на философии эффективности целедостижения, включающей гармоничное и сбалансированное развитие интеллектуальной, духовной, физической и социально-эмоциональной составляющей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алекситимия и ее связь с расстройствами пищевого поведения и ожирением / М. А. Берковская, А. А. Тарасенко, В. В. Фадеев, О. Ю. Гурова. – Текст : непосредственный // Проблемы эндокринологии. – 2020. – Том 66. – № 2. – С. 42–48.
2. Загребина, Д. О. Восприятие молодежью людей с избыточным весом / Д. О. Загребина, О. А. Жученко. – Текст : непосредственный // Молодежная наука: тенденции развития. – 2022. – № 2. – С. 20–26.
3. Леонтьева, Е. А. Направленность личности и пищевое поведение людей с избыточным весом / Е. А. Леонтьева. – Текст : непосредственный // International Journal of Medicine and Psychology. – 2020. – Том 3. – № 3. – С. 77–82.
4. Литовченко, И. В. Роль вторичных выгод в вопросе набора лишнего веса у женщин / И. В. Литовченко. – Текст : непосредственный // Проблемы развития личности в условиях глобализации: психолого-педагогические аспекты : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. – Ереван : Российско-Армянский (Славянский) университет, 2019. – С. 189–193.
5. Майерс, Д. Психология / Д. Майерс ; перевод с английского И. А. Карпиков, В.А. Старовойтова. – 2-е изд. – Минск : Попурри, 2006. – 848 с. – Текст : непосредственный.
6. Руденко, А. М. О психосоматической целостности экзистенции человека в модусах обладания и бытия / А. М. Руденко. – Текст : непосредственный // Нравственность и религия : сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза : Приволжский Дом знаний, 2012. – С. 57–59.

7. Руденко, А. М. Социология медицины : учебник / А. М. Руденко, В. К. Биловус, О. И. Пипченко ; под общей редакцией А. М. Руденко. – М. : КНОРУС, 2023. – 272 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Berkovskaya M. A., Tarasenko A. A., Fadeev V. V., Gurova O. Yu. *Aleksitimiya i ee svyaz' s rasstrojstvami pishchevogo povedeniya i ozhireniem* [Alexithymia and its connection with eating disorders and obesity]. *Problemy endokrinologii = Problems of endocrinology*, 2020, vol. 66, no. 2, pp. 42–48.

2. Zagrebina D. O., Zhuchenko O. A. *Vospriyatie molodezh'yu lyudej s izbytochnym vesom* [Perception of overweight people by youth]. *Molodezhnaya nauka: tendencii razvitiya = Youth science: development trends*, 2022, no. 2, pp. 20–26.

3. Leontieva E. A. *Napravlenost' lichnosti i pishchevoe povedenie lyudej s izbytochnym vesom* [Personality orientation and eating behavior of overweight people]. *International Journal of Medicine and Psychology*, 2020, vol. 3, no. 3, pp. 77–82.

4. Litovchenko I. V. *Rol' vtorichnyh vygod v voprose nabora lishnego vesa u zhenshchin* [The role of secondary benefits in the issue of weight gain in women]. *Problemy razvitiya lichnosti v usloviyah globalizacii: psichologo-pedagogicheskie aspekty: Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Problems of personality development in the context of globalization: psychological and pedagogical aspects: Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference*. Yerevan: Russian-Armenian (Slavic) University, 2019, pp. 189–193.

5. Myers D. *Psichologiya* [Psychology]; translated from English by I. A. Karpikov, V. A. Starovoitova. 2nd ed. Minsk: Potpourri, 2006. 848 p.

6. Rudenko A. M. *O psichosomaticheskoy celostnosti ekzistencii cheloveka v modusah obladaniya i bytiya* [On the psychosomatic integrity of human existence in the modes of possession and being]. *Nravstvennost' i religiya: sbornik statej IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Morality and Religion: collection of articles of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference*. Penza: Publishing House "Privolzhsky House of Knowledge", 2012, pp. 57–59.

7. Rudenko A. M., Bilovus V. K., Pipchenko O. I. *Sociologiya mediciny: uchebnik* [Sociology of Medicine: textbook]; under the general editorship of A. M. Rudenko. Moscow : KNORUS, 2023. 272 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Руденко, А. М. Социокультурные и психологические аспекты решения проблемы коррекции веса тела человека в современном российском обществе / А. М. Руденко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 195–206.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Rudenko A. M. Socio-cultural and Psychological Aspects of Solving the Problem of Correction of Human Body Weight in Modern Russian Society / A. M. Rudenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 195–206. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Абдулаева Ильмира Абдурагимовна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета в городе Кизляре (г. Кизляр); e-mail: ilmira.abdulaeva@mail.ru

Abdulaeva Ilmira Abduragimovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economic, Legal and General Educational Disciplines, Kizlyar Branch of Dagestan State University (Kizlyar); e-mail: ilmira.abdulaeva@mail.ru

Ардинцева Мария Владимировна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: mari-ardintceva@mail.ru

Ardintseva Maria Vladimirovna – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: mari-ardintceva@mail.ru

Вакуленко Екатерина Гавриловна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой народного декоративно-прикладного творчества, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (г. Краснодар); e-mail: sohranenie@mail.ru

Vakulenko Ekaterina Gavrilovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Folk Arts and Crafts, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar); e-mail: sohranenie@mail.ru

Голодов Евгений Алексеевич – директор Технопарка универсальных педагогических компетенций ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: golodov@mail.ru

Golodov Evgeny Alekseevich – Director of the Technopark of Universal Pedagogical Competences, Armavir Pedagogical State University (Armavir); e-mail: golodov@mail.ru

Гордиенко Сергей Анатольевич – кандидат технических наук, доцент, старший преподаватель Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков (г. Краснодар); e-mail: gordi.serhio2013@yandex.ru

Gordienko Sergey Anatolyevich – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, senior lecturer of the Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots (Krasnodar); e-mail: gordi.serhio2013@yandex.ru

Грицких Игорь Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: i.v.gritskih@mail.ru

Gritskikh Igor Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: i.v.gritskih@mail.ru

Губанова Марина Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: gubanovama2012@yandex.ru

Gubanova Marina Aleksandrovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: gubanovama2012@yandex.ru

Доброва Виктория Вадимовна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Иностранные языки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (г. Самара); e-mail: victoria_dob@mail.ru

Dobrova Victoria Vadimovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department "Foreign Languages", Samara State Technical University (Samara); e-mail: victoria_dob@mail.ru

Дорофеева Ольга Алексеевна – начальник отдела информационной политики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: pressagpu@mail.ru

Dorofeeva Olga Alekseevna – Head of the Information Policy Department, Armavir Pedagogical State University (Armavir); e-mail: pressagpu@mail.ru

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор, член Русского географического общества (г. Армавир); e-mail: dudarev51@mail.ru

Dudarev Sergey Leonidovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, member of the Russian Geographical Society (Armavir); e-mail: dudarev51@mail.ru

Захаренко Светлана Геннадьевна – студент Кубанского государственного аграрного университета (г. Краснодар); e-mail: zgi3791@rambler.ru

Zakharenko Svetlana Gennadiyevna – student, Kuban State Agrarian University (Krasnodar); e-mail: zgi3791@rambler.ru

Зеленко Наталия Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: uzelnv@rambler.ru

Zelenko Natalia Vasilyevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Technology and Design, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: uzelnv@rambler.ru

Кирсанова Анна Михайловна – аспирант ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (г. Краснодар); e-mail: anna_kirsanova_84@mail.ru

Kirsanova Anna Mikhailovna – post-graduate student, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar); e-mail: anna_kirsanova_84@mail.ru

Ктиторов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: ktitorovsn@yandex.ru

Ktitorov Sergey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: ktitorovsn@yandex.ru

Кулик Станислав Владимирович – аспирант кафедры социологии и культурологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» (г. Краснодар); e-mail: stas.k.44@mail.ru

Kulik Stanislav Vladimirovich – Postgraduate student of the Department of Sociology and Cultural Studies, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar); e-mail: stas.k.44@mail.ru

Лоба Всеволод Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: vsevolodka@inbox.ru

Loba Vsevolod Evgenievich – PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Law and Social Sciences and the Humanities, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: vsevolodka@inbox.ru

Лобанов Илья Андреевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: lobanov1985@mail.ru

Lobanov Ilya Andreevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: lobanov1985@mail.ru

Лобко Роман Александрович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: roma-ral@yandex.ru

Lobko Roman Aleksandrovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: roma-ral@yandex.ru

Маркелов Владимир Иванович – кандидат педагогических наук, доцент Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков (г. Краснодар); e-mail: napalkoff.v@yandex.ru

Markelov Vladimir Ivanovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Krasnodar Higher Military Aviation School for Pilots (Krasnodar); e-mail: napalkoff.v@yandex.ru

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. (базовой кафедры ЮНЦ РАН) Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Matveev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the 20–21st Centuries (SSC RAS Basic Department), the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Пелих Алексей Леонидович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: pelich1976@mail.ru

Pelikh Alexey Leonidovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: pelich1976@mail.ru

Пономарева Виктория Витальевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: vika.ponomareva.72@mail.ru

Ponomareva Victoria Vitalievna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Social, Special Pedagogy and Psychology, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: vika.ponomareva.72@mail.ru

Похилько Александр Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Pokhilko Alexander Dmitrievich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Проказин Евгений Сергеевич – кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков (г. Краснодар); e-mail: joni.03@mail.ru

Prokazin Evgeniy Sergeevich – Candidate of Pedagogical Sciences, deputy Head of Department of the Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots (Krasnodar); e-mail: joni.03@mail.ru

Пуневский Ярослав Викторович – аспирант Московского государственного областного университета (г. Москва); e-mail: moskva221090@gmail.com

Punevsky Yaroslav Viktorovich – post-graduate student, Moscow State Regional University (Moscow); e-mail: moskva221090@gmail.com

Равочкин Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (г. Кемерово); e-mail: nickravochkin@mail.ru

Ravochkin Nikita Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev; Associate Professor of the Department of Pedagogical Technologies, Kuzbass State Agricultural Academy (Kemerovo); e-mail: nickravochkin@mail.ru

Руденко Андрей Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в городе Шахты (г. Шахты); e-mail: amrudenko@list.ru

Rudenko Andrey Mikhaylovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Institute of Services Industry and Business (branch), Don State Technical University in Shakhty (Shakhty); e-mail: amrudenko@list.ru

Рябцев Даниил Григорьевич – аспирант кафедры иностранных языков и технологии перевода Воронежского государственного технического университета (г. Воронеж); e-mail: ryabtsev68@mail.ru

Ryabtsev Daniil Grigorievich – post-graduate student of the Department of Foreign Languages and Translation Technology, Voronezh State Technical University (Voronezh); e-mail: ryabtsev68@mail.ru

Собко Виталий Владимирович – кандидат педагогических наук, старший преподаватель Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков (г. Краснодар); e-mail: vitos_93@mail.ru

Sobko Vitaly Vladimirovich – Candidate of Pedagogical Sciences, senior lecturer of the Krasnodar Higher Military Aviation School for Pilots (Krasnodar); e-mail: vitos_93@mail.ru

Сотиева Мадина Романовна – старший преподаватель кафедры физического воспитания Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал, Республика Южная Осетия); e-mail: tekhti@mail.ru

Sotieva Madina Romanovna – Senior Lecturer, Department of Physical Education, South Ossetian State University named after A.A. Tibilova (Tskhinval, Republic of South Ossetia); e-mail: tekhti@mail.ru

Спирина Ольга Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: spirinaolga77@mail.ru

Spirina Olga Nikolaevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory, History of Pedagogy and Educational Practice, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: spirinaolga77@mail.ru

Стулов Алексей Николаевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: alextrip2018@rambler.ru

Stulov Alexey Nikolaevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: alextrip2018@rambler.ru

Сытников Николай Григорьевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: nik.sytnikov.1986@mail.ru

Sytnikov Nikolai Grigorievich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: nik.sytnikov.1986@mail.ru

Третьяченко Дмитрий Сергеевич – кандидат педагогических наук, старший преподаватель Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков (г. Краснодар); e-mail: tdmityrs1982@mail.ru

Tretyachenko Dmitry Sergeevich – Candidate of Pedagogical Sciences, senior lecturer of the Krasnodar Higher Military Aviation School for Pilots (Krasnodar); e-mail: tdmityrs1982@mail.ru

Тупичкина Елена Александровна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: tupelena@yandex.ru

Tupichkina Elena Aleksandrovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Technologies of Preschool and Primary Education, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: tupelena@yandex.ru

Ян Шангронг – кандидат исторических наук, старший преподаватель, Школа истории и культуры Северо-западного педагогического университета (г. Ланьчжоу); e-mail: yangshrang@gmail.com

Yang Shangrong – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Senior lecturer of School of History and Culture, Northwest Normal University (Lanzhou); e-mail: yangshrang@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302). **С 22.10.2021 года журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 дней** после окончательной даты приема материалов.

Срок приема статей – до 1 мая 2023 года.

Дата выхода журнала – июнь 2023 года.

Основные рубрики журнала:

Научные специальности*	Отрасли науки, по которым присуждаются ученые степени*
5.6.1. Отечественная история	Исторические науки
5.7.7. Социальная и политическая философия	Философские науки
5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования	Педагогические науки
5.8.7. Методология и технология профессионального образования	Педагогические науки

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.

2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);

- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2). **В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!**

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей и доставке журналов:

Публикация 1 страницы текста (при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **550 рублей.**

Правила оформления статьи

Объем до 16 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением **doc*.

1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК.

2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>.

3) Заглавие статьи на русском языке.

4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.

5) Ключевые слова объемом не более 7–10 слов.

6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объем от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3–6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (**не менее 8 страниц без списка литературы**).

9) **Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).**

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.100–2018 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A. G., Korotovskikh V. A., Kolesnikov A. A., Timonov A. V., Kardymon D. V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54–57. (In Russian).

2. Lindorf L. S., Mamikonians L. G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>.

9) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Шифр специальности: 5.7.7.

УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт,
г. Армавир, Российская Федерация

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Abstract. The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Koni's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue

of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Kony is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defense. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defense.

Keywords: *human right to self-defence, self-defense right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.*

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев, В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с. – Текст : непосредственный.
2. Карцев, Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк, С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 / С. Фрэнк. – URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. – Текст : электронный.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p.
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy = European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. Available at: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru, тел.: 8-900-123-45-67

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical University, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru, tel.: 8-900-123-45-67

Представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и/или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____ (название статьи)» отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____
(подпись) (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

Научное издание

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 1 2023

Журнал входит в перечень ВАК

Редакционно-издательский отдел
Начальник отдела: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко

Дата выхода в свет: 05.05.2023. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 25,81. Уч.-изд. л. 14,82. Тираж 300 экз.
Заказ № 9/23. *Цена свободная.*

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе
ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»
Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Издатель: ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»
Адрес издателя:
352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Адрес редакции: 352901, г. Армавир, ул. Р. Люксембург, 159, ауд. 4